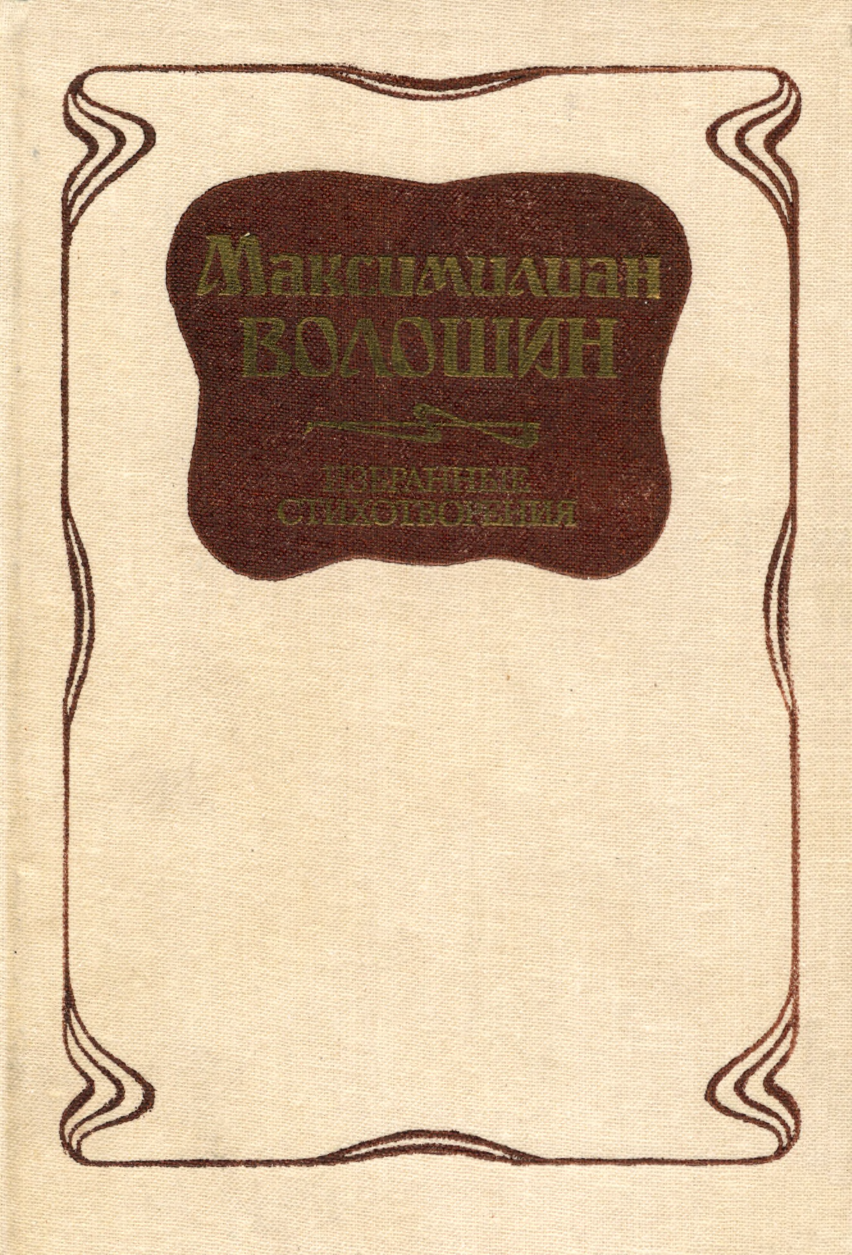
Максимилиан
Волошин



Максимилиан
ВОЛОШИН



Максимилиан Волошин

Максимилиан ВОЛОШИН

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1988

Р2
В68

Составление, вступительная статья
и примечания
А. В. Лаврова

Оформление *В. Я. Мирошниченко*

Волошин М. А.
В68 Избранные стихотворения/Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова.— М.: Сов. Россия, 1988.— 384 с.: ил.

Максимилиан Александрович Волошин (1877—1932) — крупнейший поэт первой трети XX века. В начале творческого пути он примыкал к символистам, печатался в журналах «Весы», «Золотое руно»; затем активно сотрудничал в журнале «Аполлон».

Поэт много путешествовал, долгое время жил в Париже, где испытал серьезное влияние импрессионистов.

С 1917 года постоянно жил в Крыму, в Коктебеле.

В настоящем сборнике собраны стихотворения поэта, посвященные событиям мировой и русской истории, революции и гражданской войне, прошлому восточного Крыма (Киммерии), его природе.

Сборник иллюстрирован рисунками автора, который серьезно увлекался живописью и графикой.

В $\frac{4702010200—292}{М-105(03)88}$ 185—88 **Р2**

ISBN 5—268—00591—х

О ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА

В одном из вариантов автобиографии, составлявшемся в 1920-е гг., Волошин писал о поре своего духовного становления: «Доживался последний год постылого XIX века: 1900 год был годом «Трех разговоров» Владимира Соловьева и его «письма о конце Всемирной Истории», годом Боксерского восстания в Китае, годом, когда в разных концах России несколько русских мальчиков, ставших потом поэтами и носителями ее духа, явственно и конкретно переживали сдвиги времен. То же, что Блок в Шахматовских болотах, а Белый у стен Новодевичьего монастыря, я по-своему переживал в те же дни в степях и пустынях Туркестана, где водил караваны верблюдов».

Этими словами Волошин не только точно обозначает свою духовную и литературную генеалогию, ими он дает ключ к собственной личности — сложной, многосоставной и в то же время исключительно цельной. Знаменательно, что свои первоначальные творческие импульсы Волошин обретает в тех же переживаниях «рубежа веков», ставшего и рубежом в эстетическом сознании, которые объединяли представителей русского символизма «второй волны», сформировавшихся под знаком жизнетворческого идеализма. В то же время Волошин — поэт, художник, критик, мыслитель — прошел свой, совершенно особый путь, который невозможно свести ни к одной четко сформулированной доктрине.

Детство Максимилиана Александровича Волошина (1877—1932), родившегося в Киеве в семье юриста, Александра Максимовича Кириенко-Волошина (вскоре умершего), прошло в Москве; в 1893 г. мать будущего поэта, Елена Оттобальдовна, решила переехать в Крым — в Коктебель близ Феодосии, тогда еще совсем необжитое место, где приобрела недорогой участок земли на берегу моря. Отроческие годы Волошин провел в

Коктебеле. После окончания Феодосийской гимназии он поступил в 1897 г. на юридический факультет Московского университета. Юношеские оппозиционные взгляды Волошина очень скоро стали предметом пристального внимания властей: осенью 1897 г. он попал под надзор полиции, а в феврале 1899 г., когда началась Всероссийская студенческая забастовка, за свое «отрицательное миросозерцание» и «склонность ко всякого рода агитациям»[1] исключен из университета на год и выслан в Феодосию со свидетельством о неблагонадежности. Восстановившись на втором курсе юридического факультета в феврале 1900 г., он продолжает участвовать в студенческом движении, за что вскоре следует новая расплата: в августе — арест в Крыму, отправка в Москву в Басманный «полицейский дом» и после нескольких дней одиночного заключения — высылка из Москвы до особого распоряжения[2].

Не дожидаясь новых репрессий, Волошин устраивается осенью 1900 г. в партию по изысканию трассы Оренбург-Ташкентской железной дороги; в ходе этой добровольной ссылки наступит то, что Волошин позднее в автобиографии назовет «моим духовным рождением». Решив не возвращаться в университет, Волошин отправляется в Париж, чтобы заняться самообразованием: «уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы». Столица Франции становится его второй духовной родиной. Когда несколько лет спустя он, начинающий поэт и критик, приверженец набирающего силы символизма, появляется вновь в России и входит в литературную среду, то предстает уже в своеобразном ореоле «русского парижанина». «...Огромная шляпа, широченная лента на пенснэ, бархатная куртка — только что приехал из Парижа. Полон самоновейшими поэтами фран-

---

[1] Формулировки из студенческого дела М. А. Кириенко-Волошина.— ЦГИАМ, ф. 418, оп. 311, д. 436, л. 19 об.

[2] См.: Купченко Вл. Вольнолюбивая юность поэта: М. А. Волошин в студенческом движении.— Новый мир, 1980, № 12, с. 216—223.

цузскими»,— таким вспоминает Волошина той поры писатель Борис Зайцев[3].

Как девиз и жизненная программа Волошина в этот период могут восприниматься строки из его стихотворения «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...» (1904):

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

Одно из самых устойчивых представлений, связанных с образом Волошина,— поэт-путешественник, поэт-странник. Путешествовал Волошин с ранней юности: он объездил Швейцарию, Германию, Италию, Испанию, всю Францию, побывал на Корсике и Сардинии, на Балеарских островах и в экзотической Андорре, в Греции и Константинополе, глубоко сожалел о том, что не удалось осуществить грандиозный план длительного путешествия на Восток — в Кашгар, Китай, Японию, Индию. «В эти годы,— вспоминал Волошин о семилетии 1898—1905 гг.,— я только впитывающая губка. Я весь глаза, весь уши». Тема странствий — одна из основных в первой книге стихов Волошина. Странствия по «лицу земли», по музеям и библиотекам восполнялись «блужданиями духа: буддизм, католичество, магия, масонство, оккультизм, теософия, Р. Штейнер»; этот спектр духовных интересов и увлечений, очерченный Волошиным в автобиографии, можно было бы значительно расширить: не меньшую роль в самоопределении поэта играли тогда новейшая французская литература и живопись. Главенствующее значение в духовном формировании Волошина возымело романско-средиземноморское культурное начало в сочетании с религиозно-философскими, по большей части теософскими, интересами и тяготениями.

---

[3] Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965, с. 44.

Многообразные искания Волошина исключали лишь одно качество — догматизм. Сам Волошин подчеркивал: «В мифологии я ищу идейных символов и комбинирую их согласно тому, как это *мне* кажется удобным»[4],— а хорошо знавший его А. С. Ященко отмечал, что Волошин никогда «не старался занести себя под известные рубрики каталога жизни»[5]. Из самых различных, порой взаимоисключающих компонентов складывалась своеобразная индивидуальная теософия Волошина — предельно адогматичная, открытая любым веяниям, однако не превращавшая его внутренний мир в хаотический конгломерат заимствованных ценностей: гарантией суверенности этого мира служили духовная независимость, верность самому себе и единство личности поэта, находившего опору в осознании единства мировой культуры и культурно-исторической преемственности. Первичность философских и историко-культурных интересов заметно сказалась на поэтическом творчестве Волошина: в стихах он очень высоко ценил «поэзию идей и пафос мысли»[6], а его собственные творческие опыты даже подводили к заключениям о том, что Волошин пишет «статьи, похожие на стихи, стихи, похожие на статьи»[7].

«Странничество» во многом определило и литературную судьбу Волошина. Крылатые слова из стихотворения, посвященного Брюсову: «В вашем мире я — прохожий, Близкий всем, всему чужой»,— содержат намек и на осознание Волошиным

---

[4] Письмо к С. К. Маковскому от 15 августа 1909 г.— ГПБ, ф. 124, ед. хр. 975.

[5] Письмо к Л. Н. Андрееву от 5 января 1903 г.— ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 4.

[6] За невнимание к этим сторонам творчества Волошин укорял молодых поэтов А. Н. Толстого и Н. Гумилева (письмо к И. Ф. Анненскому от 18 августа 1909 г.— ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 307).

[7] Эренбург И. Портреты современных поэтов. М., 1923, с. 37.

своего удела в среде русских символистов в пору расцвета этой поэтической школы. Волошин попеременно сближался то с редакцией московского журнала «Весы» — главного органа русского символизма, возглавлявшегося Брюсовым, то с Вяч. Ивановым, стоявшим в центре круга петербургских модернистов, то с устроителями петербургского журнала «Аполлон» — и нигде не оказывался до конца «своим», везде был приемлем лишь с определенными ограничениями и оговорками. «Чувствую себя как-то очень «не ко двору» в русской литературе, но примиряюсь с этим охотно»,— резюмировал Волошин в письме к Конст. Эрбергу от 1 апреля 1914 г.[8] Менее всего озабоченный созданием себе прочной литературной репутации, Волошин первый сборник стихотворений выпустил в свет лишь в 1910 г., после десяти лет профессиональной поэтической работы, когда его произведения уже перепечатывались в антологиях и «чтецах-декламаторах».

В письме к матери от 7 января 1914 г. Волошин так сформулировал свое поэтическое кредо: «...я делаю в искусстве только то, что трудно. Мне легко дается стих. Я довел требования к нему до такой степени, что мне очень трудно писать стихи и я пишу их очень мало». И далее он определил еще один исходный принцип: «Страстность — в холодности и законченности формы»[9]. Высокая требовательность Волошина к стиху производила сильное впечатление даже на его современников, воспринимавших виртуозное мастерство как непременный родовой признак символистской поэзии. Поэтесса М. Л. Моравская писала Волошину о его первой книге: «Поразили меня маленькие размеры Вашего сборника: я ожидала увидеть основательный томище, и вдруг: 124 стр.! Эта цифра рядом с пометкой: 1900—1910 г.— такая пощечина современным поэтам, которые каждый год вы-

[8] ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 100.
[9] ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 62.

пускают по сборнику! Ведь между публикой и писателем уже установилось молчаливое соглашение, что в сборнике может быть 1/4 совершенных стихов, а остальные — в качестве свиты. И вдруг — маленький сборник только избранных стихов!»[10] М. Кузмин в рецензии на ту же книгу также полагал, что Волошин «тщательно отчеканивает свои стихи и делает из них осторожный выбор»[11]. Между тем на деле «Стихотворения. 1900—1910» не представляли собой свода *избранного*, в книгу вошло большинство завершенных стихотворений этого десятилетия.

Другой принцип — стремление к «холодности и законченности формы» — также отмечался как определяющая черта поэтической индивидуальности Волошина. Валерий Брюсов, один из корифеев символистского стиха, признавал значительные достижения Волошина в этой области, говоря, что, кроме его самого и Волошина, никто в России не может написать правильного сонета[12]. Едва ли не все, обращавшиеся к творчеству Волошина, в унисон говорили о его утонченном мастерстве, безукоризненном вкусе, артистизме, «культурной» оснащенности и поэтической выразительности. Похвалы нередко оборачивались и упреками, когда речь заходила о теневых сторонах этих достоинств — о недостаточной непосредственности, рассудочности, риторике, «книжности», отчужденности от жизненных токов. Вяч. Иванов, например, писал, что среди стихов Волошина «есть изумительные синтетические копии, но недостает прекрасных оригиналов», что первая его книга «учит поглощать мир, а не расточает свою душу»[13].

---

[10] Письмо от 16 марта 1910 г.— ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 853.

[11] Аполлон, 1910, № 7, апр., отд. II., с. 37.

[12] Свидетельство В. И. Язвицкого (1917 г.). См.: Валерий Брюсов в автобиографических записях, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики/Сост. Н. Ашукин. М., 1929, с. 347.

[13] Аполлон, 1910, № 7, апр., отд. II, с. 38.

Действительно, Волошин в полной мере усвоил панэстетизм как одну из основополагающих идей, определявших поэтику символизма, и отдал ему самую щедрую дань. Тяготения Волошина к потаенной сущности бытия приобретали эстетическую окраску, человек и его внутренний мир и даже мир природы также раскрывались для него сквозь призму эстетических соответствий, исторических и мифологических образов, пропущенных через эстетическую реторту. «Чужое» всегда было для Волошина живым источником поэтического вдохновения, а более всего это «чужое» концентрировалось в искусстве: образ женщины для него одет в «тона жемчужной акварели», пейзаж Венеции напоминает «осенние тона Тициана», сквозь описания Парижа проступают впечатления от картин французских импрессионистов. Характерно при этом преобладание живописных, пластических ассоциаций. Если большинство символистов с доверием отнеслись к лозунгу Верлена «музыка прежде всего», то творческий метод Волошина-поэта можно было бы обозначить формулой: «Живопись прежде всего».

Очень точно об этих определяющих особенностях сказал малозаметный поэт и критик С. Я. Рубанович в рецензии на книгу Волошина «Иверни»: «Новизна, его окружающая, понятна ему только в лучах старины. Древние мифы и картины старых мастеров являются для него источниками истолкований современности <...> слово для Волошина — смысл, плоть, краска, но не звук; стих — словопись, а не пение; отсюда же и склонность поэта к уже данным крепким строфическим формам»[14]. Не случайно Вяч. Иванов говорил, что у Волошина глаз непосредственно соединен с языком: говорящий глаз[15]. В автобиографии Волошин отмечал, что учился мастерству стиха у французских поэтов Теофиля Готье и Эредиа — виртуозов формы, добившихся

---

[14] Свободная жизнь, 1918, № 3, 4 июля.

[15] Цит. по: Куприянов И. Т. Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978, с. 155.

скульптурной пластичности и живописности словесного образа, и эта школа ощутимо сказывается в его творчестве: не раз Волошина называли, подобно Эредиа, «парнасцем» на русской почве. Многообразные творческие искания Волошина могут быть рассмотрены под знаком тяготения к некой эстетической теософии, синтезирующей в своем пантеоне различные виды искусства. Если поэзия Волошина тяготеет к живописной выразительности и красочности, то его живопись — акварельные пейзажи — старается быть осуществлением сформулированных в слове художественных идей: многие акварели имеют подписи — микростихотворения в одну или несколько строк, отдаленно напоминающие японские трехстишия — хокку; в соединении слова с рисунком Волошин стремился, как он сам указывал, к «симфоническому, а не унисонному сочетанию», в котором акварель «служит только музыкальным аккомпанементом»[16]. В очерке «О самом себе» Волошин подчеркивает, что любая его акварель — не живопись в чистом виде, не этюд с натуры, а «музыкально-красочная композиция на тему киммерийского пейзажа»[17].

Киммерия (восточный Крым) — это особая волошинская тема, в трактовке которой отчетливее всего проявилось своеобразие его художнической натуры, а Коктебель — своего рода материализация творческого духа поэта. Немного в истории мировой культуры отыщется примеров столь тесной связи между человеком-творцом и местом, где он жил и творил. Чувство общности с Коктебелем возникло у Волошина не сразу. «Я приезжал туда лишь путешественником»,— признается он в письме к А. М. Петровой из Парижа (сентябрь 1908 г.)[18]. Впервые

---

[16] Письмо к Ю. Л. Оболенской от 20 октября 1917 г.— ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 84.

[17] Максимилиан Волошин — художник: Сб. материалов. М., 1976, с. 45.

[18] ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 94.

Коктебель раскрылся Волошину в своей сокровенной сути весной 1907 г., когда он решил побыть некоторое время в уединении, вдали от петербургской и московской литературной среды; тогда Волошин переживал тяжелые душевные испытания — осложнение и фактическое распадение отношений с М. В. Сабашниковой, ставшей за год до того его женой. Любовь к Сабашниковой наложила свой отпечаток на всю лирику Волошина 1904—1905 гг., ею в ту пору был целиком поглощен внутренний мир поэта. Личная драма во многом способствовала перелому в мироощущении Волошина. Если предшествовавшая ей пора жизни проходила под знаком жадного познавания нового, стремления охватить всю реальность во всем ее многообразии, освоения неизведанных горизонтов культуры и земного пространства, то теперь Волошин приходит к большей внутренней сосредоточенности, предельно распахнувшийся перед ним мир постепенно сужается и ограничивается местностью вокруг Коктебеля, которую поэт начинает осознавать как предопределенный ему дар судьбы.

Пейзажи восточного Крыма — скалы и утесы, полынные нагорья и равнины, выжженные солнцем, море и суровая нагота земли — стали в ту пору глубоко созвучны Волошину: «безрадостный Коктебель» помог избыть горечь личных переживаний, ощутить «сыновность и сиротство» своего пребывания в мире. Коктебельские мотивы обогатили поэзию Волошина незаимствованным, сугубо личностным содержанием. В «киммерийских» стихах поэт достигает удивительного соответствия между точными описаниями того, что открывается глазу и осязается «горящими ступнями», и пейзажем души, между передачей сиюминутных, ускользающих впечатлений, окрашенных мифопоэтическими ассоциациями, и картинами извечного природного бытия. А. Н. Толстой назвал Волошина «поэтом ритма вечности»[19]; такое определение оправдывается в первую очередь произведениями на «киммерийские» темы, которые являются

---

[19] Толстой А. Н. О Волошине/Публ. А. И. Хайлова.— А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985, с. 218.

в то же время хроникой природной жизни, составленной человеком, постигшим трагическую мудрость земного существования. К познанию Киммерии Волошин подошел тогда, когда для него раскрылась подспудная и необходимая связь противоположных начал бытия, когда он после многих искушений разгадал те простые шифры, о которых писал А. М. Петровой в ноябре 1908 г.: «Теперь я глубоко понял, что для человека нет иного откровения кроме того, что скрыто в каждом событии жизни, в каждом мгновении бытия. Что надо внимательно читать жизнь, не упуская ни одного извива ее. Что своего истинного «я» надо искать не во внутреннем созерцании, а в том, как преображается в нас внешний мир. Я понял теперь глубокую и нежную любовь к жизни и в то же время отсутствие желаний, стесняющих свободное и широкое течение ее»[20]. Это мироощущение, суть которого будет позднее отчеканена в строках самого знаменитого стихотворения Волошина — «Дом Поэта», было выношено им во многом благодаря открытию и постижению Киммерии.

Коктебель становится для Волошина символическим образом мироздания, в котором аккумулируются все многоразличные «лики земли», следы ее истории и культуры, а «Киммерии печальная область» — универсальной парадигмой бытия. Глубже всего Волошин постигал этот уголок земли в уединенных созерцаниях, однако Коктебель был для него не новым затвором, а земным приделом, открытым для разнообразных веяний живой жизни. Постепенно волошинский дом в Коктебеле становится густонаселенным пристанищем и местом отдыха писателей и друзей поэта. 13 сентября 1925 г. Волошин извещал прозаика А. А. Кипена: «Я превратил свой дом в бесплатную колонию для писателей, художников и ученых, и это дает мне возможность видеть русскую литературу у себя, не ездя в Москву и СПб»[21].

---

[20] ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 94.
[21] ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 54.

С годами волошинский Коктебель приобрел известность как своеобразный культурный центр, не имевший тогда в стране никаких аналогий. «Киммерийскими Афинами» назвал его поэт и переводчик Георгий Шенгели. По словам Волошина, Брюсов, говоря о Коктебеле, заявлял, что «сейчас в России нет нигде такого сосредоточия интересных людей»[22]. В самом деле, в гостеприимном доме Волошина в разное время обретались А. Н. Толстой, Н. С. Гумилев, М. И. Цветаева, Е. И. Замятин, О. Э. Мандельштам, В. Я. Брюсов, Андрей Белый, В. Ф. Ходасевич, М. А. Булгаков, С. М. Соловьев, К. И. Чуковский, М. М. Шкапская, С. З. Федорченко, В. А. Рождественский, С. Н. Дурылин, А. Соболь, многие другие писатели, а также художники, артисты, ученые. Коктебельский дом Волошина являл собой подобие утопической Телемской обители из романа Рабле, в нем жил дух творчества и игры, царили непринужденность, веселость и свобода — непременные атрибуты подлинной культуры. В самом Волошине было чрезвычайно сильно ренессансное начало; поэт был отзывчив на самые разнообразные проявления человеческого духа, и эту энергию своей личности щедро передавал окружающим. Андрей Белый по праву назвал Коктебель «целым единственной жизни» Волошина, а самого поэта — «творцом быта», «хозяином единственного в своем роде сочетания людей, умевшим соединять самые противоречивые устремления, соединяя людские души так, как художник-мозаичист складывает из камушков неповторимую картину целого»[23]. Коктебель, запечатленный в стихах, акварелях, образе жизни, наконец, в самом Доме Поэта, остается значительным, подлинно нерукотворным плодом деятельности жизнетворческого духа Волошина.

---

[22] Письмо Волошина к А. М. Пешковскому от 23 марта 1925 г.— ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 27.

[23] Белый А. Дом-музей М. А. Волошина.— Звезда, 1977, № 5, с. 189.

Одним из любимейших великих людей прошлого для Волошина был Франциск Ассизский — основатель нищенствующего монашеского ордена францисканцев, проповедовавший духовную радость, добродетель ощущения Христа в мире, а не вне мира, любовь к природе, данной человеку как Божий дар, чувство братства со всем сущим. Если искать в истории хотя бы отдаленные аналогии личности русского поэта и художника, то черты сходства с этим святым католической церкви (воспетым Волошиным в одном из его стихотворений) окажутся весьма знаменательными. В самом деле, разве не согласуются с францисканским идеалом те аттестации, которые давал Волошину А. С. Ященко: «Он понял жизнь птиц, полевых лилий и широких рек», «он никогда не стремился к достижению практических целей, презирал материальную суету жизни»[24]? Благословляющая любовь к миру и независимость, иногда вызывающая, от житейских условностей, вплоть до отказа от собственности, непочтение к любым формам социально-политического устройства и одновременно предельно открытый, изначально дружественный подход к любому человеку,— попытки Волошина жить в согласии с этими принципами в мирном Коктебеле со стороны часто воспринимались как безрассудство и чудачество. Однако верность избранным принципам поэту удалось сохранить и в те годы, когда за отстаивание подобного понимания жизни легко было поплатиться самой жизнью, и Волошин прошел через эти испытания, не поступившись ничем из своего внутреннего достояния.

Начало первой мировой войны застало Волошина в Швейцарии, через полгода он перебрался в Париж, где прожил до весны 1916 г. Общественная позиция, занятая им тогда, не имела ничего общего с националистическим энтузиазмом, охватившим многих русских писателей; М. О. Цетлин, близкий друг Воло-

---

[24] Письмо к Л. Н. Андрееву от 5 января 1903 г.— ИРЛИ, ф. 562, оп. 4, ед. хр. 4.

шина в те дни, метко определил ее как «метафизический интернационализм»[25]. Стихи Волошина, в которых он сказал свое слово о мировой войне, составили небольшой сборник «Anno mundi ardentis 1915» («В год пылающего мира 1915»). Трагедия Европы предстала в восприятии Волошина в мистико-апокалипсических образах — «как темный бунтующий хаос, разорвавший покровы современного сознания» (по характеристике В. М. Жирмунского, рецензировавшего книгу)[26]. Пророческая риторика этого сборника во многом предопределила художественную ткань волошинских стихов, создававшихся в конце 1910-х — начале 1920-х гг. Почти за год до Февральской революции Волошин возвращается в Россию и обосновывается в Коктебеле, где живет постоянно уже до конца своих дней.

Долгое время в поэтическом наследии Волошина наименее известной частью оставались его стихотворения, посвященные событиям революции и гражданской войны. В читательский обиход были допущены лишь те стихи этой поры, главенствующим мотивом которых была вера в светлое будущее Родины и ее высокое предназначение, стихи же, запечатлевшие картины жестокой, бесчеловечной повседневности тех переломных лет, оставались в тени. Цена веры Волошина в грядущую «праведную Русь» тем самым подрывалась. «Через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла» — этими словами Достоевского мог определить Волошин свою позицию в революционную эпоху, и если мы поневоле слышим только «осанну», без ее драматического, и порой какофонического, контрапункта, то такая «осанна» угрожает обернуться бессодержательной риторикой, «плетением словес».

Стихи, написанные в те годы,— самое значительное из всего, что создал Волошин, в них его поэтический голос обрел

---

[25] Цетлин Мих. (Амари). Силуэты. 5. Максимилиан Волошин.— Понедельник, М., 1918, № 8, 9/22 апр.

[26] Биржевые ведомости, утр. вып., 1916, № 15791, 9 сент.

мощь и выразительность, каких он ранее не достигал, и это хорошо понимали многие современники поэта. «Революция ударила по его творчеству, как огниво по кремню, и из него посыпались яркие, великолепные искры,— писал о Волошине В. В. Вересаев.— Как будто совсем другой поэт явился, мужественный, сильный, с простым и мудрым словом <...>»[27]. Волошина прежнего с Волошиным новым сопоставлял и Андрей Белый: «Я не узнаю Макс<имилиана> Алек<сандровича>. За пять лет революции он удивительно изменился, много и серьезно пережил <...> с изумлением вижу, что *«Макс»* Волошин стал *«Максимилианом»;* и хотя все еще элементы *«латинской культуры искусств»* разделяют нас с ним, но в точках любви к совр<еменной> России мы встречаемся, о чем свидетельствуют его изумительные стихи. Вот еще *«старик»* от эпохи символизма, который оказался моложе многих *«молодых»*[28].

Испытания, которые суждено было перенести его родине, Волошин встретил достойно и бесстрашно. «Вернувшись весной 1917 года в Крым,— писал он в автобиографии (1925),— я уже больше никогда не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую, и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой. Стих остается для меня единственной возможностью выражения мыслей о свершившемся, но в 1917 году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября <...>».

Нередко общественная позиция Волошина в эпоху гражданской войны изобличалась как политический инфантилизм, как попытка уклониться от неизбежного выбора и стать «над схваткой». На деле Волошин отнюдь не стремился возвыситься над происходящими событиями и остаться индифферентным к ним, да и никогда не смог бы этого сделать, находясь в клокочущем

[27] Вересаев В. В. Невыдуманные рассказы о прошлом: Литературные воспоминания. Записи для себя. М., 1984, с. 499.

[28] Письмо к Р. В. Иванову-Разумнику от 17 июля 1924 г.— ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 15.

Крыму, в обстановке, сделавшей человеческую жизнь самым эфемерным понятием. В этих обстоятельствах Волошин не отделял свою судьбу от судьбы России и принимал на себя все испытания, которые ей предстояло перенести. Справедливо мнение о том, что Волошин не пребывал «над схваткой», а ощущал себя в самом центре революционного циклона[29]. При таком самосознании и такой позиции внимание к расстановке борющихся сил оказывается второстепенным, и Волошин не анализирует, кто прав и кто виноват в братоубийственной борьбе, он отказывается самоопределяться, сообразуясь со шкалой жестких политических императивов. Свою задачу поэт видит в том, чтобы передать с предельной откровенностью и со всей силой сострадания те муки, которые переживает его Родина в кровавой купели гражданской войны. «Не будучи ни с одной из борющихся сторон,— писал Волошин 10 сентября 1920 г. А. В. Гольштейн,— я в то же время живу только Россией и в ней совершающимся». И когда возникал вопрос об эмиграции, позиция Волошина была вполне определенной. «Там — в эмиграции меня, оказывается, очень ценят: всюду перепечатывают, цитируют, читают, обо мне читают лекции, называют единственным национальным поэтом, оставшимся после смерти Блока, и т. д., предлагают все возможности, чтобы выехать за границу,— сообщал он К. В. Кандаурову 18 июля 1922 г.— Но мне (знаю это) надо пребыть в России до конца»[30].

Любовь Волошина к современной России была не только любовью благословляющей. Она предполагала прежде всего всестороннее знание — о высоких духовных взлетах и о хаотических всплесках, о провиденциальном и о низменном, уродливом, косном. Поэт не способен был принять и оправдать насилие, без-

---

[29] См.: Долгополов Л. К. Волошин и русская история: (На материале крымских стихов 1917—1921 годов).— Русская литература, 1987, № 4, с. 173.

[30] ЦГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41.

удержно льющуюся кровь, обесценивание человеческой жизни и оскудение людских душ. Можно было бы вновь, в который уже раз, посетовать на то, что красные и белые были для него на одно лицо: имели одно, человеческое лицо,— но, думается, сейчас, много десятилетий спустя, настало, наконец, время отдать должное искренности и силе духа большого художника-гуманиста, сумевшего остаться самим собой в дни тяжелейших испытаний и стать подлинным летописцем своей эпохи. Не случайно Александр Бенуа подчеркивал, что значение стихов Волошина о современности по достоинству смогут оценить только грядущие поколения: «Кто знает, когда его через полвека «откроет» какой-нибудь исследователь русской поэзии периода войны и революции, он вовсе не сочтет творения Волошина за любопытные и изящные «отражения», а признает их за подлинные *откровения.* Его во всяком случае поразит размах волошинской искренности и правдолюбия <...>»[31].

В автобиографии (1925) Волошин признавался: «Ни война, ни Революция не испугали меня и ни в чем не разочаровали: я их ожидал давно и в формах еще более жестоких». Волошин был заранее готов увидеть катастрофическую гибель всего прежнего жизненного уклада и зарождение неведомого нового, и не удивительно, что ему, носителю символистского мироощущения, реальность революционного переворота открывалась прежде всего как взрыв бунтарской анархической стихии, как причудливая круговерть событий и «личин», не осознающих себя и своего предназначения. В таком восприятии революции Волошин был не одинок, и его «Красногвардеец», например, оказывается во многом близок шагающим «без имени святого» по перевернувшемуся миру героям блоковских «Двенадцати» или разнузданно куражащейся «братве» в поэме В. Хлебникова «Ночной обыск». «...Здесь мы испытали все прелести гражданской войны

[31] Бенуа А. О Максимилиане Волошине.— Последние новости, 1932, № 4176, 28 авг.

со всем ее разнообразием,— сообщал Волошин А. В. Гольштейн 10 сентября 1920 г.— Жестокости расправ с обеих сторон превосходят всякое вероятие и совершаются походя, как самая обычная вещь». Не отвращает Волошин взора и от страшных последствий войны: жесточайший крымский голод, унесший десятки тысяч жизней[32], бессудные массовые расстрелы,— все это становится материей его стихов, приобретающих пронзительную силу исторического документа. Некоторые произведения Волошина этого времени могут отпугнуть сгущением красок, натуралистическими, «шоковыми» деталями, однако поэт лишь с протокольной точностью описывает реальность.

Единственной формой общественной деятельности, приемлемой для себя, Волошин считал «борьбу с террором независимо от его окраски». Известны некоторые имена людей, которых ему удалось спасти в эту пору. Поэт приветствовал «Божий Бич», осознавал неизбежность и неотвратимость совершающегося — и в то же время последовательно и страстно отвергал насилие, каждым своим поступком заявляя о неистребимости гуманистических заветов. «Это ставит меня в эти годы (1919—1923),— писал Волошин в автобиографии,— лицом к лицу со всеми ликами и личинами русской усобицы и дает мне обширнейший и драгоценнейший опыт. Из самых глубоких кругов преисподней Террора и Голода я вынес веру в человека...»

Своеобразие волошинского восприятия «русской усобицы» заключалось прежде всего в том, что он истолковывал происходящее под историософским углом зрения, сквозь призму катаклизмов прошлого. Всегда отвращавшийся от конкретной политики и отвергавший любые формы государственного устройст-

---

[32] В июне 1922 г. в феодосийской газете «Рабочий» были приведены конкретные цифры смертности от голода на полуострове: в ноябре 1921 г.— 8 тысяч человек, в январе 1922 г.— 10, в марте — 19, в апреле 1922 г.— 13 тысяч человек (см.: Куприянов И. Т. Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина, с. 202).

ва (еще в ранней молодости он полушутя заявлял, что «духовно примкнул к той политической партии, которая <...> возникнет лет через пятьдесят и будет составлять крайнюю левую в том парламенте, где анархисты будут консервативным большинством»[33]), Волошин не вникал в злободневный смысл событий (хотя, конечно, вполне понимал его), а поверял их «духом истории», аналогиями и перекличками с прошлым, угадывал в них следование «исконным российским путям». Полнее всего волошинская историософия отразилась в поэме «Россия», но она окрашивает и многие его стихи этого времени (о Разине, Смутном времени, Диком Поле и т. д.). А. С. Ященко отмечал, что Волошин «посмотрел на нашу революцию в перспективе всей нашей истории» и сумел сказать о ней «много мудрого словами стародавними, почти былинными»: «Самый стих его приобрел необычайную силу и часто словно вычеканен древнерусским мастером из дорогого металла»[34]. Революция в понимании Волошина — это и возмездие, и попытка разорвать порочный круг неправедного мироустройства, оборачивающаяся, однако, движением по новым виткам прежнего исторического водоворота («колеса вязнут в старой колее»). «Наш дух разорван между «завтра» мира И неизжитым предками «вчера»,— пишет Волошин в незавершенных стихотворных фрагментах «Русь» (1925), но его позиция небезнадежна: поэт верит, что «юный, преступный, святой народ» способен к историческому и духовному творчеству, не в последнюю очередь и потому, что Россия с ее жестокой историей, прошедшая через века рабства и произвола,— еще молодая страна, чреватая будущим, и резкие, катастрофические перевороты — удел ее роста и становления. «Я же могу желать своему народу только пути правильного и прямого,

---

[33] Письмо к А. М. Пешковскому от 9 ноября 1901 г.— ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 99.

[34] Ященко А. Русская поэзия за последние три года.— Русская книга, 1921, № 3, с. 16.

точно соответствующего его исторической, всечеловеческой миссии»,— утверждал Волошин в автокомментарии к своим стихам революционного времени, озаглавленном «Россия распятая»[35].

Стихи Волошина о гражданской войне были откликом на современность, воспринятую под знаком метафизических универсалий; свод философских поэм «Путями Каина», претендовавший стать надысторическим анализом материальной и социальной культуры человечества, многими нитями был связан, однако, с той же жгучей современностью, и за десятилетия, прошедшие со времени его создания, пожалуй, даже «накопил информацию»: многие вопросы и противоречия, обозначенные в нем Волошиным, ныне, в эпоху повсеместного торжества технократии, звучат с еще большей остротой и актуальностью. Именно сегодня во всей своей пугающей реальности обнажаются те катастрофические перспективы и тупики, к которым влечет Землю и человечество путь безоглядных «пытаний естества» — путь, о котором пророчествовал и от которого предостерегал Волошин, вполне в свое время сознававший, что его голос — лишь «голос вопиющего в пустыне кишащих множеств». «Путями Каина» — огромный и неоплатный счет, предъявляемый цивилизации в ее господствующих формах носителем подлинной духовной культуры; но это вместе с тем и счет человеку, который «преобразил весь мир, но не себя». «Нигилизм» Волошина здесь универсален, но в конечном счете он исполнен преобразовательного и созидательного пафоса — по слову Апокалипсиса: «Се, творю все новое».

«Тема портретирования культур» (формулировка из письма Волошина к В. В. Вересаеву от 15 июня 1923 г.), которую стремился разрешить поэт в цикле «Путями Каина», предполагала использование многообразных исторических, философских, социально-экономических, научных знаний и представле-

[35] Волошин М. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1. Paris, 1982, с. 379.

ний. Известно, что в ходе работы над циклом Волошин не только опирался на прежние свои познания в области античной и средневековой философии, буддизма, теософии и т. д., но и изучал новейшие труды по физике и небесной механике (Пуанкаре, Эйнштейн и др.), сочинения экономистов и публицистов. Все это, однако, не превратило «Путями Каина» в подобие философско-культурологического трактата. Об эстетической природе этого уникального (и по художественному замыслу, и по исполнению) свода хорошо сказал в мемуарном очерке о Волошине Сергей Маковский: «В философских послереволюционных стихах Волошина, несмотря на отдельные лирические взлеты,— может быть и больше мысли, метафизической риторики и выпукло-определительных слов, чем того, что собственно составляет поэзию, т. е. звучит *за* мыслью и словами. Ритмованная мудрость, а не песня, во многих случаях,— эти стихи, так глубоко провеянные тысячелетиями европейской средиземноморской культуры с ее эзотерической углубленностью в загадки духа и плоти, и сам Волошин кажется, в наш немудрый век, не то каким-то последним заблудившимся гностиком-тэмплиером, не то какой-то гримасой трагической нашей современности накануне новой, неведомой судьбы... Одно несомненно: бывает в стихах Волошина «риторика» такой силы, что тут грани стираются между изреченным словом и напором вдохновенного чувства. Это уже словесное волшебство, и оно убедительней всякой надуманной мудрости»[36].

Многие мысли, идеи и концепции, выраженные в цикле «Путями Каина», были впервые сформулированы Волошиным еще в статьях середины 1900-х гг. Грандиозные исторические события последующего времени были предвосхищены им по меньшей мере за десятилетие: 1905 г. он воспринял как пролог к будущей драме (стихотворения «Предвестия», «Ангел Мщенья»).

---

[36] Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955, с. 323.

Сформировавшись в своих основных чертах в первое десятилетие века, мироощущение Волошина затем принципиально не изменилось, оно только выкристаллизовалось, отшлифовалось, отвлеченные идеи обрели вес, наполнились жизненной субстанцией. Принципиально изменилась, однако, его художественная палитра. Уже в 1916 г. Георгий Иванов, рецензируя «Anno mundi ardentis», отметил новое в работе «утонченного мастера, эстета» — «узловатые, неровные строфы, порой бледные и неудачные, порой исполненные силы»[37]. Новое жизненное содержание и новые поэтические темы потребовали и другого словесного материала, и других приемов стихосложения. «Аделаида Герцык писала мне из Судака,— сообщал Волошин 1 февраля 1918 г. художнице Ю. Л. Оболенской,— что ей кажется, что у меня чересчур нарочито русский народный язык в «Стеньке». Я думаю, что это может просто непривычка в *моих* стихах такой язык встречать, но ведь я раньше и к таким темам не подходил... Но что бы я ни писал, я всегда искал слов и выразительности в самой теме, заранее составлял себе словесную палитру для каждого отдельного произведения и здесь следовал тому же самому методу». Квинтэссенцией самовыявления Волошина в первую половину его творческой деятельности был венок сонетов, одна из самых изощренных, «предельных» форм строгой организованности поэтического материала; в 1920-е гг. поэт все более тяготеет к противоположному полюсу — внешней дезорганизованности свободного стиха (им написаны, помимо текстов из. «Путями Каина», также поэмы, представляющие собой «житийные» переложения: «Протопоп Аввакум», «Сказание об иноке Епифании», «Святой Серафим»). Характерно, что программное стихотворение Волошина «Подмастерье» (1917) написано верлибром: самой фактурой текста поэт стремится убедить в том, что становление «мастера» из «подмастерья» — это и путь от броской

---

[37] Иванов Г. О новых стихах.— Аполлон, 1916, № 6-7, с. 71.

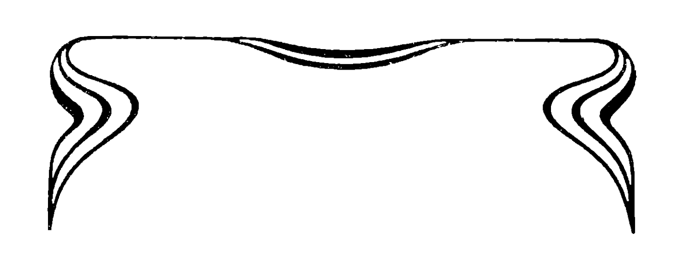
красоты к внешней безыскусности, от ученического овладения «книжными» образцами к не стесненной никакими внешними рамками свободе в обращении со стихом и словом.

С гордостью и не без горечи писал Волошин в «Доме Поэта» (1926) о том, что его стихам ныне суждено «списываться тайно и украдкой», «при жизни быть не книгой, а тетрадкой». «В конце концов это *хорошо,* когда твое искусство не нужно,— писал Волошин 16 ноября 1924 г. художнице А. П. Остроумовой-Лебедевой,— тогда делаешь только необходимое. Это крепче, сжатее, напряженнее»[38]. Во второй половине 1920-х гг. Волошин писал мало, но то немногое, что им тогда было написано и завершено,— это подлинные шедевры зрелого мастера, у которых находились свои ценители. Один из них — поэт, критик и библиограф Е. Я. Архиппов вспоминает, как читал Волошин свои стихи в марте 1928 г.: «Это было пение набата о земной беде, о возмущении земли, пропитанной кровью. Но гудение густое, ровное, не кличащее, а торжественное, сопровождающее беду, развертываемое, как текст библейского, пророческого повеления. Само чтение напоминало «Откровение в грозе и буре»[39]. Поэтический голос Волошина продолжал звучать, слушателей было немного, но вполне достаточно для того, чтобы имя поэта не предавалось забвению на его родине даже в те десятилетия, когда ни одно из его стихотворений — с 1928 до 1961 года! — не могло стать достоянием печати. Воскрешенный Волошин предстает для нас не только яркой и самобытной фигурой в истории русской литературы первых десятилетий XX в.; его поэтическое слово, искания, иллюзии и прозрения его творческого духа по-прежнему и с не меньшей остротой воспринимаются как живое слово, как подлинное чувство, как действенная мысль.

А. В. Лавров

[38] ГПБ, ф. 1015, ед. хр. 517.

[39] Архиппов Е. Я. Коктебельский дневник (1931).— ЦГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, ед. хр. 36.



В ВАГОНЕ

Снова дорога. И с силой магической
Все это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Снова вагоны едва освещенные,
Тусклые пятна теней,
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный, вечный,
Бесконечный,
Однотонный,
Шум колес.
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес...
Жизнь... работа...
Где-то, кто-то
Вечно что-то
Все стучит.
Ти-та... то-та...

Вечно что-то
Мысли сонной
Говорит.

Так вот в ушах и долбит и стучит это.
Ти-та-та, та́-та-та... та́-та-та... ти-та-та...
Мысли с рыданьями ветра сплетаются,
Поезд гремит, перегнать их старается...

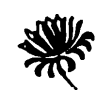
Чудится, еду в России я...
Тысячи верст впереди.
Ночь неприютная, темная.
Станция в поле... Огни ее —
Глазки усталые, томные
Шепчут: «Иди...»
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито.
Прожито — отжито. Вынуто — выпито...
Ти-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти-та-та...

Чудится степь бесконечная...
Поезд по степи идет.
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная.
Скользкие стены вагонов
Дождик сечет.
Песенкой этой все в жизни кончается,
Ею же новое вновь начинается,
И бесконечно звучит и стучит это:
Ти-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти-та-та...

Странником вечным
В пути бесконечном

Странствуя целые годы,
Вечно стремлюсь я,
Верую в счастье,
И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет далекою Русью.
Мысли с рыданьями ветра сплетаются,
С шумом колес однотонным сливаются,
И безнадежно звучит и стучит это:
Ти-та-та... та́-та-та... та́-та-та... ти-та-та...

В поезде между Парижем и Тулузой
Май 1901 г.



Стала дорога… и с самой мамой

Все эти вопли и взаимно[ческой] мечты

Дорога по снежинкам, [illegible]

Хроника, прогулка, [illegible], [illegible]!

Стала вечно вера одна о [illegible]

[illegible]

Люди [illegible]

стенограф людей.

[illegible] вечерний,

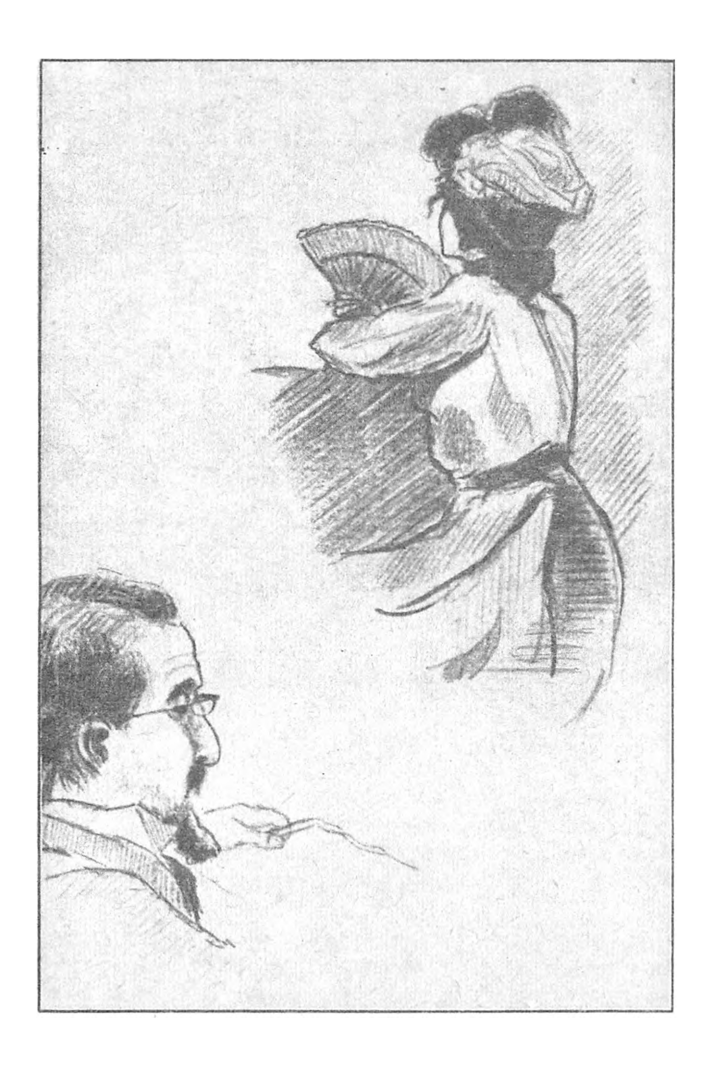
[illegible],

[illegible], и

ищем вовсе,

[illegible] вечерний

[illegible]



КАСТАНЬЕТЫ

Е. С. Кругликовой

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих,—
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.
Щедро лентами одеты
С этой южной пестротой;
В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный
Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,

И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам,
Словно щелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

Mallorca. Valdemosa
Июль 1901





ПАРИЖ

I. С МОНМАРТРА

Город-Змей, сжимая звенья;
Сыпет искры в алый день.
Улиц тусклые каменья
Синевой прозрачит тень.
Груды зданий, как кристаллы;
Серебро, агат и сталь;
И церковные порталы,
Как седой хрусталь.
Город бледным днем измучен,
Весь исчерчен тьмой излучин,
И над ним издалека —
По пустыням небосклона,
Как хоругви, как знамена,
Грозовые облака...
И в пространствах величаво,
Властной музыкой звуча,
Распростерлись три луча,
Как венец...
(Твой образ — Слава!)
И над городом далече
На каштанах с высоты,
Как мистические свечи,
В небе теплятся цветы...

II. ДОЖДЬ

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам танцуя
Все быстрее, быстрее,
И смеясь, и ликуя,
Вьются серые феи...

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносящемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

И на груды сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame...

Март 1904

III

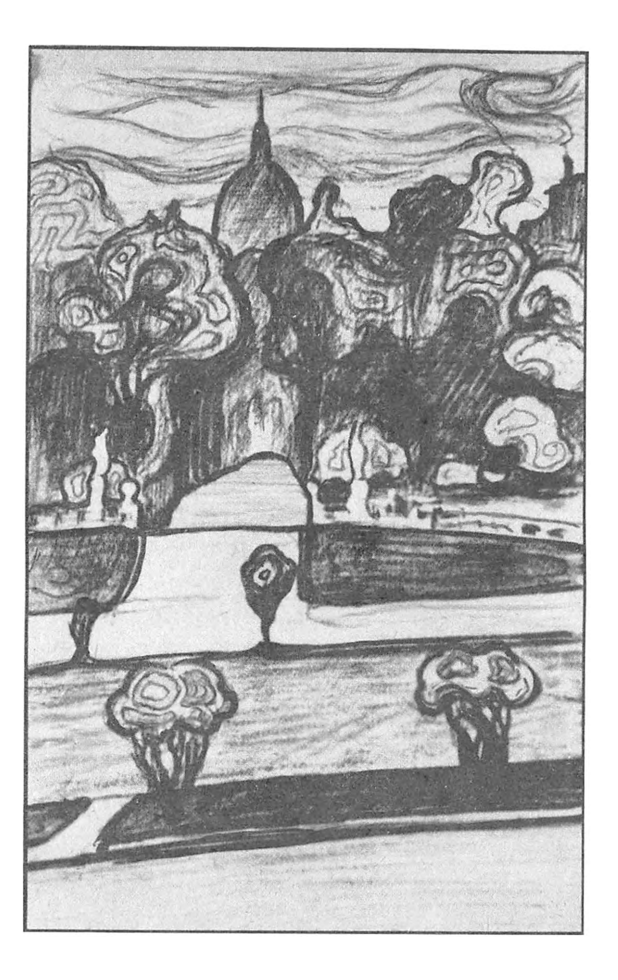
Как мне близок и понятен
Этот мир — зеленый, синий,
Мир живых, прозрачных пятен
И упругих, гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает,
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна
Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

<1901 или 1902>



IV

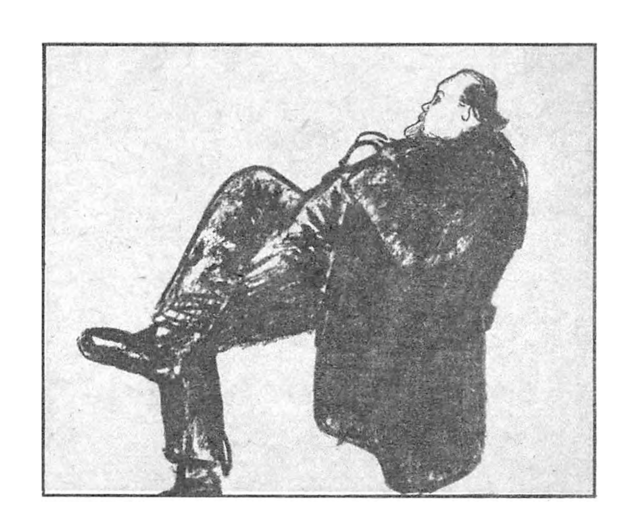
Осень... осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листами

<1902>



V

Огненных линий аккорд,
Бездну зеркально-живую,
Ночью Place la Concorde,
Ночью дождливой люблю я.
Зарево с небом слилось...
Сумрак то рдяный, то синий,
Бездны пронзенной насквозь
Нитями иглистых линий...
В вихре сверкающих брызг,
Пойманных четкостью лака,
Дышит гигант — Обелиск
Розово-бледный из мрака.

<1905>

VI

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло...
И кто-то горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод...
Огни плясали меж волнами...
Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей...

На Сене близ Мэдона
Лето 1904

VII

Анне Ник. Ивановой

В серо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да-Винчи.

Между мхом и травою мохнатою
Ключ лепечет невнятно.
Алым трепетом пали на статую
Золотистые пятна.

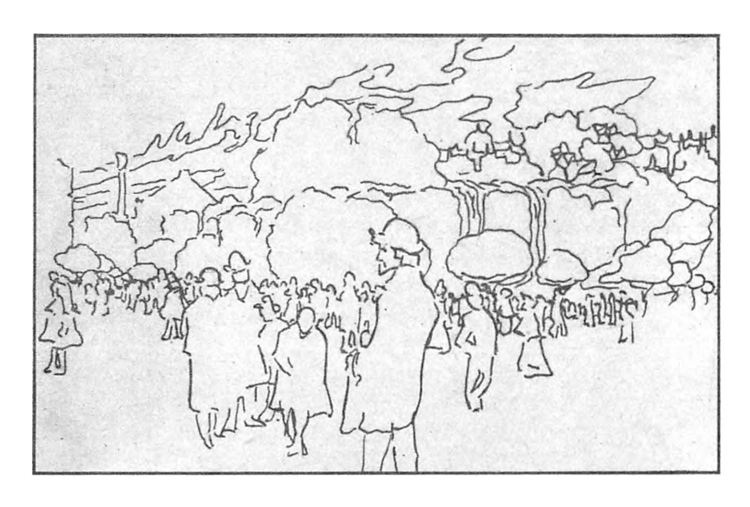
Ветер веет и рвется украдками
Меж ветвей, над водой наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых.

Разбирает бледные волосы
Плакучей ивы.
По озерам прозелень, полосы
И стальные отливы.

И, одеты мглою и чернию,
Многострунные сосны
Навевают думу вечернюю
Про минувшие весны.

Облака над лесными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывут из аллей бриллиантами
Фонари экипажей.

В Булонском лесу
2 июля 1905



VIII

На старых каштанах сияют листы,
Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
Звенит от безвольных усилий.

Я болен весеннею смутной тоской
Несознанных миром рождений.
Овей мое сердце прозрачною мглой
Зеленых своих наваждений!

И манит, и плачет, и давит виски
Весеннею острою грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
На волю к широкому устью!

1906

IX

В молочных сумерках за сизой пеленой
Мерцает золото, как желтый огнь в опалах.
На бурый войлок мха, на шелк листов опалых
Росится тонкий дождь осенний и лесной.

Сквозящих даль аллей струится сединой.
Прель дышит влагою и тленьем трав увялых.
Края раздвинувши завес линяло-алых,
Сквозь окна вечера синеет свод ночной.

Но поздний луч зари возжег благоговейно
Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна,
Орозовил углы карнизов и колонн,

Зардел в слепом окне, златые кинул блики
На бронзы черные, на мраморные лики,
И темным пламенем дымится Трианон.

1909

X

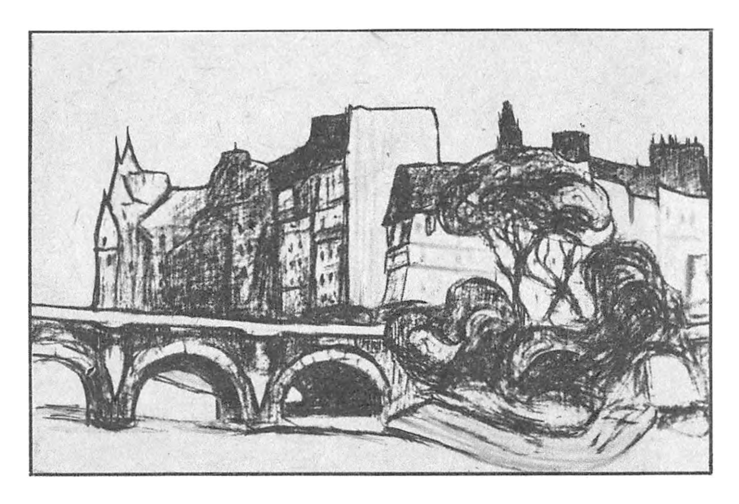
Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты —
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток всё тех же лиц,— одних без перемен,
Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов разъяты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб — сквозь дождь издалека

Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша.

1909



XI

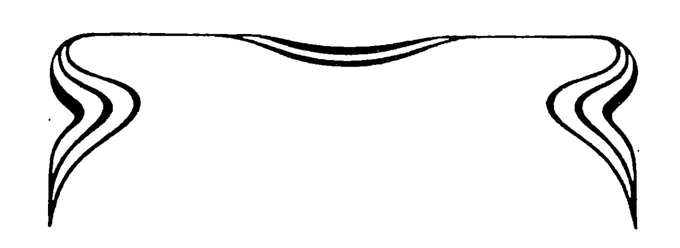
Адел. Герцык

Перепутал карты я пасьянса,
Ключ иссяк, и русло пусто ныне.
Взор пленен садами Иль де-Франса,
А душа тоскует по пустыне.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе — пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...

1909 <Ноябрь 1908>



ПОРТРЕТ

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквах, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны,—

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903. Москва

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.

Да, я помню мир иной —
Полустертый, непохожий,
В вашем мире я — прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.

Как ядро к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским —
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!

Коктебель. 1903



Я ждал страданья столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвилась вкруг сердца, как запястье.

Желанный луч с собой принес
Такие жгучие, мучительные ласки.
Сквозь влажную лучистость слез
По миру разлились невиданные краски.

И сердце стало из стекла,
И в нем так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».

Декабрь 1903 г. Москва



Одилону Рэдону

Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мирозданья,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли.

1904

ПИСЬМО

1

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в четкий стих
Мое далекое посланье.
Пусть будет он как вечер тих,
Как стих «Онегина» прозрачен,
Порою слаб, порой удачен,
Пусть звук речей журчит ярчей,
Чем быстро шепчущий ручей...
Вот я опять один в Париже
В кругу привычной старины...
Кто видел вместе те же сны,
Становится невольно ближе.
В туманах памяти отсель
Поет знакомый ритурнель.

2

Всю цепь промчавшихся мгновений
Я мог бы снова воссоздать:
И робость медленных движений,
И жест, чтоб ножик иль тетрадь
Сдержать неловкими руками,
И Вашу шляпку с васильками,
Покатость Ваших детских плеч,
И Вашу медленную речь,
И платье цвета Эвкалипта,
И ту же линию в губах,
Что у статуи Таиах,

Царицы древнего Египта,
И в глубине печальных глаз —
Осенний цвет листвы — топаз.

3

Рассвет. Я только что вернулся.
На веках — ночь. В ушах — слова.
И сон в душе, как кот, свернулся...
Письмо... От Вас?
Едва-едва
В неясном свете вижу почерк —
Кривых каракуль смелый очерк.
Зажег огонь. При свете свеч
Глазами слышу Вашу речь.
Вы снова здесь? О, говорите ж.
Мне нужен самый звук речей...
В озерах памяти моей
Опять гудит подводный Китеж,
И легкий шелест дальних слов
Певуч, как гул колоколов.

4

Гляжу в окно сквозь воздух мглистый.
Прозрачна Сена... Тюильри...
Монмартр и синий, и лучистый.
Как желтый жемчуг — фонари.
Хрустальный хаос серых зданий...
И аромат воспоминаний,
Как запах тлеющих цветов,
Меня пьянит. Чу! шум шагов...

Вот тяжкой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло...
Донесся дальний гул народа;
В провалах улиц мгла и тишь.
То день идет... Гудит Париж.

5

Для нас Париж был ряд преддверий
В просторы всех веков и стран,
Легенд, историй и поверий.
Как мутно-серый океан,
Париж властительно и строго
Шумел у нашего порога.
Мы отдавались, как во сне,
Его ласкающей волне.
Мгновенья полные, как годы...
Как жезл сухой, расцвел музей...
Прохладный мрак больших церквей...
Орган... Готические своды...
Толпа: потоки глаз и лиц...
Припасть к земле... Склониться ниц...

6

Любить без слез, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,

Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем,
И, подойдя к концу пути,
Вздохнуть и радостно уйти.

7

Здесь все теперь воспоминанье,
Здесь все мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.
Но только нет... Продленный миг
Есть ложь... И беден мой язык.

8

И все мне снится день в Версале,
Тропинка в парке между туй,
Прозрачный холод синей дали,
Безмолвье мраморных статуй,

Фонтан и кони Аполлона,
Затишье парка Трианона,
Шероховатость старых плит,—
(Там мрамор сер и мхом покрыт).
Закат, как отблеск пышной славы
Давно отшедшей красоты,
И в вазах каменных цветы,
И глыбой стройно-величавой —
Дворец: пустынных окон ряд
И в стеклах пурпурный закат.

9

Я помню тоже утро в Halle'е,
Когда у Лувра на мосту
В рассветной дымке мы стояли.
Я помню рынка суету,
Собора слизистые стены,
Капуста, словно сгустки пены,
«Как солнца» тыквы и морковь,
Густые, черные, как кровь,
Корзины пурпурной клубники,
И океан живых цветов —
Гортензий, лилий, васильков,
И незабудок, и гвоздики,
И серебристо-сизый тон,
Обнявший нас со всех сторон.

10

Я буду помнить Лувра залы,
Картины, золото, паркет,
Статуи, тусклые зеркала,
И шелест ног, и пыльный свет.

Для нас был Грез смешон и сладок,
Но нам так нравился зато
Скрипучий шелк чеканных складок
Темно-зеленого Ватто.
Буше — изящный, тонкий, лживый,
Шарден — интимный и простой,
Коро — жемчужный и седой,
Милле — закат над желтой нивой,
Веселый лев — Делакруа,
И в Saint-Germain l'Auxerroy —

11

Vitraux — камней прозрачный слиток:
И аметисты, и агат.
Там ангел держит длинный свиток,
Вперяя долу грустный взгляд.
Vitraux мерцают, точно крылья
Вечерней бабочки во мгле...
Склоняя голову в бессильи,
Святая клонится к земле
В безумьи счастья и экстаза...
Tête Inconnue! Когда и кто
Нашел и выразил в ней то
В движеньи плеч, в разрезе глаза,
Что так меня волнует в ней,
Как и в Джоконде, но сильней?

12

Леса готической скульптуры!
Как жутко все и близко в ней.
Колонны, строгие фигуры
Сибилл, пророков, королей...

Мир фантастических растений,
Окаменелых привидений,
Драконов, магов и химер.
Здесь все есть символ, знак, пример.
Какую повесть зла и мук вы
Здесь разберете на стенах?
Как в этих сложных письменах
Понять значенье каждой буквы?
Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч...
Закрыта дверь. Потерян ключ.

13

Мир шел искать себе обитель,
Но на распутьи всех дорог
Стоял лукавый Соблазнитель.
На нем хитон, на нем венок,
В нем правда мудрости звериной:
С свиной улыбкой взгляд змеиный.
Призывно пальцем щелкнул он,
И мир, как Ева, соблазнен.
И этот мир — Христа Невеста —
Она решилась и идет:
В ней все дрожит, в ней все поет,
В ней робость и бесстыдство жеста,
Желанье, скрытое стыдом,
И упоение грехом.

14

Есть беспощадность в примитивах.
У них для правды нет границ —
Ряды позорно некрасивых,
Разоблаченных кистью лиц.

В них дышит жизнью каждый атом:
Фуке — безжалостный анатом —
Их душу взял и расчленил,
Спокойно взвесил, осудил
И распял их в своих портретах.
Его портреты казнь и месть,
И что-то дьявольское есть
В их окружающих предметах
И в хрящеватости ушей,
В глазах и в линии ноздрей.

15

Им мир Рэдона так созвучен...
В нем крик камней, в нем скорбь земли,
Но саван мысли сер и скучен.
Он змей, свернувшийся в пыли.
Рисунок грубый, неискусный...
Вот Дьявол — кроткий, странный, грустный.
Антоний видит бег планет:
«Но где же цель?»
— Здесь цели нет...
Струится мрак и шепчет что-то,
Легло молчанье, как кольцо,
Мерцает бледное лицо
Средь ядовитого болота,
И солнце, черное как ночь,
Вбирая свет, уходит прочь.

16

Как горек вкус земного лавра...
Родэн навеки заковал
В полубезумный жест Кентавра
Несовместимость двух начал.

В безумьи заломивши руки,
Он бьется в безысходной муке,
Земля и стонет и гудит
Под тяжкой судоргой копыт.
Но мне понятна беспредельность,
Я в мире знаю только цельность,
Во мне зеркальность тихих вод,
Моя душа как небо звездна,
Кругом поет родная бездна,—
Я весь и ржанье, и полет!

17

Я поклоняюсь вам, кристаллы,
Морские звезды и цветы,
Растенья, раковины, скалы
(Окаменелые мечты
Безмолвно грезящей природы),
Стихии мира: Воздух, Воды,
И Мать-Земля и Царь-Огонь!
Я духом Бог, я телом конь.
Я чую дрожь предчувствий вещих,
Я слышу гул идущих дней,
Я полон ужаса вещей
Враждебных, мертвых и зловещих,
И вызывают мой испуг
Скелет, машина и паук.

18

Есть злая власть в душе предметов,
Рожденных судоргой машин.
В них грех нарушенных запретов,
В них месть рабов, в них бред стремнин.

Для всех людей одни вериги:
Асфальты, рельсы, платья, книги,
И не спасется ни один
От власти липких паутин.
Но мы, свободные кентавры,
Мы мудрый и бессмертный род,
В иные дни у брега вод
Ласкались к нам ихтиозавры.
И мир мельчал. Но мы росли.
В нас бег планет, в нас мысль Земли!

5 июля 1904 г. Париж



ТАИАХ

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царевна!
Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предрассветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

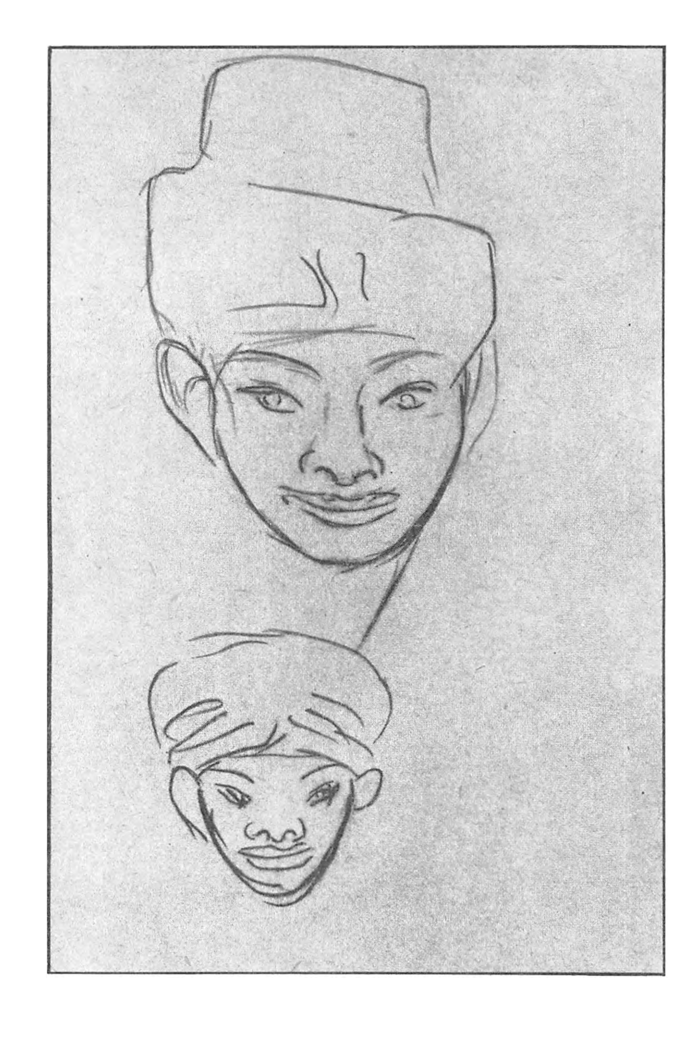
Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло.
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Все, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал...

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей...

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...



Ты ведь знала: я — Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.

Мы друг друга не забудем.
И, целуя дольний прах,
Отнесу я сказку людям
О царевне Таиах.

Париж. Весна. 1905 г.



ПРЕДВЕСТИЯ

(1905 г.)

Сознанье строгое есть в жестах Немезиды:
Умей читать условные черты:
Пред тем, как сбылись Мартовские Иды,
Гудели в храмах медные щиты...

Священный занавес был в скинии распорот:
В часы Голгоф трепещет смутный мир...
О, бронзовый Гигант! ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени — факир.

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик втройне,
И каждый диск сочился точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте — всезрящий, как сова,
Чертит круги и строит пентаграммы,
И шепчет вещие заклятья и слова.

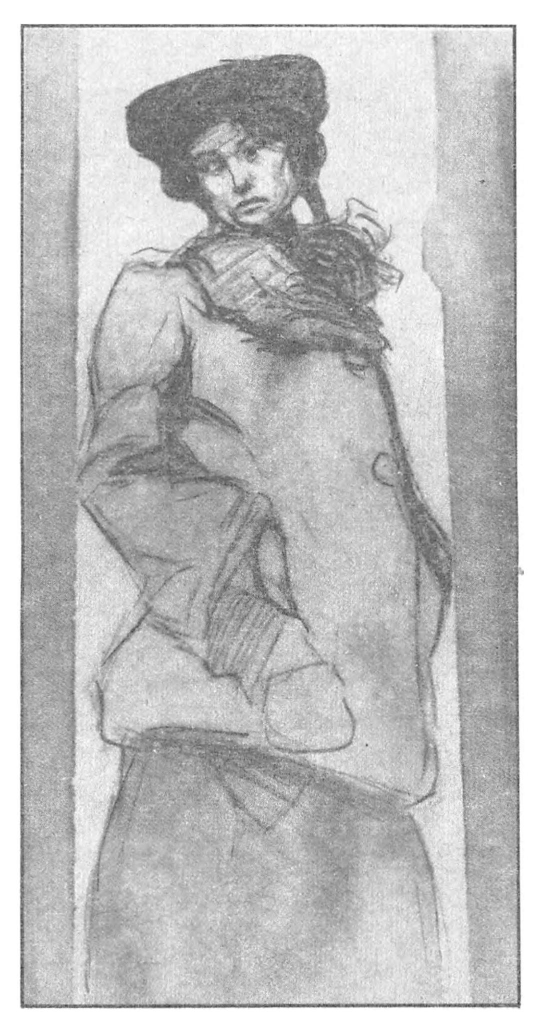
9 января 1905 г.
С. Петербург
<20 июня 1905. Париж>

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле,
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая.

И арки черные и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность.
В душе моей растет такая нежность!..
Как медленно текут расплавленные дни...

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

26 июня 1905. Париж



ЗЕРКАЛО

Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза —
В меня глядят бессонные глаза
И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его «Останься, будь во мне,—
Не прерывай рождающейся муки»...

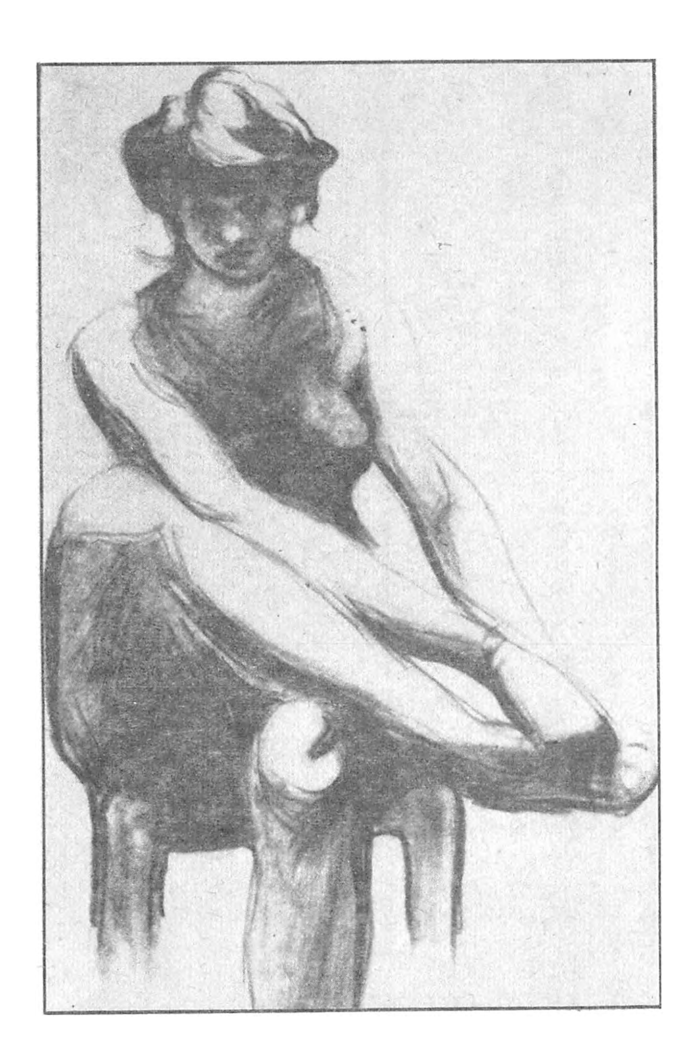
И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне — глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затянет око!

Лето 1905. Париж



В МАСТЕРСКОЙ

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там в окне, в зеленой мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Смутный час... Все линии нерезки.
Все предметы стали далеки.
Бледный луч от алой занавески
Отеняет линию щеки.



Мир теней погасших и поблеклых,
Хризантемы в голубой пыли;
Стебли трав, как кружево, на стеклах...
Мы глаза таинственной земли...
В глубь растут непрожитые годы.
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.

Девочка милая, долгой разлукою
Время не сможет наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю:
Близко касаются головы наши,
Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звездные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным живым отраженьем
Нашего вечного, слитного Я.

Ночь придет. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укрою,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre-Dame.
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними тайну тайн Египта —
Бледный лик царевны Таиах...

Осень. 1905 г. Париж

ГОЛОВА MADAME DE LAMBALLE

(4 сент. 1792 г.)

Это гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне.
И над ним надругалась, раздела...
И на тело
Не смела
Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,
Бросив лоскутья
Воспаленного мяса на камне...

И парижская голь
Унесла меня в уличной давке.
Кто-то пил в кабаке алкоголь,
Меня бросив на мокром прилавке...
Куафер меня поднял с земли,
Расчесал мои светлые кудри,
Нарумянил он щеки мои
И напудрил...

И тогда вся избита, изранена
Грязной рукой,
Как на бал завита, нарумянена,

Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом...
                                        Неслась вакханалия.
Пел в священном безумьи народ...
И, казалось, на бале в Версале я —
Плавный танец кружит и несет...

Точно пламя гудели напевы.
И тюремною узкою лестницей
В башню Тампля к окну королевы
Поднялась я народною вестницей.

1906. Париж



АНГЕЛ МЩЕНЬЯ

(1905 г.)

Народу русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя,— как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастия слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счет.
Я камни закляну заклятьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красивость,
И в душу мстителя вопьется страстный бред.
Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца

Сверкнет стремительный, как молния разящий —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

1906 г. Париж



Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.

Под серым бременем небесного покрова
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.

Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.

1906. Сентябрь. Богдановщина



СОЛНЦЕ

Б. А. Леману

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе — истоку Дня —
Земля свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

Петербург. 1907





Руан 24 июля 1905 г.

Анне Рудольфовне Минцловой

I. НОЧЬ

Вечер за днем беспокойным.
Город, как уголь, зардел,
Веет прерывистым, знойным,
Рдяным дыханием тел.

Плавны, как пение хора,
Прочь от земли и огней
Высятся дуги собора
К светлым пространствам ночей.

В тверди сияюще-синей,
В звездной алмазной пыли,
Нити стремительных линий
Серые сети сплели.

В горний простор без усилья
Взвились громады камней...
Птичьи упругие крылья —
Крылья у старых церквей!

1907



II. ЛИЛОВЫЕ ЛУЧИ

О, фиолетовые грозы,
Вы — тень алмазной белизны!
Две аметистовые Розы
Сияют с горней вышины.

Дымится кровь огнем багровым,
Рубины рдеют винных лоз,
Но я молюсь лучам лиловым,
Пронзившим сердце вечных Роз.

И я склоняюсь на ступени,
К лиловым пятнам темных плит,
Дождем фиалок и сирени
Во тьме сияющей облит.

И храма древние колонны
Горят фиалковым огнем.
Как аметист, глаза бессонны
И сожжены лиловым днем.

1907



III. ВЕЧЕРНИЕ СТЕКЛА

Гаснет день. В соборе все поблекло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стекла
В глубине готических пещер.

Темным светом вытканные ткани,
Страстных душ венчальная фата,
В них рубин вина, возникший в Кане,
Алость роз, расцветших у креста,

Хризолит осенний и пьянящий,
Медь полудней — царственный янтарь,
Аметист — молитвенный алтарь,
И сапфир испуганный и зрящий.

В них горит вечерний океан,
В них призыв далекого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.

Тем, чей путь таинственно суров,
Чья душа тоскою осиянна,
Вы — цветы осенних вечеров,
Поздних зорь далекая Осанна.

1907

IV. СТИГМАТЫ

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведет?
Под ногой не гулкий чую камень,
А журчанье вещих вод...

Дух пронзают острые пилястры,
Мрак ужален пчелами свечей.
О, сердца, расцветшие, как астры,
Золотым сиянием мечей!

Свет страданья, алый свет вечерний
Пронизал резной, узорный храм.
Ах, как жалят жала алых терний
Бледный лоб, приникший к алтарям!

Вся душа — как своды и порталы,
И, как синий ладан, в ней испуг.
Знаю вас, священные кораллы,
На ладонях распростертых рук!

1907

V. СМЕРТЬ

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко — в древнем храме
Вздох земли подъемлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди —
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры,— вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись завеса в темном храме,
Разомкнись лазоревая твердь!
Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни — огненная Смерть!

1907

VI. ПОГРЕБЕНЬЕ

Глубь земли... Источенные крипты.
Слышно пенье,— погребальный клир.
Ветви пальм. Сухие эвкалипты.
Запах воска. Тление и мир...

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонков
Я сложу, как радостное бремя,
Как гирлянды праздничных венков.

Не придя к конечному пределу
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

Свет очей — любовь мою сыновью
Я тебе незрячей отдаю
И своею солнечною кровью
Злое сердце мрака напою.

1907



VII. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Сердце острой радостью ужалено.
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Небо в перьях — высится и яснится...
Жемчуг дня... Откуда мне сие?
И стоит собор — первопричастница
В кружевах и белой кисее.

По речным серебряным излучинам,
По коврам сияющих полей,
По селеньям, сжавшимся и скученным,
По старинным плитам площадей,

Вижу я, идут отроковицами,
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей — невесты во Христе.

Этим камням, сложенным с усильями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

1907





Константину Феодоровичу Богаевскому

I. ПОЛЫНЬ

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

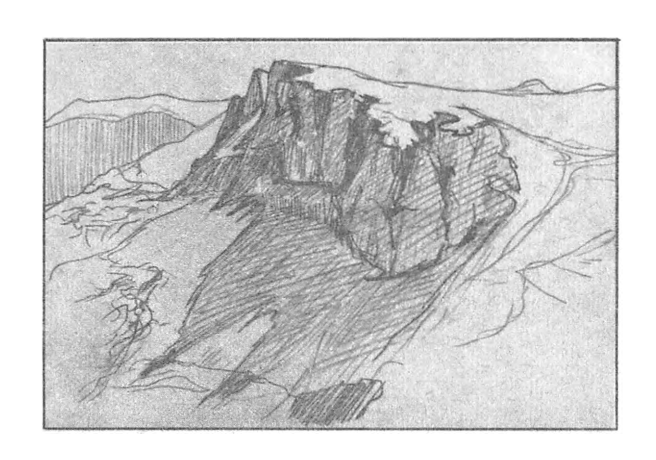
В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

1906

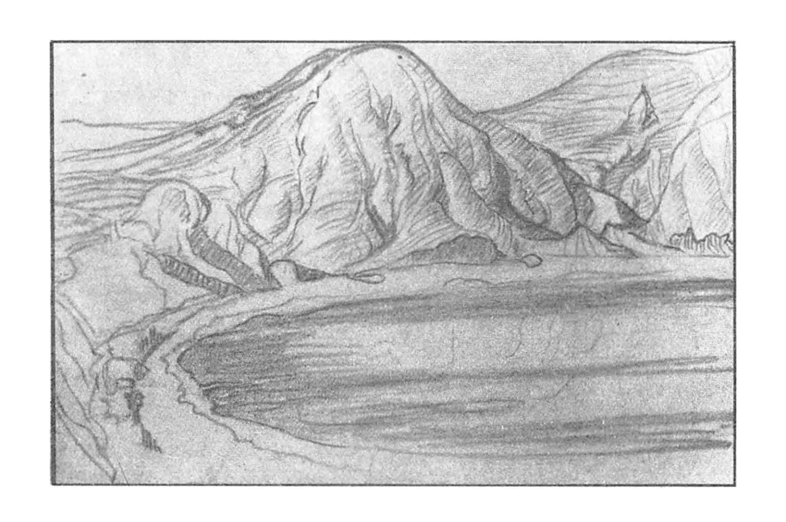


II

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный
Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях.

Припаду я к острым щебням, к серым срывам
размытых гор,
Причащусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой
торжественный Коктебель!

Коктебель 1907



III

Темны лики весны. Замутились влагой долины,
Выткали синюю даль прутья сухих тополей.
Тонкий снежный хрусталь опрозрачил дальние горы.
Влажно тучнеют поля.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль по пустынным пескам.

1907

IV

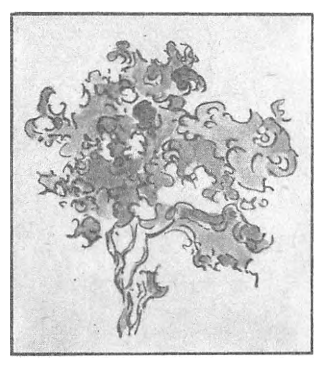
Старинным золотом и желчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры,
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках — намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там — простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан
И веет запахом гниющих трав и йода.

1907



V

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещий дух ужален?
Кто знает путь богов — начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щебни,
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

1907



VI

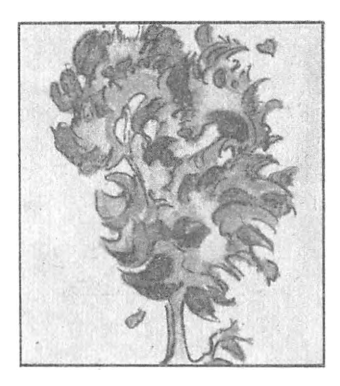
Равнина вод колышется широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мысль, зубчатою стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

Туманный день раскрыл златое око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Скользит, дробясь над мутной глубиной,—
То колос дня от пажитей востока.

В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

Вверх обрати ладони тонких рук —
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907



VII

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней —
Пределы скорбные незнаемой страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственною дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампады Семизвездья.

1907



VIII. MARE INTERNUM

Я — солнца древний путь от красных скал Тавриза
До темных врат, где стал Гераклов град — Кадикс.
Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс
И струйный столб огня на мне сверкает сизо.

Вот рдяный вечер мой: с зубчатого карниза
Ко мне склонились кедр и бледный тамариск.
Широко шелестит фиалковая риза,
Заливы черные сияют, как оникс.

Люби мой долгий гул и зыбких взводней змеи,
И в хорах волн моих напевы Одиссеи.
Вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь,

И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

1907





IX. ГРОЗА

Див кличет по древию, велит послушати Волзе, Поморью, Посулью, Сурожу...

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой,

И тутнет гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью,—
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветр плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

1907

X. ПОЛДЕНЬ

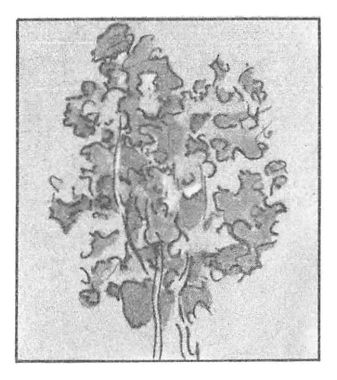
Травою жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извилистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатою стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душных трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц —

Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там — во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лика.

1907



XI. ОБЛАКА

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (все выше, все тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тускней.
А по степям несется бег коней,
Как темный лет разгневанных Эрриний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на долы расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Ассуры.

1909



XII. СЕХМЕТ

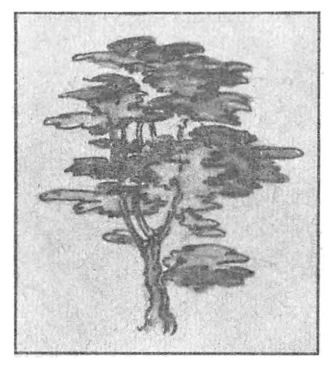
Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто с узкой грудью, с профилем гиены
Лик обращал навстречу вечерам?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою распаля.
И персть путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом ответствует земля.

1909



XIII

Сочилась желчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбко бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел четко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день одна большая рана,
И вечер стал запекшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

Август 1909



XIV. ОДИССЕЙ В КИММЕРИИ

Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал

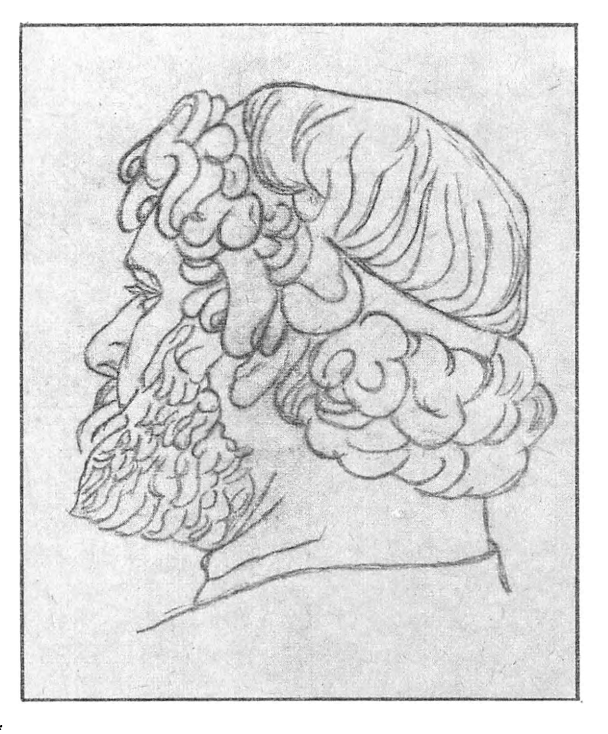
Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн все глуше голоса,

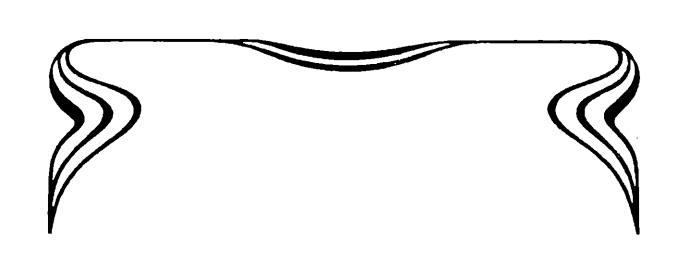
И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синеет полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рощ
Раин и ив, где папоротник, хвощ

И черный тисс одели леса склоны...
Туда идем, к закатам темных дней
Во сретенье тоскующих теней.

17 октября 1907
Коктебель





Ек. Ал. Бальмонт

Возлюби просторы мгновенья,
Всколоси их звонкую степь,
Чтобы мигов легкие звенья
Не спаялись в трудную цепь.

А как тяжко бремя свободы,
Как темны просторы степей!
Кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей?

Что рук не свяжете?
Ног не подкосите?
На темной пажити
Меня не бросите?
Не веют крылия
Живых вестей
Здесь на развилии
Слепых путей.

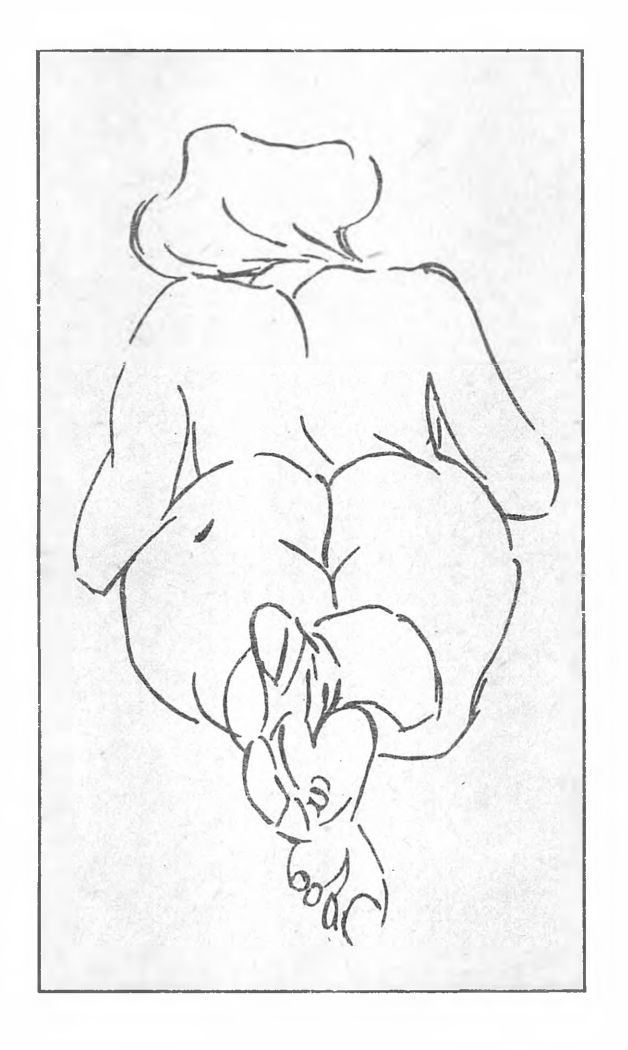
Не зови того, кто уходит,
Не жалей о том, что прошло:
Дарит смерть, а жизнь лишь уводит...
Позабудь и знак и число.

Ах, как дики эти излоги!
Как грустна вечерняя муть!..
Но иди: в полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь,

Край одиночества,
Земля молчания...
Сбылись пророчества,
Свершились чаянья.
Под синей схимою
Простерла даль
Неотвратимую
Печаль.

1908. Париж





Ел. Дмитриевой

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликам ветра и голосу моря...

Коктебель. Май 1909

ОНА

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она забытый сон веков,
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца — Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи
Пред ликом восковых Мадонн
На знойных улицах Севильи.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но неизменна и не та
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимою улыбкой.

Июль 1909



ДЭЛОС

Сергею Маковскому

Оком мертвенным Горгоны
Обожженная земля:
Гор зубчатые короны,
Бухт зазубренных края.

Реет в море белый парус...
Как венец с пяти сторон —
Сизый Сирос, синий Парос,
Мирто, Наксос и Микон.

Гневный Лучник! Вождь мгновений!
Предводитель Мойр и Муз!
Налагатель откровений,
Разрушитель древних уз!

Сам из всех святынь Эллады
Ты своей избрал страной
Каменистые Циклады,
Дэлос знойный и сухой.

Ни священных рощ, ни кладбищ
Здесь не узрят корабли,

Ни лугов, ни тучных пастбищ,
Ни питающей земли.

Только лавр по склонам Цинта
Да в тенистых щелях стен
Влажный стебель гиацинта,
Кустик белых цикламен.

Но среди безводных кручей
Сердцу бога сладко мил
Терпкий дух земли горючей,
Запах жертв и дым кадил.

Дэлос! Ты престолом Фэба
Наг стоишь среди морей,
Воздымая к солнцу — в небо
Дымы черных алтарей.

1909

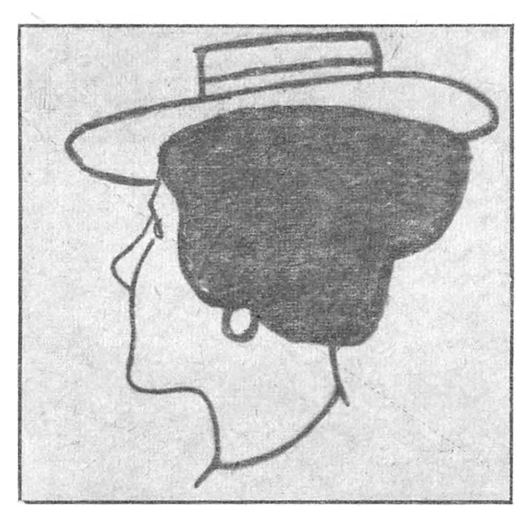


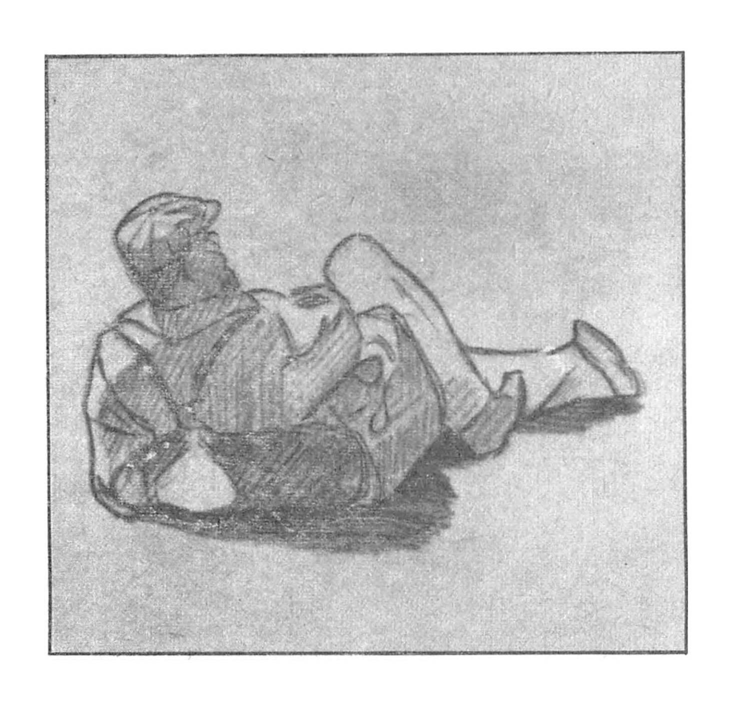
Ты живешь в молчаньи темных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и таинства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоя, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо...

12 февраля 1910





Я полуднем объятый,
Точно крепким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном;

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной Луны —

Запах лилий и гнили
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

10 апреля 1910



Склоняясь ниц, овеян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О, мать-земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога
Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли
— Благодарю!

7 ноября 1910

ВЕНЕЦИЯ

Резные фасады узорные зданья
На алом пожаре закатнаго стана
Печальны и строги, как фрески Орканья,—
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторето... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают... Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья...

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

<1899, 1911>



Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках в складках
Глубоких заливов
Ждал я призыва и знака,
И раз пред рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещих ладоней.

Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что растет;
Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:
Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягченные ветви.
А если я причинял боль,
То потому только,
Что был жалостлив в те мгновенья,
Когда надо быть жестоким,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

1911



И будут огоньками роз
Цвести шиповники, алея,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных,
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожженных.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдешь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кош, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.
Крылом зубчатым вырастая,
Коснется моря тень вершин,
И ты изникнешь, млея, тая
В полынном сумраке долин.

14 июня 1913





LUNARIA

Венок сонетов

I

Жемчужина небесной тишины
На звездном дне овьюженной лагуны!
В Твоих лучах все лица бледно-юны,
В Тебя цветы дурмана влюблены.

Тоской любви в сердцах повторены
Твоих лучей тоскующие струны,
И прежних лет волнующие луны
В узоры снов навеки вплетены.

Твой влажный свет и матовые тени,
Ложась на стены, на пол, на ступени,
Дают камням оттенок бирюзы.

Платана лист на них еще зубчатей
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада снов, владычица зачатий!

II

Лампада снов! Владычица зачатий!
Светильник душ! Таинница мечты!
Узывная, изменчивая,— ты
С невинности снимаешь воск печатей,

Внушаешь дрожь лобзаний и объятий,
Томишь тела сознаньем красоты
И к юноше нисходишь с высоты
Селеною, закутанной в гиматий.

От ласк твоих стихает гнев морей,
Богиня мглы и вечного молчанья,
А в недрах недр рождаешь ты качанья.

Вздуваешь воды, чрева матерей
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!

III

Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!
Хрустальный ключ певучих медных сфер!
На твой ущерб выходят из пещер
Одна другой страшнее и косматей

Стада Эмпуз; поют псалмы проклятий,
И душат псов, цедя их кровь в кратэр,
Глаза у кошек, пятна у пантер
Становятся длиннее и крылатей.

Плоть призраков есть ткань твоих лучей,
Ты точишь камни, глину кирпичей;
Козел и конь, ягнята и собаки

Ночных мастей тебе посвящены;
Бродя в вине, ты дремлешь в черном маке,
Царица вод! Любовница волны!

IV

Царица вод! Любовница волны!
Изгнанница в опаловой короне,
Цветок цветов! Небесный образ Иони!
Твоим рожденьем женщины больны...

Но не любить тебя мы не вольны:
Стада медуз томятся в мутном лоне
И океана пенистые кони
Бегут к земле и лижут валуны.

И глубиной таинственных извивов
Движения приливов и отливов
Внутри меня тобой повторены.

К тебе растут кораллы темной боли,
И тянут стебли водоросли воли
С какой тоской из влажной глубины!

V

С какой тоской из влажной глубины
Все смертное, усталое, больное,
Ползучее, сочащееся в гное,
Пахучее, как соки белены,

Как опиум волнующее сны,
Все женское, текучее, земное,
Все темное, все злое, все страстное,
Чему тела людей обречены,

Слепая боль поднятой плугом нови,
Удушливые испаренья крови,
Весь Океан, плененный в руслах жил,

Весь мутный ил задушенных приятий,
Все, чем я жил, но что я не изжил —
К тебе растут сквозь мглу моих распятий —

VI

К тебе растут сквозь мглу моих распятий —
Цветы глубин. Ты затеплила страсть
В божнице тел. Дух отдала во власть
Безумью плоти. Круг сестер и братий

Разъяла в станы двух враждебных ратей.
Даров твоих приемлет каждый часть...
О, дай и мне к ногам твоим припасть!
Чем дух сильней, тем глубже боль и сжатей...

Вот из-за скал кривится лунный рог,
Спускаясь вниз, алея, багровея...—
Двурогая! Трехликая! Афея!

С кладбищ земли, с распутий трех дорог
Дым черных жертв восходит на закате —
К Диане бледной, к яростной Гекате!

VII

К Диане бледной, к яростной Гекате
Я простираю руки и мольбы:
Я так устал от гнева и борьбы —
Яви свой лик на мертвенном агате!

И ты идешь багровая, в раскате
Подземных гроз, ступая на гробы,
Треглавая, держа ключи судьбы,
Два факела, кинжалы и печати.


В. Брюсов
Бальмонт

Из глаз твоих лучатся смерть и мрак,
На перекрестках слышен вой собак
И на могильниках дымят лампады.

И пробуждаются в озерах глубины,
Точа в ночи пурпуровые яды,
Змеиные, непрожитые сны.

VIII

Змеиные, непрожитые сны
Волнуют нас тоской глухой тревоги.
Словами Змия: «Станете, как боги»
Сердца людей извечно прожжены.

Тавром греха мы были клеймлены.
Крылатым стражем, бдящим на пороге.
И нам с тех пор бродящим без дороги
Сопутствует клеймленный лик Луны.

Века веков над нами тяготело
Всетемное и всестрастное тело
Планеты, сорванной с алмазного венца.

Но тусклый свет глубоких язв и ссадин
Со дна небес глядящего лица
И сладостен и жутко безотраден.

IX

И сладостен и жутко безотраден
Безумный сон зияющих долин.
Я был на дне базальтовых теснин.
В провал небес (о, как он емко-жаден!)

Срывался ливень звездных виноградин,
И солнца диск, вступая в свой притин,
Был над столпами пламенных вершин
Крылатый и расплесканный — громаден.

Ни сумрака, ни воздуха, ни вод —
Лишь острый блеск агатов, сланцев, шпатов.
Ни шлейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют черный небосвод.
Неистово порывист и нескладен
Алмазный бред морщин твоих и впадин.

X

Алмазный бред морщин твоих и впадин
Томит и жжет. Неумолимо жестк
Рисунок скал, гранитов черный лоск,
Строенье арок, стрелок, перекладин,

Вязь рудных жил, как ленты пестрых гадин,
Наплывы лавы бурые, как воск,
И даль равнин, как обнаженный мозг...
Трехдневный полдень твой кошмарно-страден.

Пузырчатые оспины огня
Сверкают в нимбах яростного дня,
А по ночам над кратером Гиппарха

Бдит «Volva» — неподвижная звезда,
И отливает пепельно-неярко
Твоих морей блестящая слюда.

XI

Твоих морей блестящая слюда
Хранит следы борьбы и исступлений,
Застывших мук, безумных дерзновений,
Двойные знаки пламени и льда.

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да».
От Моря Бурь до Озера Видений,
От призрачных полярных взгромождений,
Не видевших заката никогда,

До темных цирков Mare Tenebrarum —
Ты вся порыв, застывший в гневе яром.
И страшный шрам на кряже Лунных Альп

Оставила небесная секира.
Ты, как Земля, с которой сорван скальп —
Лик Ужаса в бесстрастности эфира!

XII

Лик ужаса в бесстрастности эфира —
Вне времени, вне памяти, вне мер!
Ты кладбище немыслимых Химер,
Ты иверень разбитого Потира.

Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Ваяя смертью глыбы бытия,
Из статуй плоти огненное «Я»
В нас высек он; дал крылья мысли пленной,

Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
И остов недосозданной вселенной —
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!

XIII

Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!
Сплетенье гнева, гордости и боли,
Бескрылый взмах одной безмерной воли,
Средь судорог погасшая звезда.

На духов воль надетая узда,
Грааль Борьбы с причастьем горькой соли,
Голгофой душ пребудешь ты, доколе
Земных времен не канет череда.

Умершие, познайте слово Ада:
«Я разлагаю с медленностью яда
Тела в земле, а души на луне».

Вокруг Земли чертя круги вампира,
И токи жизни пьющая во сне —
Ты жадный труп отвергнутого мира!

XIV

Ты жадный труп отвергнутого мира,
К живой Земле прикованный судьбой.
Мы, связанные бунтом и борьбой,
С вином приемлем соль и с пеплом миро.

Но в день Суда единая порфира
Оденет нас — владычицу с рабой.
И пленных солнц рассыпется прибой
У бледных ног Иошуа Бен-Пандира.



Но тесно нам венчальное кольцо:
К нам обратив тоски своей лицо,
Ты смотришь прочь неведомым нам ликом.

И пред тобой,— пред Тайной глубины,
Склоняюсь я в молчании великом,
Жемчужина небесной тишины!

XV

Жемчужина небесной тишины,
Лампада снов, владычица зачатий,
Кристалл любви, алтарь ночных заклятий,
Царица вод, любовница волны,

С какой тоской из влажной глубины
К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
К Диане бледной, к яростной Гекате
Змеиные, непрожитые сны.

И сладостен, и жутко безотраден
Алмазный бред морщин твоих и впадин,
Твоих морей блестящая слюда —

Лик ужаса в бесстрастности эфира,
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
Ты жадный труп отвергнутого мира!

Коктебель. 15 июня — 1 июля 1913



Я к нагорьям держу свой путь
По полынным лугам, по скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами —
Точно вынос Святых Даров
Совершается в темном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле
Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный звук
И во влажном степей дыханьи
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?
Я ли долу припал в бессильи?
Осеняют земной алтарь
Огневеющие воскрылья...

1913



Как некий юноша в скитаньях без возврата,
Иду из края в край, и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру,
И между юношей ищу напрасно брата;

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои, и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом,— со мною тайно схожий,
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

1913

ПОД ЗНАКОМ ЛЬВА

М. В. Сабашниковой

Томимый снами, я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветр упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега.

Август 1914. Дорнах



ПОСЕВ

В осенний день по стынущим полянам
Дымящиеся водят борозды
Не пахари;
Не радуется ранам
Своим земля;
Не плуг провел следы;
Не семена пшеничного посева,
Не ток дождей в разъявшуюся новь,—

Но сталь и медь,
Живую плоть и кровь
Недобрый Сеятель
В годину Лжи и Гнева
Рукою щедрою посеял...
Бед
И ненависти колос,
Змеи плевел
Взойдут в полях безрадостных побед,
Где землю-мать
Жестокий сын прогневил.

3 февраля 1915. Париж

В ЭТИ ДНИ

И. Эренбургу

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынущей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявшихся времен.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

5 февраля 1915. Париж

РЕЙМСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

Марье Самойловне Цетлин

Vue de trois-quarts, la Cathédrale de Reims évoque une grande figure de femme agenouillée, en prière.

Rodin

В минуты грусти просветленной
Народы созерцать могли
Ее — коленопреклоненной
Средь виноградников Земли.
И всех, кто сном земли недужен,
Ее целила благодать,
И шли волхвы, чтоб увидать
Ее — жемчужину жемчужин.
Она несла свою печаль,
Одета в каменные ткани
Прозрачно-серые, как даль
Спокойных овидей Шампани.
И соткан был ее покров
Из жемчуга лугов поемных,
Туманных утр и облаков,
Дождей хрустальных, ливней темных.
Одежд ее чудесный сон,
Небесным светом опален,
Горел в сияньи малых радуг,
Сердца мерцали алых роз,
И светотень курчавых складок
Струилась прядями волос.
Земными создана руками,

Она сама была землей —
Ее лугами и реками,
Ее предутренними снами,
Ее вечерней тишиной.
...И обнажив, ее распяли...
Огонь лизал, и стрелы рвали
Святую плоть... И по ночам,
В порыве безысходной муки,
Ее обугленные руки
Простерты к зимним небесам.

19 февраля 1915. Париж





ПАРИЖУ

Е. С. Кругликовой

Неслись года, как клочья белой пены...
Ты жил во мне, меняя облик свой;
И, уносимый встречною волной,
Я шел опять в твои замкнуться стены.

Но никогда сквозь жизни перемены
Такой пронзенной не любил тоской
Я каждый камень вещей мостовой
И каждый дом на набережных Сены.

И никогда в дни юности моей
Не чувствовал сильнее и больней
Твой древний яд отстоенной печали

На дне дворов, под крышами мансард,
Где юный Дант и отрок Бонапарт
Своей мечты миры в себе качали.

19 апреля 1915. Париж



ПАРИЖ ЗИМОЮ 1915

Слепые застилая дни,
Дожди под вечер нежно-немы:
Косматые цветут огни,
Как пламенные хризантемы,
Стекают блики по плечам
Домов, лоснятся на каштанах,
И город стынет по ночам
В самосветящихся туманах...
В ограде мреет голый сад...
Взнося колонну над колонной,
Из мрака лепится фасад —
Слепой и снизу осветленный.
Сквозь четкий переплет ветвей
Тускнеют медные пожары,
Блестят лучами фонарей
Пронизанные тротуары.
По ним кипит людской поток
Пьянящих головокружений —
Не видно лиц, и к стеблям ног
Простерты снизу копья теней.
Калится рдяных углей жар
В разверстых жерлах ресторанов,
А в лица дышит теплый пар
И запах жареных каштанов.

20 апреля 1915. Париж

ВЕСНА

А. В. Гольштейн

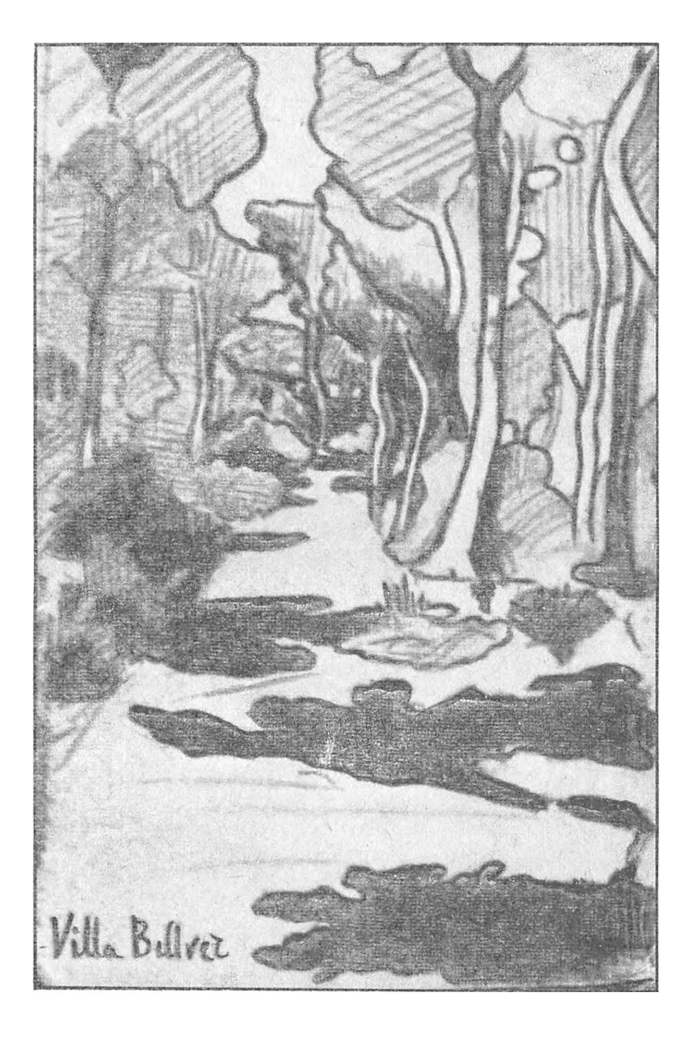
Мы дни на дни покорно нижем.
Даль не светла и не мутна...
Над замирающим Парижем
Плывет весна... и не весна.

В жемчужных утрах, в зорях рдяных
Ни радости, ни грусти нет;
На зацветающих каштанах
И лист — не лист, и цвет — не цвет.

Неуловимо-беспокойна,
Бессолнечно-просветлена,
Неопьяненно и не стройно
Взмывает жданная волна.

Душа болит в краю бездомном;
Молчит, и слушает, и ждет...
Сама природа в этот год
Изнемогла в бореньи темном.

26 апреля 1915. Париж


Villa Bellver

РОССИЯ

(1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что́ в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

17 августа 1915 г. Биарриц



ГОРОДА В ПУСТЫНЕ

Акрополи в лучах вечерней славы.
Кастилий нищих рыцарский покров.
Троады скорбь среди немых холмов.
Апулии зеркальные оправы.

Безвестных стран разбитые заставы,
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.

Озер агатовых колдующие очи.
Сапфирами увлажненные ночи.
Сухие русла, камни и полынь.

Теней Луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты...

24 октября 1916

ПОДМАСТЕРЬЕ

Посвящается Ю. Ф. Львовой

Мне было сказано:
Не светлым лириком, что нижет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу,—
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности,—
Ты будешь
Ковалем и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают — безвыходность, необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притерты,
Пригнаны и сплавлены,
Умом и терпугом, паялом и терпеньем,
Становится лирической строфой,—
Будь то страница
Тацита,
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограниченье себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради

Сосредоточья воли;
И от воли — для отрешенности сознания.
Когда же и сознанье внутри себя ты сможешь погасить —
Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознанья, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо —
Живою кровью принесенных жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знанья,
Чтоб испытать сыновность и сиротство,
И немоту отверженной земли.
Душа твоя пройдет сквозь пытку и крещенье
Страстно́ю влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зерцалах земных вод.
Твое сознанье будет
Потеряно в лесу противочувств,
Средь черных пламеней, среди пожарищ мира.
Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспамятного «я»,
Увидишь ты, что все явленья —
Знаки,

По которым ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном сбираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын Земли,
Но путник по вселенным,
Что Солнца и Созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду — и в тварях и вещах — томится
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты — освободитель божественных имен,
Пришедший изназвать
Всех духов — узников, увязших в веществе,
Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума —
Вселенную Свободы и Любви,—
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

24 июня 1917. Коктебель



СВЯТАЯ РУСЬ

А. М. Петровой

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали,
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили,
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой, да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы —
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть Царевой ты не захотела —
Уж такое подвернулось дело:

Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посады и хлеба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя,—
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917 г.
Коктебель



МИР

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917 г. Коктебель

ТЕРМИДОР

1

Катрин Тео во власти прорицаний.
У двери гость — закутан до бровей.
Звучат слова: «Верховный жрец закланий,
Весь в голубом, придет, как Моисей,

Чтоб возвестить толпе, смирив стихию,
Что есть Господь! Он — избранный судьбой,
И, в бездну пав, замкнет ее собой...
Приветствуйте кровавого Мессию!

Се Агнец бурь! Спасая и губя,
Он кровь народа примет на себя.
Един Господь царей и царства весит!

Мир жаждет жертв, великим гневом пьян.
Тяжел Король... И что уравновесит
Его главу? — Твоя, Максимильян!»

2

Разгар Террора. Зной палит и жжет.
Деревья сохнут. Бесятся от жажды
Животные. Конвент в смятеньи. Каждый
Невольно мыслит: Завтра мой черед.

Казнят по сотне в сутки. Город замер
И задыхается. Предместья ждут
Повальных язв. На кладбищах гниют
Тела казненных. В тюрьмах нету камер.

Пока судьбы кренится колесо,
В Монморанси, где веет тень Руссо,
С цветком в руке уединенно бродит,

Готовя речь о пользе строгих мер,
Верховный жрец — Мессия — Робеспьер —
Шлифует стиль и тусклый лоск наводит.

3

Париж в бреду. Конвент кипит, как ад.
Тюрьо звонит. Сен-Жюста прерывают.
Кровь вопиет. Казненные взывают.
Мстят мертвецы. Могилы говорят.

Вокруг Леба, Сен-Жюста и Кутона
Вскипает гнев, грозя их затопить.
Встал Робеспьер. Он хочет говорить.
Ему кричат: «Вас душит кровь Дантона!»

Еще судьбы неясен вещий лет.
За них Париж, коммуны и народ —
Лишь кликнуть клич и встанут исполины.

Воззвание написано, но он
Кладет перо: да не прейдет закон!
Верховный жрец созрел для гильотины.

4

Уж фурии танцуют карманьолу,
Пред гильотиною подъемля вой.
В последний раз подобная престолу
Она царит над буйною толпой.

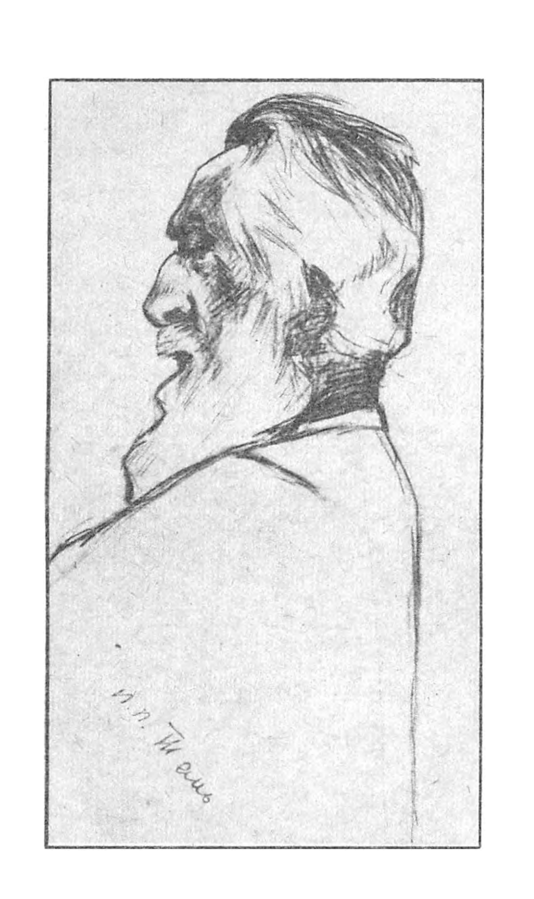
Везут останки власти и позора:
Убит Леба, больной Кутон без ног...
Один Сен-Жюст презрителен и строг.
Последняя телега Термидора.

И среди них на кладбище химер
Последний путь свершает Робеспьер.
К последней мессе благовестят в храме,

И гильотине молится народ...
Благоговейно, как ковчег с дарами,
Он голову несет на эшафот.

1917 г. 7 декабря





ТРИХИНЫ

Появились новые трихины...
Ф. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей,
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут — мор, голод и война.
Ваятель душ, воззвавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят
Ты говорил томимым нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.

10 декабря 1917 г.

DMETRIUS-IMPERATOR

(1591—1613)

Ю. Л. Оболенской

Убиенный много и восставый
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И годины более кровавой
Не видала русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать в сенях замешкав,
Голосила, плача надо мной.
С перерезанным наотмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет;
И рука Господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.
Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человечьим мясом пироги.
Проклиная царство Годунова,
В городах без хлеба и без крова
Мерзли у набитых закромов.
И разъялась земная утроба,
И на зов стенящих голосов
Вышел я — замученный — из гроба.

По Руси, что ветер засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,
Пасолнцы на небе засвечал.

Шестернею в полночь над Москвою
Мчал, бичом по маковкам хлестал.
Вихрь-витной гулял я в ратном поле,
На Московском венчанный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной — с лебедью — с Мариной
Я — живой и мертвый,— но единый
Обручался заклятым кольцом.

Но Москва дыхнула дыхом злобным —
Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске с дудкою в руке,
А вокруг — вблизи и вдалеке —
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке...
Не видала Русь такого сраму!
А когда свезли меня на яму,
И свалили в смрадную дыру,—
Из могилы тело выходило
И лежало цело на юру.
И река от трупа отливала,
И земля меня не принимала.
На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Тут тогда меня уж стало много:
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасну в обличенье вора
Царь Василий, не стыдясь позора,

Детский труп из Углича опять
Вез в Москву — народу показать,
Чтобы я на Царском на призоре
Почивал в Архангельском Соборе,
Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу — безглавый
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и Жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой,
И, кружась по-над Москвою, в гневе
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию — на Яик,—
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки.

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца — шел мне третий год —
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.
Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века — мертвый, неизбывный —
Правил я лихой годиной бед.
И опять приду — чрез триста лет.

19 декабря 1917 г.

СТЕНЬКИН СУД

Н. Н. Кедрову

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полуношных стран.
Все ль как прежде сияет — несглазена
Православных церквей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?
Зажигают ли свечки, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Всё ль блюдут в воеводствах своих?
Благолепная, да многохрамая...
А из ней хоть святых выноси.
Что-то чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как, бывало, казацкая, дерзкая
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь —
Гребенская, Донская, да Терская
Собиралась ватажить сарынь.
Да на первом, на струге, на «Соколе»
С полюбовницей — пленной княжной,

Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.
Да как кликнешь сподрушных — приспешников
— «Васька-Ус, Шелудяк, да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод да попов, да дворян.
Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
И за все, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.
Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.
Уж по-царски уважили пыткою:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу — не помилую —
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому — всяк.

Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученки-ноженки:
Пусть поползают людям на смех.
И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.
Мы устроим в стране благолепье вам,—
Как, восставши из мертвых с мечом,—
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачом.

22 декабря 1917 г.



ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

Кто так слеп, как раб Мой? и глух,
как вестник Мой, Мною посланный?
Исайя 42, 19

Они проходят по земле
Слепые и глухонемые
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещий луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

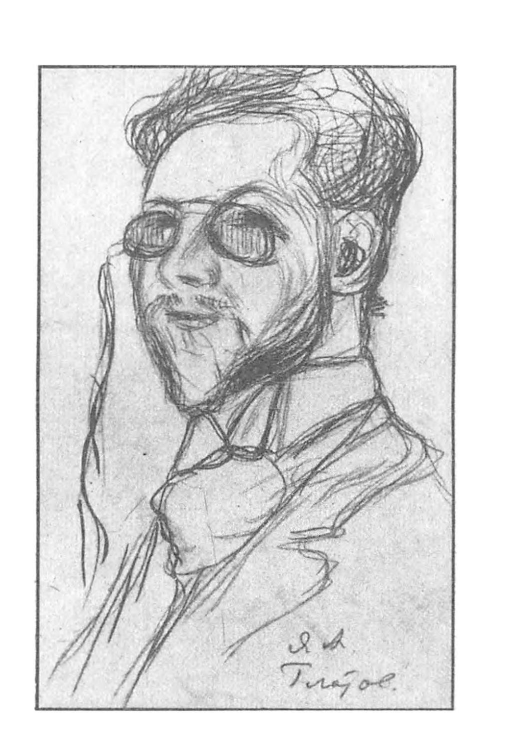
29 декабря 1917 г.

ИЗ БЕЗДНЫ

А. А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого всхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распятые серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

15 января 1918 г.


Я Л.
Глазов.

ПРЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

К. Ф. Богаевскому

Postquam devastationem XL aut amplius dies Roma fuit ita desolata, ut nemo ibi hominum, nisi bestiae moriuntur.

Marcellini Commentarii

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом Германских орд
И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший «Акты
Остготских королей», следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых Тибрских берегах,—
В те дни все населенье Рима
Тотила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден
Был Вечный Град: ни огнь сглодать,
Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик и пуст, и дик,
Как первозданный материк.
В молчаньи вещем цепенели,
Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —

Все вековые отложенья
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождая небосклон
И горизонт земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел — велик,
И необъятен, как стихия.
Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...
Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

17 января 1918 г. Коктебель



ВИДЕНИЕ ИЕЗЕКИИЛЯ

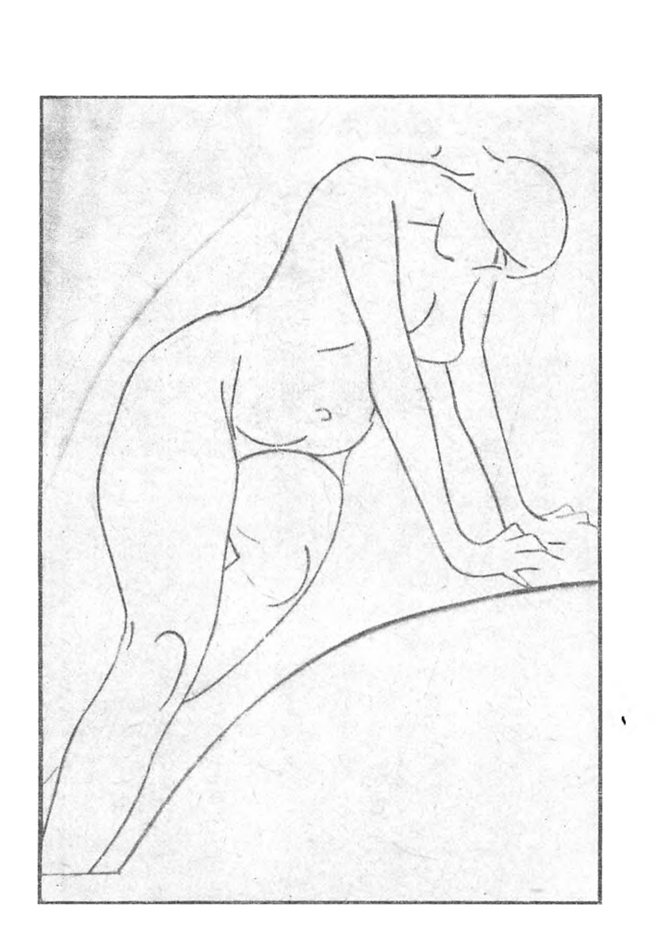
Бог наш есть огнь поядающий. Твари
Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался он —
Облак, несомый верховными силами,—
Четверорукими, шестерокрылыми,
С бычьими, птичьими и человечьими,
Львиными ликами с разных сторон.
Видом они точно угли горящие,
Ноги прямые и медью блестящие,
Лики, как свет раскаленных лампад,
И вопиющие, и говорящие,
И воззывающе к Господу: «Свят!
Свят! Вседержитель!» А около разные
Цветом похожи на камень топаз,
Вихри и диски, колеса алмазные,
Дымные ободы, полные глаз.
А над животными — легкими сводами,
Крылья простертые в высоту,
Схожие шумом с гудящими водами,
Переполняющими пустоту.
Выше же вышних, над сводом всемирным,
Тонким и синим повитым огнем,
В радужной славе, на троне сапфирном,
Огненный облик, гремящий, как гром.
Был я покрыт налетевшей грозою,
Бурею крыльев и вихрем колес.
Ветр меня поднял с земли и вознес...
Был ко мне голос:
«Иди предо Мною —
В землю Мою, возвестить ей позор!
Перед лицом Моим ветер пустыни,
А по стопам Моим — язва и мор!

Буду судиться с тобою Я ныне.
Мать родила тебя ночью в полях,
Пуп не обрезала и не омыла,
И не осолила и не повила,
Бросила дочь на попрание в прах...
Я ж тебе молвил: Живи во кровях!
Выросла смуглой и стройной, как колос,
Грудь поднялась, закурчавился волос,
И округлился, как чаша, живот...
Время любви твоей было... И вот
В полдень лежала ты в поле нагая,
И проходил и увидел тебя Я,
Край моих риз над тобою простер,
Обнял, омыл твою кровь и с тех пор
Я сочетался с рабою моею.
Дал тебе плат, кисею на лицо,
Перстни для рук, ожерелье на шею,
На уши серьги, в ноздри кольцо,
Пояс, запястья, венец драгоценный,
И покрывала из тканей сквозных...
Стала краса твоя совершенной
В великолепных уборах моих.
Хлебом пшеничным, елеем и медом
Я ль не вскормил тебя щедрой рукой?
Дальним известна ты стала народам
Необычайною красотой.
Но упоенная славой и властью
Стала мечтать о красивых мужах,
И распалялась нечистою страстью
К изображениям на стенах.
Между соседей рождая усобья,
Стала распутной — ловка и хитра,
Ты сотворяла мужские подобья,—
Знаки из золота и серебра.

Строила вышки, скликала прохожих,
И блудодеяла с ними на ложах,
На перекрестках путей и дорог,
Ноги раскидывала перед ними,
Каждый придя оголить тебя мог
И насладиться сосцами твоими.
Буду судиться с тобой до конца:
Гнев изолью, истощу свою ярость.
Семя сотру, прокляну твою старость,
От моего не укрыться лица!
Всех созову, что блудили с тобою,
Платье сорву и оставлю нагою,
И обнажу перед всеми твой срам,
Темя обрею, связавши ремнями,
В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревнивой —
Так говорю тебе Я — твой Господь!»

21 января 1918 г. Коктебель





АНГЕЛ ВРЕМЕН

В. Л. Рюминой

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хрисолит,
Он говорил, указывая тростью:

Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу.
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен —
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей ее горючие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.

Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке
И девушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста ее открыты,
У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты
Раскинул острова Архипелаг.
Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь матерние органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая,—
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствилище и похотник ея,—
Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель —
Сквозь Бычий-Ход Махмут завоеватель
Проник к ее заветным берегам.
И зачала и понесла во чреве
Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гневе
Собой восток и запад сопряжет!

Но роковым охвачен нетерпеньем,
Все исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылущил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.
Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня
И крест его — всемирное служенье.

Двойным путем ведет его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS раб, но Славия есть СЛАВА:—
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Все, что живет, и все, что будет жить:
Как солнца бег нельзя предотвратить,—
Зачатое не может не родиться.
В крушеньях царств, в самосожженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

20 мая 1918 г.



РОДИНА

«Каждый побрел в свою сторону
И никто не спасет тебя».

Слова Исайи, открывшиеся, в ночь на 1918 г.

И каждый прочь побрел вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.

Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданьях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба,—
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии — в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И части восприять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918 г.



МОЛИТВА О ГОРОДЕ

(Феодосия — весной 1918 г.)

С. А. Толузакову

И скуден и неукрашен
Мой древний град
В венце Генуэзских башен,
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дожей, то крымских ханов:
Звезду и серп;
Под сенью тощих акаций
И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
Давно храня
Глухой перегар столетий
И вкус огня;
А в складках холмов охряных —
Великий сон:
Могильники безымянных
Степных племен;
А дальше — зыбь горизонта
И пенный вал
Негостеприимного Понта
У желтых скал.

Войны, мятежей, свободы
Дул ураган;
В сраженьях гибли народы
Далеких стран;
Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближаясь, клики
Взметенных толп;
Суда бороздили воды,
И борт о борт
Заржавленные пароходы
Врывались в порт;
На берег сбегали люди,
Был слышен треск
Винтовок и гул орудий,
И крик, и плеск,
Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей.

Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок, и руку
Хотел заклясть.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своей любовью,
Кольцом молитв,

Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
Пойми... прости!

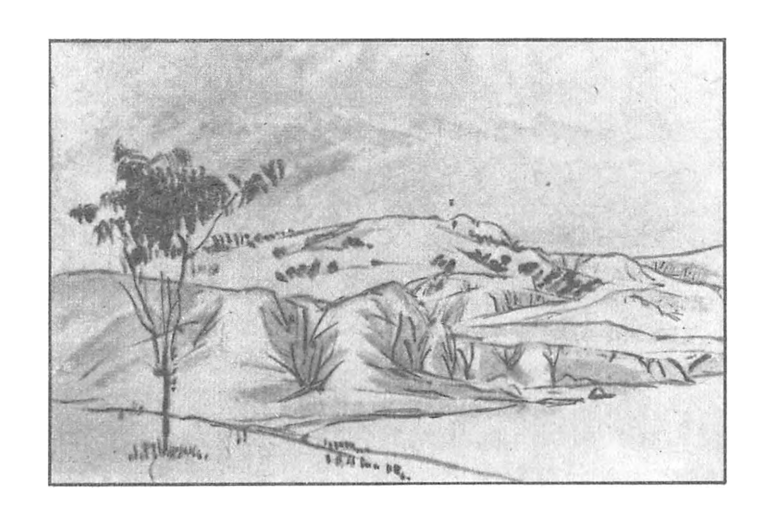
2 июня 1918 г.
Коктебель



КОКТЕБЕЛЬ

Как в раковине малой — Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны,—
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заключена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов,
Огнь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой,—
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.



Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

6 июня 1918

КАРАДАГ

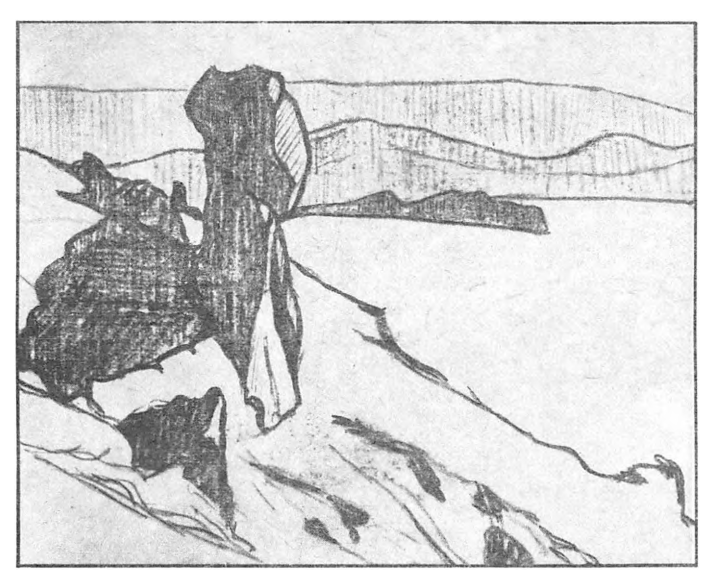
1

Преградой волнам и ветрам
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.
По зыбям меркнущих равнин,
Томимым неуемной дрожью,
Направь ладью к ее подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил:
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

14 июня 1918

2

Над черно-золотым стеклом
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом
Сторожевые изваянья,



Войди под стрельчатый намет,
И пусть душа твоя поймет
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.

Спустись в базальтовые гроты,
Вглядись в провалы и пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря — безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

17 июня 1918



НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

В эпоху бегства французов из Одессы.

Кто ты, Россия? Мираж? Наважденье?
Была ли ты? есть или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

Все неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещею тайной
И ужасается дух.

Каждый коснувшийся дерзкой рукою —
Молнией поражен:
Карл под Полтавой; ужален Москвою,
Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат...
Год — и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
    Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
    Русский разымчивый хмель.

Мы — зараженные совестью: в каждом
    Стеньке — святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
    Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
    Дух обнажаем до дна.
Дивное диво — горит, не сгорая,
    Неопалимая Купина!

Коктебель. 28 мая 1919

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Во имя грозного закона
Братоубийственной войны,
И воспаленны и красны
Пылают гневные знамена.

Но жизнь и русская судьба
Смешали клички, стерли грани:
Наш пролетарий — голытьба,
А наши «буржуа» — мещане.
А грозный демон — «Капитал» —
Властитель фабрик, Князь заботы,
Сущность отстоенной работы,
Преображенная в кристалл,—
Был нам неведом:
                                        нерадивы
И нищи средь богатств земли,
Мы чрез столетья пронесли,
Сохою ковыряя нивы,
К земле нежадную любовь...
России душу омрачая,
Враждуют призраки, но кровь
Из ран ее течет живая.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.
Пусть бунт наш — бред, пусть дом наш пуст,
Пусть боль от наших ран не наша.
Но да не минет эта чаша
Чужих страданий наших уст.

И если встали между нами
Все бреды будущих времен —
Мы все же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.

Как некогда святой Франциск
Видал: разверзся солнца диск
И пясти рук и ног Распятый
Ему лучом пронзил трикраты —
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.

12 июня 1919



ПЛАВАНЬЕ

(Одесса — Ак Мечеть 10—15 мая)

Посв. Т. Цемах

Мы пятый день плывем, не опуская
Поднятых парусов.
Ночуя в устьях рек, в лиманах, в лукоморьях,
Где полная луна цветет по вечерам.

Днем ветер гонит нас вдоль плоских,
Пустынных отмелей, кипящих белой пеной.
С кормы возвышенной, держась за руль резной,
Я вижу,
Как пляшет палуба,
Как влажною парчою
Сверкают груды вод, а дальше
Сквозь переплет снастей: пустынный окоем.
Плеск срезанной волны,
Тугие скрипы мачты,
Журчанье под кормой
И неподвижный парус...

А сзади — город,
Весь в красном исступленьи
Расплесканных знамен,
Весь воспаленный гневами и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,

Томимый голодом, поветриями, кровью,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов.

А здесь безветрие, безмолвие, бездонность
И небо и вода — две створы
Одной жемчужницы.
В лучистых путинах застыло солнце.
Корабль повис в пространствах облачных,
В сиянии притупленном и дымном.

Вон виден берег твоей земли —
Иссушенной, полынной, каменистой,
Усталой быть распутьем народов и племен.

Тебя свидетелем безумий их поставлю
И проведу тропою лезвииной
Сквозь пламена войны
Братоубийственной, напрасной, безысходной,
Чтоб ты пронес в себе великое молчанье
Закатного, мерцающего моря.

Коктебель 12 июня 1919



КРАСНОГВАРДЕЕЦ

(1917 год)

Скакать на красном параде
С кокардой на голове
В расплавленном Петрограде,
В революционной Москве.

В бреду и в хмельном азарте
Отдаться лихой игре.
Стоять за Родзянку в марте,
За большевиков в октябре.

Толпиться по коридорам
Таврического дворца,
Не видя буржуйным спорам
Ни выхода, ни конца.

Оборотиться к собранью,
Рукою поправить ус,
Хлестнуть площадною бранью,
На ухо заломив картуз.

И показавшись толковым —
Ввиду особых заслуг
Быть посланным с Муравьевым
Для пропаганды на юг.

Идти запущенным садом.
Щупать замок штыком.
Высаживать дверь прикладом.
Толпою врываться в дом.

У бочек выломав днища,
В подвал выпускать вино,
Потом подпалить горище
Да выбить плечом окно.

В Раздельной, под Красным Рогом
Громить поместья и прочь
В степях по грязным дорогам
Скакать в осеннюю ночь.

Забравши весь хлеб, о «свободах»
Размазывать мужикам.
Искать лошадей в комодах
Да пушек по коробкам.

Палить из пулеметов:
Кто? с кем? Да не все ль равно?
Петлюра, Григорьев, Котов,
Таранов или Махно...

Слоняться буйной оравой.
Стать всем своим невтерпеж.
И умереть под канавой
Расстрелянным за грабеж.

16 июня 1919

БЕГСТВО

Посв. матросам М., В., Б.

Кто верит в жизнь, тот верит чуду,
И счастье сам в себе несет...
Товарищи, я не забуду
Наш черноморский переход!

Одесский порт, баркасы, боты,
Фелюк пузатые борта,
Снастей живая теснота:
Канаты, мачты, стеньги, шкоты...

Раскраску пестрых их боков,
Линялых, выеденных солью
И солнцем выжженных тонов,
Привыкших к водному раздолью.

Якорь, опертый на бизань,—
Бурый, с клешнями, как у раков,
Покинутая Березань,
Полуразрушенный Очаков.

Уж видно Тендрову Косу
И скрылись черни рощ Кин-бурна...
Крепчает ветер, дышет бурно
И треплет кливер на носу.

То было в дни, когда над морем
Господствовал французский флот
И к Крыму из Одессы ход
Для мореходов был затворен.

К нам миноносец подбегал,
Опрашивал, смотрел бумагу...
Я — буржуа изображал,
А вы рыбацкую ватагу.

Когда нас быстрый пулемет
Хлестнул в заливе Ак-Мечети,
Как помню я минуты эти
И нашей ругани полет!

Потом поместья Воронцовых
И ночью резвый бег коней
Среди гниющих Сивашей
В снегах равнин солончаковых,

Мел белых хижин под луной,
Над дальним морем блеск волшебный,
Степных угодий запах хлебный —
Коровий, влажный и парной.

И русые при первом свете
Поля... И на краю полей
Евпаторийские мечети
И мачты пленных кораблей.

Коктебель 17 июня 1919





ЗАКЛЯТЬЕ О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота —
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре стороны:
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства —
На всю землю Свято-Русскую.

Не слыхать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей,—
Лежит Русь —
Разоренная,
Кровавленная, опаленная,
По всему полю —
Дикому — Великому —
Кости сухие — пустые,
Мертвые — желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьет по костям
Железным жезлом:
«С четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит,—
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается,—
Так —
встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись —
Царство к царству, племя к племени!

Кует кузнец золотой венец —
Обруч кованный:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго;
Чтоб оно — Царство Русское
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его — Царство Русское
В гульбе не разгуляли,
В плясне не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно — Царство Русское
Рдело — зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

Коктебель 23 июля 1919



НА ВОКЗАЛЕ

В мутном свете увялых
Электрических фонарей
На узлах, тюках, одеялах
Средь корзин, сундуков, ларей,
На подсолнухах, на окурках,
В сермягах, в шинелях, в бурках,
То врозь, то кучей, то в ряд,
На полу, на лестницах — спят:
Одни раскидавшись — будто
Подкошенные на корню,
Другие вывернув круто
Шею, бедро, ступню.
Меж ними бродит зараза
И отравляет их кровь:
Тиф, холера, проказа,
Ненависть и любовь.
Едят их поедом жадным
Мухи, москиты, вши.
Они задыхаются в смрадном
Испареньи тел и души.
Точно в загробном мире,
Где каждый в себе несет
Противовесы и гири
Дневных страстей и забот.

Так спят они по вокзалам,
Вагонам, платформам, залам,
По рынкам, по площадям,
У стен, у отхожих ям:
Беженцы из разоренных
Оголодавших столиц,
Из городов опаленных,
Деревень, аулов, станиц,
Местечек: тысячи лиц...
И социальный мессия,
И баба с кучей ребят,
Офицер, налетчик, солдат,
Спекулянт, мужики —
вся Россия!

Вот лежит она, распята сном,
По вековечным излогам,
Расплесканная по дорогам,
Искусанная огнем,
С запекшимися губами,
В грязи, в крови и во зле
И ловит воздух руками,
И мечется по земле.
И не может в бреду забыться,
И не может очнуться от сна...
Не все ли и всем простится,
Кто выстрадал, как она?

Коктебель. 29 июля 1919

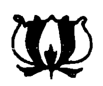
СПЕКУЛЯНТ

1919

Кишмя кишеть в кафе у Робина,
Шнырять в Ростове, шмыгать в Одессе,
Кипеть на всех путях, вползать сквозь все затворы,
Менять все облики,
Все масти, все оттенки,
Быть торговцем, попом и офицером,
То русским, то германцем, то евреем,
При всех режимах быть неистребимым,
Всепроникающим, всеядным, вездесущим,
Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известия, зажигать пожары,
Бунты и паники; одним прикосновеньем
Удорожать в четыре, в сорок, во сто,
Пускать под небо цены, как ракеты,
Сделать в три дня неуловимым,
Неосязаемым тучнейший урожай,
Владеть всей властью магии:
Играть на бирже
Землей и воздухом, водою и огнем;
Осуществить мечты о превращеньи
Веществ, страстей, программ, событий, слухов
В золото, а золото — в бумажки,

И замести страну их пестрою метелью,
Рождать из тучи град золотых монет,
Россию превратить в быка,
Везущего Европу по Босфору,
Осуществить воочью
Все россказни былых метаморфоз,
Все таинства божественных мистерий,
Преосуществлять за трапезой вино и хлеб
Мильонами пудов и тысячами бочек —
В озера крови, в груды смрадной плоти,
В два года распродать империю,
Замызгать, заплевать, загадить, опозорить,
Кишеть как червь в ее разверстом теле,
И расползтись, оставив в поле кости
Сухие, мертвые, ошмыганные ветром.

Коктебель 16 августа 1919



БУРЖУЙ

1919

Буржуя не было, но в нем была потребность.
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетариата.

Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов,
Помещиков, кадет и акушерок.
Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли, сплавили в застенках Чрезвычаек,
Гражданская война дохнула в его уста...
Тогда он сам поверил в свое существованье
И начал быть.

Но бытие его сомнительно и призрачно,
Душа же негативна.
Из человечьих чувств ему доступны три:
Страх, жадность, ненависть.

Он воплощался на бегу
Меж Киевом, Одессой и Ростовом.
Сюда бежал он под защиту добровольцев,
Чья армия возникла лишь затем,
Чтоб защищать его.

Он ускользнул от всех ее наборов,
Зато стал сам героем, как они.

Из всех военных качеств он усвоил
Себе одно: спасаться от врагов.
И сделался жесток и беспощаден.

Он не может без гнева видеть
Предателей, что не бежали за границу
И, чтоб спасти какие-то лоскутья
Погибшей родины,
Пошли к большевикам на службу:
«Тем хуже, что они предотвращали
Убийства и спасали ценности культуры:
Они им помешали себя ославить до конца,
И жаль, что их самих еще не расстреляли».

Так мыслит каждый сознательный буржуй.
А те из них, что любят русское искусство,
Прибавляют, что, взяв Москву, они повесят сами
Максима Горького
И расстреляют Блока.

Коктебель 17 августа 1919



КИТЕЖ

1

Вся Русь — костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел — человек.
Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
Пустили пал? А ураган
Раздул его и тонут в дыме едком
Леса и села огнищан.
Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
Народный не уймут костер:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озер.
Так отданная на поток татарам
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлояром...
Но от огня не отрекусь!
Я сам — огонь. Мятеж в моей природе,
Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы — вне нашей душной плоти,
Вне воли медного Петра —
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовет призывный и нездешний
Подводный благовест церквей.

2

Усобицы кромсали Русь ножами.
        Скупые дети Калиты
Неправдами, насильем, грабежами
        Ее сбирали лоскуты.
В тиши ночей звездяных и морозных,
        Как лютый крестовик-паук,
Москва пряла при Темных и при Грозных
        Свой тесный, безысходный круг.
Здесь правил всем изветчик и наушник,
        И был свиреп и строг
Московский Князь — «постельничий и клюшник
        У Господа», — помилуй Бог!
Гнездо бояр, юродивых, смиренниц —
        Дворец, тюрьма и монастырь,
Где двадцать лет зарезанный младенец
        Чертил круги, как нетопырь.
Ломая кость, вытягивая жилы,
        Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
        Пожарский царствовать привел.
Антихрист — Петр распаренную глыбу
        Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
        Наукам книжным обучал,
Империя, оставив нору кротью,
        Высиживалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
        Своих пяти императриц.
И стала Русь немецкой, чинной, мерзкой.
        Штыков сияньем озарен,
В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской
        Отстаивался русский трон.

И вырвались со свитой из-под трона
Клубящиеся пламена —
На свет из тьмы, на волю из полона —
Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачевы —
Страшилища иных веков.
Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омраченная, в крови,
Осталась ты землею исступлений —
Землей взыскующей любви.

3

Они пройдут — расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И отрезвясь от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеплит яркую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж —
Наш неосуществимый сон.

Коктебель 18 августа 1919
Во время наступления Деникина
на Москву



ФЕОДОСИЯ

1918

Сей древний град — богоспасаем
(Ему же имя «Богом дан»)
В те дни был социальным раем.
Из дальних черноморских стран
Солдаты навезли товару
И бойко продавали тут
Орехи — сто рублей за пуд,
Турчанок — пятьдесят за пару —
На том же рынке, где рабов
Славянских продавал татарин.
Наш мир культурой не состарен
И торг рабами вечно нов.
Хмельные от лихой свободы
В те дни спасались здесь народы:
Затравленные пароходы
Врывались в порт, тушили свет,
Толкались в пристань, швартовались,
Спускали сходни, разгружались
И шли захватывать «Совет».
Мелькали бурки и халаты,
И пулеметы, и штыки,
Румынские большевики
И трапезундские солдаты,
«Семерки», «Тройки», «Румчерод»,
И «Центрослух» и «Центрофлот»,
Толпы одесских анархистов
И анархистов — коммунистов,
И анархистов — террористов:
Специалистов из громил.
В те дни понятья так смешались,

Что Господа буржуй молил,
Чтобы у власти продержались
Остатки большевицких сил.
В те дни пришел сюда посольством
Турецкий крейсер, и «Совет»
С широким русским хлебосольством
Дал политический банкет.
Сменял оратора оратор.
Красноречивый агитатор
Приветствовал как брата брат
Турецкий пролетариат,
И каждый с пафосом трибуна
Свой тост эффектно заключал:
— «И так: да здравствует коммуна
И третий Интернационал!»
Оратор клал на стол окурок...
Тогда вставал почтенный турок —
В мундире, в феске, в орденах —
И отвечал в таких словах:
— «Я вижу... слышу... помнить стану...
И обо всем, что видел — сам
С отменным чувством передам
Его Величеству — Султану».

Коктебель 24 августа 1919



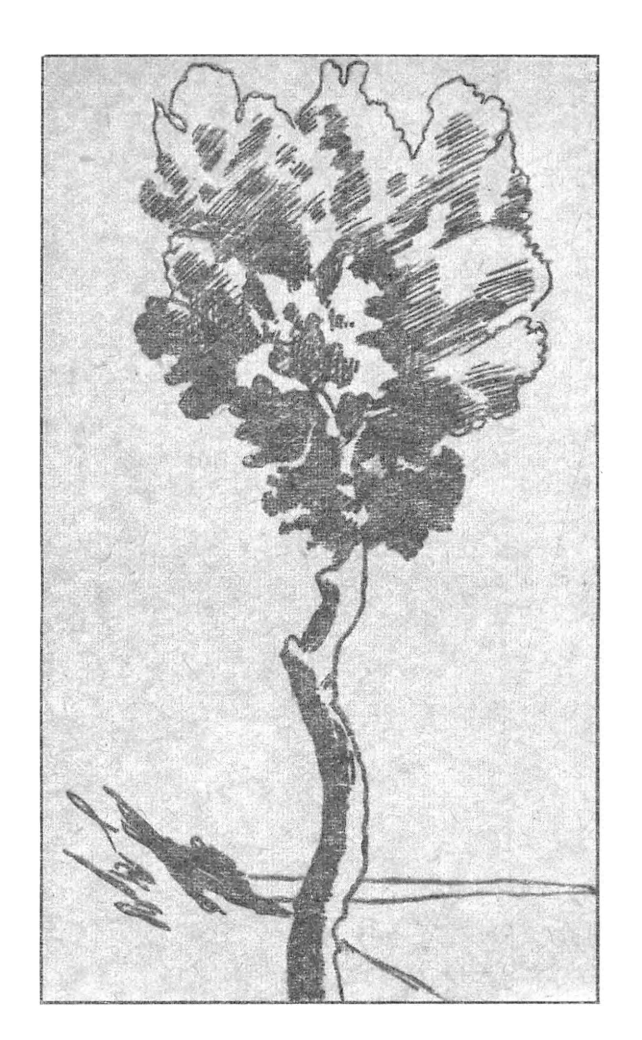
ПОСЕВ

Как земледел над грудой веских зерен,
Отобранных к осеннему посеву,
Склоняется, обеими руками
Зачерпывая их, и весит в горсти,
Чуя
Их дух, их теплоту и волю к жизни,
И крестит их, —
так я, склонясь над Русью,
Крещу ее — от лба до поясницы,
От правого до левого плеча
И, наклонясь, коленопреклоненно
Целую средоточье всех путей —
Москву.

Земля готова к озимому посеву,
И вдоль, и поперек глубоким плугом
Она разодрана, вся пахоть дважды, трижды
Железом перевернута,
Напитана рудой — живой, горючей, темной,
Полита молоньей, скорожена громами,
Пшеница ядрена под Божьими цепами,
Зернь переполнена тяжелой, дремной жизнью,
И семя светится голубоватым, тонким,
Струистым пламенем...

Да будет горсть полна, рука щедра в размахе
И крепок сеятель!
Благослови посев свой, Иисусе!

Коктебель 11 ноября 1919



ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.

Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других — лишенных всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Все золото, весь тлен идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,

Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,

А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытоптанных жнитв.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревущем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

Коктебель 22 ноября 1919



СВЯТОЙ ФРАНЦИСК

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поет и причитает:

«Брат мой, Солнце! старшее из тварей,
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.

Брат мой, Месяц, и сестрички, звезды,
В небе Бог развесил вас как грозды,
Братец, ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.

Ты — водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работящей и смиренной.

Брат — огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка — земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветаешь.

Брат мой — тело, ты меня одело,
Научило боли, и смиренью, и терпенью,
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.

Смерть земная — всем сестра старшая,
Ты ко всем добра и все смиренно
Чрез тебя проходят, будь благословенна!»

Вереницами к нему слетались птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорил им:

«Пташки-птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком множеств ваших не объемлю.
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна да поете;
Бог вам крылья дал, да вольный воздух,
Перьями одел и научил вить гнезда,
Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!»

Приходили, прибегали, приползали
Чрез кусты, каменья и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
И, крестя их, говорил он волку:

«Брат мой, волк, и въявь, и втихомолку
Убивал ты Божее творенье
Без его на это разрещенья.
На тебя все ропщут, негодуя:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться
И тогда дела твои простятся.

Люди все твои злодейства позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам, юродивым и нищим,
Каждый даст тебе и хлеб, и пищу.

Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренью, мукам и терпенью».

И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

Коктебель 23 ноября 1919



ХВАЛА БОГОМАТЕРИ

Тайна тайн непостижимая,
Глубь глубин необозримая,
Высота невосходимая!
Радость радости земной,
Торжество непобедимое.
Ангельски дориносимая
Над родимою землей,
Купина неопалимая!

Херувимов всех честнейшая,
Без сравнения славнейшая
Огнезрачных серафим,
Очистилище чистейшая!
Госпожа всенепорочная
Без истленья Бога родшая
Незакатная звезда,
Радуйся, о благодатная!
Ты молитвы влага росная
Живоносная вода!

Ангелами охраняемый,
Цвет земли неувядаемый,

Персть сияньем растворенная,
Глина девством прокаленная,
Плоть рожденная сиять,
Тварь до Бога вознесенная,
Диском солнца облаченная,
На серпе луны взнесенная,
Приснодевственная мать!

Ты покров природы тварной,
Свет во мраке, пламень зарный,
Путеводного столба!
В грозный час, когда над нами
Над забытыми гробами
Протрубит труба,
В час великий, в час возмездья,
В горький час, когда созвездья
С неба упадут,
И земля между мирами,
Извергаясь пламенами,
Предстанет на Суд,
В час, когда вся плоть проснется,
Чрево смерти содрогнется
(Солнце мраком обернется)
И как книга развернется
Небо надвое,
И разверзнется пучина,
И раздастся голос Сына:

«О, племя упрямое!
Я стучал — вы не открыли,
Жаждал — вы не напоили,
Я алкал — не накормили,
Я был наг — вы не одели...»

И тогда ответишь ты:
«Я одела, я кормила,
Чресла Богу растворила,
Плотью нищий дух покрыла,
Солнце мира приютила
В чреве темноты...»

В час последний в тьме кромешной,
Над своей землею грешной,
Ты расстелишь плат:
Надо всеми, кто ошую,
Кто во славе одесную,
Агнцу предстоят,
Чтоб не сгинул ни единый
Ком пронзенной духом глины,
Без изъятья навсегда,
И удержишь руку Сына
От последнего проклятья
Безвозвратного Суда.

Коктебель 27 ноября 1919



ЗАКЛИНАНИЕ

(от усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

19 июня 1920. Коктебель



ДИКОЕ ПОЛЕ

1

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Темная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта —
Без имян, без конца, без числа...
Вся копытом да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветр закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет — развалист и хляб —
По оврагам, увалам, излогам,
По немеряным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями клочья бурьяна,
И гудит, и звенит, и поет...
Эти поприща — дно океана
От великих обсякшее вод.

Распалял их полуденный огнь,
Индевела заречная синь...
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,
По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопы
Колченогих, раскосых людей.
И орлы на Равеннских воротах
Исчезали в водоворотах
Всадников и лошадей.

Много было их — люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств

2

Долго Русь раздирали по клочьям
И усобицы и татарва.
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, овеянный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз
Белокаменный и златоглавый
Над скудою закуренных изб.

Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи...
От Кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Голытьбу с тесноты да с неволи
Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север — к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.
Их разлет был широк и несвязен:
Жгли, рубили, взымали ясак.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удальцов
Воровские круги понизовья
Да концы вечевых городов.
Лишь Никола-Угодник, Егорий —
Волчий пастырь — строитель земли —
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

3

Русь! Встречай роковые годины:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,

И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Все, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

Коктебель 20 июня 1920



СЕВЕРОВОСТОК

1920

«Да будет благословен приход твой, Бич Бога, которому я служу, и не мне останавливать тебя».

Слова св. Лу — Архиепископа Турского, обращенные к Атилле

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоемов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северовосток.

Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль — все одно и то же:
Волчьи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.

Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред разведок, ужас Чрезвычаек —
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик —
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем,
Иль найдем поруганный наш храм,—

Нам ли весить замысел Господний?
Все поймем, все вынесем любя —
Жгучий ветр полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

Коктебель 31 июля 1920



СИБИРСКОЙ 30-Й ДИВИЗИИ

Сергею Кулагину

В полях последний вопль довоплен,
И смолк железный лязг мечей,
И мутный зимний день растоплен
Кострами жгучих кумачей.
Каких далеких междуречий,
Каких лесов, каких озер
Вы принесли с собой простор,
И ваш язык и ваши речи?
Вы принесли с собою весть
О том, что на полях Сибири
Погасли ненависть и месть,
И новой правдой веет в мире.
Пред вами утихает страх
И проясняется стихия,
И светится у вас в глазах
Преображенная Россия.

23 ноября 1920



КРАСНАЯ ПАСХА

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел.
Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.
Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш — тленьем.
Стволы дерев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.
А души вырванных

Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...

Зима в тот год была Страстной неделей
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

Симферополь 21 апреля 1921



ТЕРРОР

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северовосточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладом на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты рокотали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
    Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
    Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же оврагам
    Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
    Целовали милую плоть.

Симферополь 26 апреля 1921





ПОТОМКАМ

(Во время террора)

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письмена.
Но, может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак, и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереди дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кров — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.
Но мы не покорились:
Ослушники законов естества —
В себе самих укрыли наше солнце,

На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей. Мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществленьи человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенней его последних судеб.

Далекие потомки наши, знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти,
То в этом мире есть и наша доля!

Симферополь 21 мая 1921



БОЙНЯ

(Феодосия, декабрь 1920)

Отчего, встречаясь, бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?

Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахиваются ворота?
Сегодня сколько? полтораста? сто?

Куда их гонят вдоль черных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвет и крутит восточный ветер,
И жжет и режет и бьет плетьми!

Отчего за чумной по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочок бумаги?
Перчатка, нательный крестик, чулок?

Чье имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздем на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?

Что хлестнуло во мраке так резко и четко?
Что делали торопливо и молча потом?
Зачем уходя затянули песню?
Кто стонал так долго, а после стих?

Чье ухо вслушивалось в шорох ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?

Отчего перед рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за карантином:
— «Носят ведрами спелые грозды,
Валят ягоды в глубокий ров.

Ах, не грозды носят — юношей гонят
К черному точилу, давят вино,
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна.

Уж до края полно давило кровью,
Зачервленели терновник и полынь кругом.
Прохватит морозом свежие грозды,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волоса».

Кто у часовни Ильи-Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
—«Не реви — собакам собачья смерть!»

А она не уходит, а все плачет и плачет
И отвечает солдату, глядя в глаза:
— «Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»

Коктебель 18 июля 1921



ГОТОВНОСТЬ

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещенье
Совести, огня и вод?

Апокалипсическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало,
Господи,— вот плоть моя!»

Феодосия 24 октября 1921

НА ДНЕ ПРЕИСПОДНЕЙ

(Памяти А. Блока и Н. Гумилева)

С каждым днем все диче и все глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветр, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекусь.

Доканает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

Коктебель 12 января 1922



РУСЬ ГУЛЯЩАЯ

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчется шатущий народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орет.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ.

А проснувшись, бьется в подклетьях,
Да ревет, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок.

А не то разинет глазища
Да вопьется, вцепившись рукой:
«Не оставь меня смрадной и нищей,
Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
Погорюй по моим мертвецам,

Не продай басурманам, не выдай
На потеху лихим молодцам...

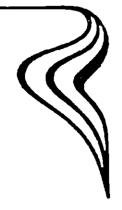
Вся-то жизнь в теремах под засовом...
Уж натешились вы надо мной...
Припаскудили пакостным словом,
Припоганили кличкой срамной».

Разве можно такую оставить,
Отчураться, избыть, позабыть?
Ни молитвой ее не проплавить,
Ни любовью не растопить...

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

Коктебель. 5 января 1923



ПУТЯМИ КАИНА

Трагедия материальной культуры

МЯТЕЖ

1

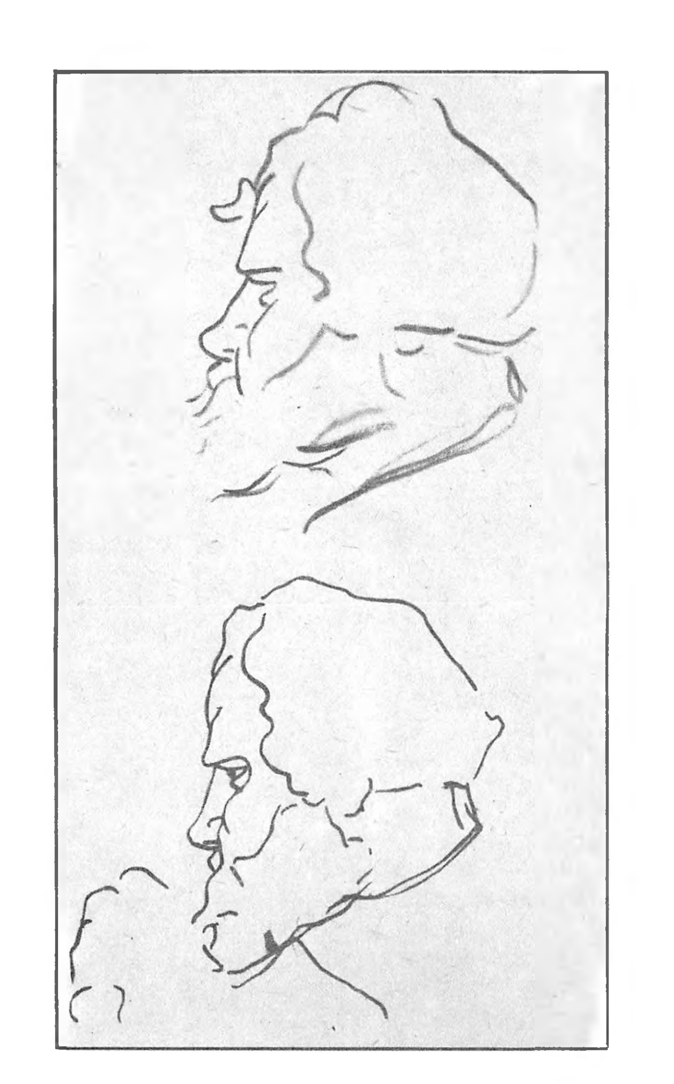
В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.

2

Из вихрей и противоборств возник
Мир осязаемых
И стойких равновесий.
И равновесье стало веществом.
Но этот мир разумный и жестокий
Был обречен природой на распад.

3

Чтобы не дать материи изникнуть,
В нее впился сплавляющий огонь.
Он тлеет в «я», и вещество не может
Его объять собой и задушить.
Огонь есть жизнь.



И в каждой точке мира
Дыхание, биенье и горенье.
Не жизнь и смерть, но смерть и воскресенье —
Творящий ритм мятежного огня.

4

Мир — лестница, по ступеням которой
Шел человек.
Мы осязаем то,
Что он оставил на своей дороге.
Животные и звезды — шлаки плоти,
Перегоревшей в творческом огне:
Все в свой черед служили человеку
Подножием,
И каждая ступень
Была восстаньем творческого духа.

5

Лишь два пути раскрыты для существ,
Застигнутых в капканах равновесья:
Путь мятежа и путь приспособленья.
Мятеж — безумие;
Законы природы — неизменны.
Но в борьбе за правду невозможного
Безумец —
Пресуществляет самого себя,
А приспособившийся замирает
На пройденной ступени.
Зверь приноровлен к склонениям природы,
А человек упорно выгребает
Противу водопада, что несет
Вселенную
Обратно в древний хаос.

Он утверждает Бога мятежом,
Творит неверьем, строит отрицаньем,
Он зодчий,
И его ваяло — смерть,
А глина — вихри собственного духа.

6

Когда-то темный и косматый зверь,
Сойдя с ума, очнулся человеком —
Опаснейшим и злейшим из зверей —
Безумным логикой
И одержимым верой.
Разум
Есть творчество навыворот. И он
Вспять исследил все звенья мирозданья,
Разъял вселенную на вес и на число,
Пророс сознанием до недр природы,
Вник в вещество, впился, как паразит,
В хребет земли неугасимой болью,
К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела,
Запряг в неимоверную работу:
Преобразил весь мир, но не себя
И стал рабом своих же гнусных тварей.

7

Настало время новых мятежей
И катастроф: падений и безумий.
Благоразумным:
«Возвратитесь в стадо»,
Мятежнику:
«Пересоздай себя».

25 января 1923

ОГОНЬ

1

Плоть человека свиток, на котором
Отмечены все даты бытия.

2

Как вехи, оставляя по дороге
Отставших братьев:
Птиц, зверей и рыб,
Путем огня он шел через природу.
Кровь — первый знак земного мятежа,
А знак второй —
Раздутый ветром факел.

3

В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наш пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод —
Живую кровь, струящуюся в жилах.

4

Чудовищные твари размножались
На отмелях.
Взыскательный ваятель
Смывал с лица земли и вновь творил
Обличия и формы,
Человек
Невидим был среди земного стада.
Сползая с полюсов, сплошные льды
Стеснили жизнь, кишевшую в долинах.
Тогда огонь зажженного костра
Оповестил зверей о человеке.

5

Есть два огня: ручной огонь жилища,
Огонь камина, кухни и плиты,
Огонь лампад и жертвоприношений,
Кузнечных горнов, топок и печей,
Огонь сердец — невидимый и темный,
Зажженный в недрах от подземных лав...
И есть огонь поджогов и пожаров,
Степных костров, кочевий, маяков,
Огонь, лизавший ведьм и колдунов,
Огонь вождей, алхимиков, пророков,
Неистовое пламя мятежей,
Неукротимый факел Прометея,
Зажженный им от громовой стрелы.

6

Костер из зверя выжег человека
И сплавил кровью первую семью.

И женщина — блюстительница пепла
Из древней самки выявила лики
Сестры и матери,
Весталки и блудницы.
С тех пор, как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага —
Пещера стала храмом,
Трапеза — таинством,
Огнище — алтарем,
Домашний обиход — богослуженьем.
И человечество питалось
И плодилось
Пред оком грозного
Взыскующего Бога.
А в очаге отстаивались сплавы
Из серебра, из золота, из бронзы:
Гражданский строй, религия, семья.

7

Тысячелетья огненной культуры
Прошли с тех пор, как первый человек
Построил кровлю над гнездом Жар-птицы
И под напевы огненных Ригвед
Праманта — пестик в деревянной лунке,
Вращавшийся на жильной тетиве,
Стал знаком своеволья —
Прометеем,
И человек сознал себя огнем,
Заклепанным в темнице тесной плоти.

25 января 1923. Коктебель

МАГИЯ

1

На отмели Незнаемого моря
Синбад-скиталец подобрал бутылку,
Заклепанную
Соломоновой печатью,
И, вскрыв ее, внезапно впал во власть
В ней замкнутого яростного Джина.
Освободить и разнуздать не трудно
Неведомые дремлющие воли:
Трудней заставить их себе повиноваться.

2

Когда непробужденный человек
Еще сосал от сна благой природы
И радужные грезы застилали
Видения дневного Мира, пахарь
Зажмуривал глаза, чтоб не увидеть
Перебегающего поле фавна,
А на дорогах легче было встретить
Бога, чем человека,
И пастух,
Прислушиваясь к шумам, различал
В дыханьи ветра чей-то вещий голос.

Когда разъятые
Потом сознаньем силы
Ему являлись в подлинных обличьях
И он вступал в борьбу и в договоры
С живыми волями, что раздували
Его очаг, вращали колесо,
Целили плоть, указывали воду,—
Тогда он знал, как можно приневолить
Себе служить Ундин и Саламандр,
И сам в себе старался одолеть
Их слабости и страсти.

3

Но потом,
Когда от довременных снов
Очнулся он к скупому дню, ослеп
От солнечного света и утратил
Дар ясновидения
И начал, как дитя,
Ощупывать и взвешивать природу,
Когда пред ним стихии разложились
На вес и на число — он позабыл,
Что в обезбоженной природе живы
Все те же силы, что овладевают
И волей и страстями человека.

4

А между тем в преображенном мире
Они живут.
И жадные Кобольты
Сплавляют сталь и охраняют руды.
Гнев Саламандр пылает в жарких топках,

В живом луче танцующие Эльфы
Скользят по проволкам
И мчатся в звонких токах;
Бесы пустынь, самумов, ураганов
Ликуют в вихрях взрывов,
Дремлют в минах
И сотрясают моторы машин;
Ундины рек и Никсы водопадов
Работают в турбинах и котлах.

5

Но человек не различает лики,
Когда-то столь знакомые, и мыслит
Себя единственным владыкою стихий:
Не видя, что на рынках и базарах
За призрачностью биржевой игры
Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор;
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

6

Поэтому за каждым новым
Разоблачением природы ждут
Тысячелетья рабства и насилий,
И жизнь нас учит, как слепых щенят,
И тычет носом долго и упорно
В кровавую расползшуюся жижу,
Покамест ненависть врага к врагу
Не сменится взаимным уваженьем,
Равным силе
Когда-то сдвинутой с устоев человеком.

Каждой ступени в области познанья
Ответствует такая же ступень
Самоотказа:
Воля вещества
Должна уравновеситься любовью.
И магия:
Искусство подчинять
Духовной воле косную природу.

7

Но люди неразумны. Потому
Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребленья и машинах.

30 января 1923. Коктебель



КУЛАК

1

Из кулака родилось братство:
Каин первый
Нашел пристойный жест для выраженья
Родственного чувства, предвосхитив
Слова иных времен: враги нам близкие.
«И тот, кто не оставит
Отца и мать, тот не пойдет за мной».
Он понял истину, что первый встречный
Нам больше брат, чем близкие по крови.

2

Он — первый земледелец — ненавидел
Кровь жертвенных животных и принес
Плоды и колос вспаханного поля
В дар Богу,
Жаждавшему испарений крови,
Но был отвергнут его бескровный дар,
И он убил кочевника,
Топтавшего посевы.
«А эта кровь — тебе угодна, Ягве?»
И прочь ушел с пылающим клеймом:
«Отмстится всемеро тому, кто тронет отныне Каина».

3

Порвавши узы кровного родства,
Он понял хмель одиночества
И горький дух свободы.
Строитель городов — построил первый тюрьмы;
Ковач металлов —
Сковал он первый плуг, топор и нож;
Создатель музыки,—
Прислушиваясь к ветру,
Он вырезал свирель
И натянул струну;
Ловец зверей — он на стенах пещеры
Обвел резцом
Виденья разгоряченных снов:
Бизонов, мамонтов, кабанов и оленей.

4

Так стал он предком всех убийц,
Преступников, пророков — зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

5

Кулак — горсть пальцев, пясть руки,
Сжимающая сручье иль оружье,—
Вот сила Каина.

6

В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемета.

Их равенство в предельном напряженьи
Свободных мускулов,
Свобода — в равновесьи
Звериной мощи с силами природы.

7

Когда из пламени народных мятежей
Взвивается кровавый стяг с девизом:
«Свобода, братство, равенство иль смерть»—
Его древко зажато в кулаке
Твоем, первоубийца Каин.

11 марта 1922



МЕЧ

1

Меч создал справедливость.

2

Насильем скованный,
Отточенный для мщенья,—
Он вместе с кровью напитался духом
Святых и праведников,
Им усекновенных.
И стала рукоять его ковчегом
Для их мощей.
(Эфес поднять до губ —
Доныне жест военного салюта).
И в этом меч сподобился кресту —
Позорному столбу, который стал
Священнейшим из символов любви.

3

На справедливой стали проступили
Слова молитв и заповеди долга:
«Марии — Деве милосердной — Слава».
«Не обнажай меня без нужды,

Не вкладывай в ножны без чести».
«In te, o Domine, speravi!»* —
Восклицают средневековые клинки.
Меч сосвященствовал во время
Литургии,
Меч нарекался в таинстве крещенья.
Их имена «Отклер» и «Дюрандаль»
Сверкают, как удар.
И в описях оружья
К иным прибавлено рукой писца:
«Он — фея».

4

Так из грабителя больших дорог
Меч создал рыцаря
И оковал железом
Его лицо и плоть его: а дух
Провел сквозь пламя посвященья,
Запечатляя в зрящем сердце меч,
Пылающий в деснице Серафима:
Символ земной любви,
Карающей и мстящей,
Мир рассекающий на «Да» и «Нет»,
На зло и на добро.
«Si! Si! — No! No!»
Как утверждает Сидов меч «Тисона».

5

Когда же в мир пришли иные силы
И вновь преобразили человека,

---

* На тебя, Боже, уповаю! (*лат.*)

Меч не погиб, но расщепился в дух:
Защитницею чести стала шпага —
(Ланцет для воспаленных самолюбий).
А меч —
Вершителем судебных приговоров.
Но, обесчещенный,
Он для толпы остался
Оракулом
И врачевателем болезней;
И палачи, собравшись, хоронили
В лесах Германии
Усталые мечи,
Которые отсекли
Девяносто девять.

6

Казнь реформировал
Хирург и филантроп,
И меч был вытеснен
Машинным производством,
Введенным в область смерти: и с тех пор
Он стал характером,
Учением, доктриной:
Сен-Жюстом, Робеспьером, гильотиной —
Антиномией Кантова ума.

7

О, правосудие,
Держащее в руках
Весы и меч! Не ты ль его кидало
На чашки мира: «Горе побежденным!»?

Не веривший ли в справедливость
        Приходил
К сознанию, что надо уничтожить
        Для торжества ее
        Сначала всех людей?
Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
        Труп множили на труп,
        Убийство на убийство
        И зло на зло?
Не тот ли, кто принес «Не мир, а меч»,
В нас вдунул огнь, который
Язвит и жжет, и будет жечь наш дух,
        Доколе каждый
Таинственного слова не постигнет:
«Отмщенье Мне и Аз воздам за зло».

1 февраля 1922. Коктебель



ПОРОХ

1

Права гражданские писал кулак,
Меч — право государственное, порох
Их стер и создал воинский устав.

2

На вызов, обращенный не к нему
Со дна реторт преступного монаха,
Порох
Явил свой дымный лик и разметал
Доспехи рыцарей,
Как ржавое железо.

3

«Несчастные, тащите меч на кузню
И на плечо берите аркебузы:
Честь, сила, мужество — бессмысленны.
Теперь
Последний трус стал равен
Храбрейшему из рыцарей» —
— «О, сколь благословенны
Века, не ведавшие пороха,

В сравненьи с нашим временем, когда
Горсть праха и кусок свинца способны
Убить славнейшего...»
Так восклицали
Неистовый Орланд и мудрый Дон-Кихот —
Последние мечи средневековья.

4

Привыкший спать в глубоких равновесьях
Порох
Свил черное гнездо
На дне ружейных дул,
В жерле мортир, в стволах стальных орудий,
Чтоб в ярости случайных пробуждений
В лицо врагу внезапно плюнуть смерть.

5

Стирая в прах постройки человека,
Дробя кирпич, и камень, и металл,
Он вынудил разрозненные толпы
Сомкнуть ряды, собраться для удара,
Он дал ружью — прицел,
Стволу — нарез,
Солдатам — строй,
Героям — дисциплину,
Связал узлами недра темных масс,
Смесил народы,
Сплавил государства,
В теснинах улиц вздыбил баррикады,
Низвергнул знать,
Воздвигнул горожан,
Творя рабов свободного труда
Для равенства мещанских демократий.

6

Он создал армию,
Казарму и солдат,
Всеобщую военную повинность,
Беспрекословность, точность, дисциплину,
Он сбил с героев шлемы и оплечья,
Мундиры, шпаги, знаки, ордена,
Все оперение турниров и парадов
И выкрасил в зелено-бурый цвет
Разъезженных дорог,
Растоптанных полей,
Разверстых улиц, мусора и пепла,
Цвет кала и блевотины, который
Невидимыми делает врагов.

7

Но черный порох в мире был предтечей
Иных еще властительнейших сил:
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся неимоверной ночи,
И видим облики чудовищных теней
Не названных, не мыслимых, которым
Поручено грядущее земли.

28 января 1923. Коктебель



ПАР

1

Пар вился струйкой
Над первым очагом.
Покамест вол тянул соху, а лошадь
Возила тяжести,
Он тщетно дребезжал
Покрышкой котелка, шипел на камне,
Чтоб обратить вниманье человека.

2

Лишь век назад хозяин догадался
Котел, в котором тысячи веков
Варился суп, поставить на колеса,
И, вздев хомут, запрячь его в телегу.
Пар выпер поршень, напружил рычаг,
И паровоз, прерывисто дыша,
С усильем сдвинулся
И потащил по рельсам
Огромный поезд клади и людей.

3

Так начался век пара. Но покорный
Чугунный вол внезапно превратился
В прожорливого Минотавра:
Пар послал
Рабочих в копи — рыть руду и уголь,
В болота — строить насыпи, в пустыни —
Прокладывать дороги:

Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей,
Запачкал небо угольною сажей,
Луч солнца — копотью,
И придушил в туманах
Расплесканное пламя городов.

4

Пар сократил пространство; сузил землю,
Сжал океаны, вытянул пейзаж
В однообразную, раскрашенную
Ленту
Холмов, полей, деревьев и домов,
Бегущих между проволок;
Замкнул
Просторы путнику;
Лишил ступни
Горячей ощупи
Неведомой дороги,
Глаз — радости открытых новых далей,
Ладони — посоха и ноздри — ветра.

5

Дорога, ставшая
Грузоподъемностью,
Пробегом, напряженьем,
Кратчайшим расстояньем между точек,
Ворвалась в город, проломила бреши
И просеки в священных лабиринтах,
Рассекла толщи камня, превратила
Проулок, площадь, улицу — в канавы
Для стока одичалых скоростей,

Вверх на мосты загнала пешеходов,
Прорыла крысьи ходы под рекою
И вздернула подвесные пути.

6

Свист, грохот, лязг, движенье — заглушили
Живую человеческую речь,
Немыслимыми сделали молитву,
Беседу, размышленье; превратили
Царя вселенной в смазчика колес.

7

Адам изваян был
По образу Творца,
Но паровой котел счел непристойной
Божественную наготу
И пересоздал
По своему подобью человека:
Облек его в ливрею, без которой
Тот не имеет права появляться
В святилищах культуры,
Он человеческому торсу придал
Подобие котла,
Украшенного клепками;
На голову надел дымоотвод,
Лоснящийся блестящей сажей;
Ноги
Стесал как два столба,
Просунул руки в трубы,
Одежде запретил все краски, кроме
Оттенков грязи, копоти и дыма,
И, вынув душу, вдунул людям пар.

8 февраля 1922. Коктебель

МАШИНА

1

Как нет изобретателя, который
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
    Тягчайшей нищеты
    И новых видов рабства.

2

Пока рука давила на рычаг,
    А воды
Вращали мельничное колесо —
    Их силы
Не нарушали древних равновесий.
    Но человек
К извечным тайнам подобрал ключи
И выпустил плененных исполинов.

3

Дух, воплощаясь в чреве, строит тело:
Пар, электричество и порох,

Овладевши
Сознаньем и страстями человека,
Себе построил
Железные тела
Согласно
Своей природе: домны и котлы,
Динамо-станции,
Моторы и турбины.

4

Как ученик волшебника, призвавший
Стихийных демонов,
Не мог замкнуть разверстых ими хлябей
И был затоплен с домом и селеньем —
Так человек не в силах удержать
Неистовства машины: рычаги
Сгибают локти, вертятся колеса,
Скользят ремни, пылают недра фабрик,
И, содрогаясь в непрерывной спазме,
Стальные чрева мечут, как икру,
Однообразные ненужные предметы
(Воротнички, автомобили,
Граммофоны) —
Мильонами мильонов,— затопляя
Селенья, области и страны —
Целый мир,
Творя империи,
Захватывая рынки,
И нет возможности
Остановить их ярость,
Ни обуздать разнузданных рабов.

5

Машина — победитель человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углем и принимать помет.
И стали ей тогда необходимы:
Кишащий сгусток мускулов и воль,
Воспитанных в голодной дисциплине,
И жадный хам, продешевивший дух
За радости комфорта и мещанства.

6

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.
Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеваренья мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений — вырожденье, что культура
Увеличение числа потребностей,
Что идеал —
Благополучие и сытость,
Что есть единый мировой желудок
И нет иных богов, кроме него.

7

Осуществленье всех культурных грез:
Гудят стóлбы, звенят антены, токи
Стремят в пространство звуки и слова,
　　Разносит молния
　　Декреты и указы
Полиции, правительства и бирж —
Но ни единой мысли человека
Не проскользнет по чутким проводам.
Ротационные машины мечут
И день и ночь печатные листы,
Газеты вырабатывают правду
Одну для всех на каждый день и час:
Но ни одной строки о человеке —
О древнем замурованном огне.
Течет зерно по трюмам и амбарам,
Порта и рынки ломятся от яств,
Горячей снедью пышут рестораны,
Но ни единой корки для голодных —
Для незанумерованных рабов.
В пучинах вод стальные рыщут рыбы,
Взрывают хляби тяжкие суда,
　　Поют пропеллеры
　　В заоблачных высотах:
Земля и воды, воздух и огонь —
Все ополчилось против человека.
А в городах, где заперты рабы,—
Распахнуты театры и музеи,
　　Клокочут площади,
　　Ораторы в толпу
　　Кидают лозунги
　　О ненависти классов,

О социальном рае, о свободе,
О радостном содружестве племен,
И нищий с оскопленною душою,
С охолощенным мозгом торжествует
Триумф культуры, мысли и труда.

1 марта 1922



БУНТОВЩИК

1

Я голос вопиющего в пустыне
Кишащих множеств, в спазмах городов,
В водоворотах улиц и вокзалов —
В безлюднейшей из всех пустынь земли.

2

Мне сказано: «Ступай на рынки» —
Надо,
Чтоб каждый раб был призван к мятежу.
Но не мечи им истин, а взрывай
Пласты оцепенелых равновесий:
Пусть истина взовьется как огонь
Со дна души, разъятой вихрем взрыва.
Беда тому, кто убедит глупца!
Принявший истину на веру —
Ею слепнет.
Вероучитель гонит пред собой
Лишь стадо изнасилованных правдой:
Насилье истиной
Гнуснее всех убийств:
Кто хочет бунта — сей противоречья,
Кто хочет дать свободу — соблазняй,
Будь поджигателем,
Будь ядом, будь трихиной,
Будь оводом, безумящим стада.

3

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы — мертвецы заклепанных гробов!

Вы — суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы,—
Вы мыслите разрушить динамитом
Все то, что прорастает изнутри —
Из вас самих с неудержимой силой.
Я призываю вас к восстанью против
Законов естества и разума:
К прыжку из человечества —
К последнему безумью —
К пересозданью самого себя.

4

Кто написал на этих стенах кровью:
«Свобода, братство, равенство,
Иль смерть!»
Свободы нет.
Но есть освобожденье,
Среди рабов единственное место
Достойное свободного — тюрьма!
Нет братства в человечестве иного,
Как братство Каина.
Кто связан кровью
Еще тесней, чем жертва и палач?
Нет равенства — есть только равновесье,
Но в равновесьи — противоупор,
И две стены, упавши друг на друга,
Единый образуют свод.
Вы верите, что цель культуры — счастье,
Что благосостоянье — идеал?
Страдание и голод — вот резец,
Которым смерть ваяет человека.
Не в равенстве, не в братстве, не в свободе,
А только в смерти правда мятежа.

5

Закона нет — есть только принужденье.
Все преступленья создает закон.
Преступны те, которым в стаде тесно:
Судить не их, наказывать не вам.
Перед преступником
Виновно государство.
Не пресекайте, но готовьте русла
Избытку сил.
Поймите сущность зла.
Не бойтесь страсти.
Не противьтесь злому
Проникнуть в вас:
Все зло вселенной должно,
Приняв в себя,
Собой преобразить.
А вы построили темницы и запреты:
Суд гасит страсть,
Правительство — мятеж,
Врач гасит жизнь,
Священник гасит совесть,
Довольно вам заповедей на «не»:
Всех «не убий», «не делай», «не укради»,
Единственная заповедь «ГОРИ».
Твой Бог в тебе,
И не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле:
Проверь
Весь внешний мир:
Везде закон, причинность,
Но нет любви:
Ее источник — Ты!
Бог есть любовь,

Любовь же огнь, который
Пожрет вселенную и переплавит плоть.
Прислушайся ко всем явленьям жизни:
Двойной поток:
Цветенье и распад.
Беги не зла, а только угасанья:
И грех и страсть — цветенье, а не зло:
Обеззараженность
Отнюдь не добродетель!

6

Ни преступление, ни творчество, ни труд
Не могут быть оплачены: оплата
Труда бессмысленна: лишь подаянье
Есть мзда, достойная творца.
Как дерево — созревшие плоды
Роняйте на землю
И простирайте ветви
За милостыней света и дождя.
Дано и отдано?
Подарено и взято?
Все погашается возвратом?
Торгаши!
Вы выдумали благодарность, чтобы
Поймать в зародыше
И удушить добро?
Не отдавайте давшему:
Отдайте иному,
Чтоб тот отдал другим:
Тогда даянье, брошенное в море,
Взволнует души, ширясь, как волна.
Вы боретесь за собственность?
Но кто же принадлежит кому?

Владельцу вещь?
Иль вещи помыкают человеком?
То собственность,
Что можно подарить;
Вы отдали: и этим вы богаты,
Но вы рабы всего, что жаль отдать.

7

С собою мы уносим только то,
От обладанья чем мы отказались.
Неужто вы останетесь хранить
Железный храм угрюмых привидений?
Вы были слизью в лоне океана
И унесли его в своей крови,
Вы отреклись от солнечного света,
Чтоб затеплить во тьме пещер огонь.
Распады утомленных равновесий
Истратили на судоргу машин,
В едином миге яростного взрыва
Вы источили вечности огня:
Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя.
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!
Вы — пламя, замурованное в безднах,
Вы — факел, кинутый
В пороховой подвал!
Самовзрыватель, будь же динамитом!
Земля, взорвись вселенским очагом!
Сильней, размах! отжившую планету
Швырните бомбой в звездные миры!

Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадется мерзлая земля?
И в сонмах солнц не вспыхнет новым солнцем —
Косматым сердцем млечного пути?

25 января 1923. Коктебель



ВОЙНА

1

Был долгий мир. Народы были сыты
И лоснились: довольные собой,
Обилием и общим миролюбьем.
Лишь изредка, переглянувшись, все
Кидались на слабейшего; и разом
Его пожравши, пятились, рыча
И челюсти ощеривая набок;
И снова успокаивались.
В мире
Все шло как следует:
Трильон колес
Работал молотами, рычагами,
Ковали сталь,
Сверлили пушки,
Химик
Изготовлял лиддит и мелинит;
Ученые изобретали способ
За способом для истребленья масс;
Политики чертили карты новых
Колониальных рынков и дорог;
Мыслители писали о всеобщем
Ненарушимом мире на земле,

А женщины качались в гибком танго
И обнажали пудренную плоть.
Манометр культуры достигал
До высочайшей точки напряженья.

2

Тогда из бездны внутренних пространств
Раздался голос, возвестивший: «Время
Топтать точило ярости. За то,
Что люди демонам,
Им посланным служить,
Тела построили
И создали престолы,
За то, что гневу
Огня раскрыли волю
В разбеге жерл и в сжатости ядра,
За то, что безразличью
Текущих вод и жаркого тумана
Дали мускул
Бегущих ног и вихри колеса,
За то, что в своевольных
Теченьях воздуха
Сплели гнездо мятежным духам взрыва,
За то, что жадность руд
В рать пауков железных превратили,
Неумолимо ткущих
Сосущие и душащие нити,—
За то освобождаю
Плененных демонов
От клятв покорности,
А хаос, сжатый в вихрях вещества,
От строя музыки!
Даю им власть над миром,

Покамест люди
Не победят их вновь,
В себе самих смирив и поборов
Гнев, жадность, своеволье, безразличье».

3

И видел я: разверзлись двери неба
В созвездьи Льва, и бесы
На землю ринулись...
Сгрудились люди по речным долинам,
Означивши великих царств межи
И вырывши в земле
Ходы, змеиные и мышьи тропы,
Пасли стада прожорливых чудовищ:
Сами
И пастыри и пища.

4

Время как будто опрокинулось
И некрещенным водою потопа
Казался мир: из тины выползали
Огромные коленчатые гады,
Железные кишели пауки,
Змеи глотали молнии,
Драконы извергали
Снопы огня и жалили хвостом,
В морях и реках рыбы
Метали
Икру смертельную,
От ящеров крылатых
Свет застилался, сыпались на землю
Разрывные и огненные яйца,

Тучи насекомых,
Чудовищных строеньем и размером,
В телах людей
Горючие личинки оставляли,—
И эти полчища исчадий,
Получивших
И гнев, и страсть, и злобу от людей,
Снедь человечью жалили, когтили,
Давили, рвали, жгли, жевали, пожирали,
А города подобно жерновам
Без устали вращались и мололи
Зерно отборное
Из первенцев семейств
На пищу демонам.
И тысячи людей
Кидались с вдохновенным исступленьем
И радостью под обода колес.
Все новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин,
И никогда подобной пляски смерти
Не видел исступленный мир!

5

Еще! еще! И все казалось мало...
Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племен, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Питались человечиной,

Детей засаливали впрок,—
Была разруха,
Был голод.
Наконец пришла чума.

6

Безглазые настали времена,
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше,
Но для них
Среди пустынь недоставало места,
Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.
Так кончилась предбредовая схватка,
Но в этой бойне не уразумели,
Не выучились люди ничему.

29 января 1923. Коктебель.



КОСМОС

1

Созвездьями мерцавшее чело,
Над хаосом поднявшись, отразилось
Обратной тенью в безднах нижних вод.
Разверзлись два смеженных ночью глаза
И брызнул свет. Два огненных луча,
Скрестясь в воде, сложились в гексаграмму.
Немотные раздвинулись уста
И поднялось из недр молчанья слово.
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыханья.
Десница подняла материки,
А левая распределила воды,
От чресл размножилась земная тварь,
От жил — растения, от кости — камень,
И двойники — небесный и земной —
Соприкоснулись влажными ступнями.
Господь дохнул на преисподний лик,
И нижний оборотень стал Адамом.
Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос.
Камнями костенел, зверел страстями,

Он видел солнцем, грезил сны луной,
Гудел планетами, дышал ветрами,
И было всё — вверху, как и внизу —
Исполнено высоких соответствий.

2

Вневременье распалось в дождь веков
И просочились тысячи столетий.
Мир конусообразною горой
Покоился на лоне океана.
С высоких башен, сложенных людьми,
Из жирной глины тучных межиречий
Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий.
Кишело небо звездными зверьми
Над храмами с крылатыми быками.
Стремилось солнце огненной стезей
По колеям ристалищ Зодиака.
Хрустальные вращались небеса
И напрягались бронзовые дуги,
И двигались по сложным ободам
Одна в другую вставленные сферы.
И в дельтах рек — Халдейский звездочет
И пастухи Иранских плоскогорий,
Прислушиваясь к музыке миров,
К гуденью сфер и к тонким звездным звонам,
По вещим сочетаниям светил
Определяли судьбы царств и мира.
Все в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

3

Потом замкнулись прорези небес,
Мир стал ареной, залитою солнцем,
Палестрою для Олимпийских игр
Под куполом из черного эфира,
Опертым на Атлантово плечо.

На фоне винно-пурпурного моря
И рыжих охр зазубренной земли
Играя медью мускулов,— атлеты
Крылатым взмахом умащенных тел
Метали в солнце бронзовые диски
Гудящих строф и звонких теорем.

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Все было осязаемо и близко —
Дух мыслил плоть и чувствовал объем.
Мял глину перст и разум мерил землю.

Распоры кипарисовых колонн,
Вощенный кедр закуренных часовен,
Акрополи в звериной пестроте,
Линялый мрамор выкрашенных статуй
И смуглый мрамор липких алтарей,
И ржа и бронза золоченых кровель,
Чернь, киноварь, и сепия, и желчь —
Цвета земли понятны были глазу,
Ослепшему к небесной синеве,
Забывшему алфавиты созвездий.

Когда ж душа гимнастов и борцов
В мир довременной ночи отзывалась
И погружалась в исступленный сон —
Сплетенье рук и напряженье связок
Вязало торсы в стройные узлы
Трагических метопов и эподов
Эсхиловых и Фидиевых строф.

Мир отвечал размерам человека,
И человек был мерой всех вещей.

4

Сгустилась ночь. Могильники земли
Извергли кости праотца Адама
И Каина. В разрыве облаков
Был виден холм и три креста — Голгофа.
Последняя надежда бытия.

Земля была недвижным темным шаром.
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд и Первосилы,
И все включал пресветлый Эмпирей.
Из-под Голгофы внутрь земли воронкой
Вел Дантов путь к сосредоточью зла.
Бог был окружностью, а центром Дьявол,
Распяленный в глубинах вещества.

Неистовыми взлетами порталов
Прочь от земли стремился человек.
По ступеням империй и соборов,
Небесных сфер и адовых кругов
Шли кольчатые звенья иерархий
И громоздились Библии камней —

Отображенья десяти столетий:
Циклоны веры, шквалы ересей,
Смерчи народов — гунны и монголы,
Набаты, интердикты и костры,
Сто сорок пап и шестьдесят династий,
Сто императоров, семьсот царей.
И сквозь мираж расплавленных оконниц
На золотой геральдике щитов —
Труба Суда и черный луч Голгофы
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъязвленной плоти.

5

Был литургийно строен и прекрасен
Средневековый мир. Но Галилей
Сорвал его, зажал в кулак и землю
Взвил кубарем по вихревой петле
Вокруг безмерно выросшего солнца.
Мир распахнулся в центильоны раз.
Соотношенья дико изменились,
Разверзлись бездны звездных Галактей
И только Богу не хватило места.
Пытливый дух апостола Фомы
Воскресшему сказавший:— «Не поверю,
Покамест пальцы в раны не вложу»,—
Разворотил тысячелетья веры.

Он очевидность выверил числом,
Он цвет и звук проверил осязаньем,
Он взвесил свет, измерил бег луча,
Он перенес все догмы богословья
На ипостаси сил и вещества.

Материя явилась бесконечной,
Единосущной в разных естествах,
Стал Промысел — всемирным тяготеньем.
Стал вечен атом, вездесущ эфир:
Всепроницаемый, всетвердый, скользкий —
«Его ж никто не видел и нигде».

Исчисленный Лапласом и Ньютоном
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол — механизмом,
Себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохраненья
Материи и Силы.
Человек,
Голодный далью чисел и пространства,
Был пьян безверьем — злейшею из вер,
А вкруг него металось и кишело
Охваченное спазмой вещество.
Творец и раб сведенных корчей тварей,
Им выявленных логикой числа
Из косности материи, он мыслил
Вселенную как чёрный негатив:
Небытие, лоснящееся светом,
И сущности, окутанные тьмой.
Таким бы точно осознала мир
Сама себя постигшая машина.

6

Но неуемный разум разложил
И этот мир, построенный наощупь
Вникающим и мерящим перстом.

Все относительно: и бред, и знанье.
Срок жизни истин: двадцать — тридцать лет,
Предельный возраст водовозной клячи.
Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысла тяготенья,
Ни масс планет, ни формы их орбит,
На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера».

Нет вещества — есть круговерти силы;
Нет твердости — есть натяженье струй;
Нет атома — есть поле напряженья
(Вихрь малых «не» вокруг большого «да»);
Нет плотности, нет веса, нет размера —
Есть функции различных скоростей.
Все существует разницей давлений,
Температур, потенциалов, масс;
Струи времен текут неравномерно;
Пространство — лишь разнообразье форм.
Есть не одна, а много математик;
Мы существуем в Космосе, где все
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота —
Лишь формы разложенья и распада;
Сам человек — могильный паразит,—
Бактерия всемирного гниенья.
Вселенная — не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть — только случай
Посереди необратимых струй,
Бессмертья нет, материя конечна,
Число миров исчерпано давно.

Все тридцать пять мильонов солнц возникли
В единый миг и сгинут все зараз.
Все бытие случайно и мгновенно.
Явленья жизни — беглый эпизод
Между двумя безмерностями смерти.
Сознанье — вспышка молнии в ночи,
Черта аэролита в атмосфере,
Пролет сквозь пламя вздутого костра
Случайной птицы, вырванной из бури
И вновь нырнувшей в снежную метель.

7

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй,—
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнанья.
Системы мира — слепки древних душ,
Зеркальный бред взаимоотражений
Двух противопоставленных глубин.
Нет выхода из лабиринта знанья,
И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.
Будь дерзким зодчим вавилонских башен
Ты, заклинатель сфинксов и химер.

Коктебель. 12 июня 1923



ТАНОБ

1

От Иоанна Лествичника чтенье:
«Я посетил взыскуемый Таноб
И видел сих невинных осужденцев.
Никем не мучимы себя же мучат сами.
Томясь, томят томящего их дух.
Со связанными за спиной руками
Стоят всю ночь, не подгибая ног,
Одолеваемые сном, качаясь,
Себе ж покоя не дая на миг.
Иные же себе томяще зноем,
Иные холодом, иные ковш
Воды пригубив, отвергают, только б
Не умереть от жажды, хлеб иные
Отведав, прочь бросают, говоря,
Что жившие по-скотски недостойны
Вкушать от пищи человеческой,
Иные как о мертвецах рыдают
О душах собственных, иные слезы
Удерживают, а когда не могут
Терпеть — кричат. Иные головами
Поникшими мотают, точно львы
Рыкающе и воя протяженно.
Иные молят Бога покарать
Проказою, безумьем, беснованьем,
Лишь бы не быть на муки осужденным
На вечные. И ничего не слышно
Опричь: «Увы! Увы!» и «Горе! Горе!»
Да тусклые и впалые глаза,
Лишенные ресниц глазничных веки,
Зеленые покойницкие лица,

Хрипящие от напряженья перси,
Кровавые мокроты от биенья
В грудь кулаком, сухие языки,
Висящие из воспаленных уст,
Как у собак. Все темно, грязно, смрадно».

2

Горючим ядом было христианство.
Ужаленная им душа металась
В неистовстве и корчах: совлекая
Отравленный хитон Геракла — плоть.
Живая глина обжигалась в жгучем
Вникающем и плавящем огне.
Душа в борьбе и муках извергала
Отстоенную радость бытия
И полноту языческого мира.
Был так велик небесной кары страх,
Что муки всех прижизненных застенков
Казались предпочтительны. Костры
Пылали вдохновенно, очищая
От одержимости и ересей
Заблудшие, метущиеся души.
Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний.
Но был хитер и ловок Сатана:
Природа мстила, тело издевалось,
Могучая заклепанная хоть
Искала выходы. В глухом подполье
Монах гноил бунтующую плоть
И мастурбировал, молясь Мадонне.
Монахини, в экстазе отдаваясь
Грядущему в полночи жениху,

В последней спазме не могли различить
Иисусов лик от лика Сатаны.
Весь мир казался трупом, Солнце — печью
Для грешников, Спаситель — палачом.

3

Водитель душ измученную душу
Брал за руку и разверзал пред ней
Зияющую емкость преисподней
Во всю ее длину и глубину.
И грешник видел пламя океана
Багрового и черного, а в нем
В струях огня и в огневертях мрака
Бесчисленные души осужденных,
Как руны рыб в провалах жгучих бездн.
Он чувствовал невыносимый смрад,
Дух замирал от серного удушья
Под шквалами кощунств и богохульств;
От зноя на лице дымилась кожа,
Он сам себе казался гнойником;
Слюна и рвота подступали к горлу.
Он видел стены медного Кремля,
А посреди на рдяно-сизом троне
Из сталактитов пламени — Царя
С чудовищным, оцепенелым ликом
Литого золота. Вкруг сонмы сонм
Отпадших ангелов и человечий
Мир, отданный в управу Сатане:
Нет выхода, нет меры, нет спасенья!
Таков был мир: посередине — Дьявол —
Дух разложенья, воля вещества,
Князь времени, Владыка зе́мной плоти —

И Бог, пришедший яко тать в ночи —
Поруганный, исхлестанный, распятый.

В последней безысходности пред ним
Развертывалось новое виденье:
Святые пажити, маслины и сады
И лилии убогой Галилеи...
Крылатый вестник девичьих светлиц
И девушка с божественным младенцем.
В тщете земной единственной надеждой
Был образ Богоматери: она
Сама была материей и плотью,
Еще неопороченной грехом,
Сияющей первичным светом, тварью,
Взнесенной выше ангелов, землей,
Рождающей и девственной, обетом,
Что такова в грядущем станет персть,
Когда преодолеет разложенье
Греха и смерти в недрах бытия.
И к ней тянулись упованья мира,
Как океаны тянутся к луне.

4

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фрауенбургского собора
Смиреннейший Коперник. Галилей
Неистовый и зоркий вышиб двери,
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,
А Ньютон — Дантов Космос, как чулок
Распялив, выворотил наизнанку.

Все то, что раньше было Сатаной,
Грехом, распадом, косностью и плотью,
Все вещество в его ночных корнях,
Извилинах, наростах и уклонах —
Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке,
Теперь реальным стало только то,
Что можно было взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.
И новая вселенная возникла
Под пальцами апостола Фомы.
Он сам ощупал звезды, взвесил землю,
Распялил луч в трехгранности стекла,
Сквозь трещины распластанного спектра
Туманностей исследовал состав,
Хвостов комет и бег миров в пространстве,
Он малый атом ногтем расщепил
И стрелы солнца взвесил на ладони.
В два-три столетья был преображен
Весь старый мир: разрушен и отстроен.
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мирозданья,
Хрустальный свод расколот на куски
И небеса проветрены от Бога.

5

Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастьем,
Читал в мозгу со скальпелем в руке,
На реактивы пробовал дыханье,

Старухам в пах вшивал звериный пол.
Отрубленные пальцы в термостатах,
В растворах вырезанные сердца
Пульсировали собственною жизнью,
Разъятый труп кусками рос и цвел.
Природа, одурелая от пыток,
Под микроскопом выдала свои
От века сокровеннейшие тайны:
Механику обрядов бытия.
С таким же исступлением, как раньше,
В себе стремился выжечь человек
Все то, что было плотью, так теперь
Отвсюду вытравлял заразу духа,
Охолощал не тело, а мечту,
Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывал запреты и табу
На все, что не сводилось к механизму:
На откровенье, таинство, экстаз...
Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мирозданья
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

6

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла,
Истаяла под ощупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества,
Подточенного тлею Энтропии;
От выверенных Кантовых часов,

Секундами отсчитывавших время —
Метель случайных вихрей в пустоте,
Простой распад усталых равновесий.
Мир стер зубцы Лапласовых колес,
Заржавели Ньютоновы пружины,
Эвклидов Куб — наглядный и простой —
Оборотился Римановой сферой:
Вчера Фома из самого себя
Ступнею мерил радиус вселенной
И пядями окружность. А теперь
Сам выпяченный на поверхность шара,
Не мог проникнуть лотом в глубину:—
Отвес, скользя, чертил меридианы.
Так он постиг, что тяготенье тел
Есть внутренняя кривизна пространства,
И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани:—
Библейский змий поймал себя за хвост.

7

Строители коралловых атолов
На дне времен, среди безмерных вод —
В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем — мы сами свой Таноб.
Мир познанный есть искаженье мира,
И человек недаром осужден
В святилищах устраивать застенки,
Идеи обжигать на кирпичи,
Из вечных истин строить казематы
И вновь взрывать кристаллы и пласты
И догматы отстоенной культуры:—
Познание должно окостенеть,

Чтоб дать жерло и направленье взрыву.
История проникнута до дна
Колоидальной спазмой аскетизма,
Сжимающею взрывы мятежей.
Свободы нет, но есть освобожденье!
Наш дух — междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дна времен, как пламя.

16 мая 1926 г. Коктебель



ГОСУДАРСТВО

1

Из совокупности
Избытков, скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Все строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных,
На силе.
Его мораль — здоровый эгоизм.
Цель бытия — процесс пищеваренья.
Мерило же культуры — чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови.
Судья, как выполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство — наименьшее,
Тягчайшее же — воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заране укрощен.
Смысл воспитанья —
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый Комитет
Компрачикосов,
Искусных в производстве
Обеззараженных
Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретенья.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальцев

На антропометрическом листке:
Расписка в преступленьи.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чтоб удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники — одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного —
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и преступленью.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.
Политика есть дело грязное —
Ей надо
Людей практических,
Не брезгающих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев

Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности
И вкусы и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый сделавший укол с утра
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды:
Может спорить,
Шуметь в собраньях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак,—
Из патентованных наркотиков
Газета
Есть самый сильно действующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.

Во время революций
Они меняются местами,
                    В чем
По существу нет разницы.
                    Но каждый,
Дорвавшийся до власти, сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
                    Активом террора
                    Покрыть пассив убийц.
                    Так революция,
                    Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
                    При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гаротты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
                    Вот достижения
                    И гений революций!

13 апреля 1922. Коктебель



ЛЕВИАФАН

> Множество, соединенное в одном лице, именуется Государством — Civitas. Таково происхождение Левиафана, или, говоря почтительнее,— этого Смертного Бога.
>
> *Гоббс. «Левиафан»*

1

Восставшему в гордыне дерзновенной,
Лишенному владений и сынов,
Простертому на стогнах городов
На гноище поруганной вселенной,—

Мне — Иову сказал Господь:
«Смотри:
Вот царь зверей — всех тварей завершенье,—
Левиафан!
Тебе разверзну зренье,
Чтоб видел ты как вне, так и внутри
Частей его согласное строенье
И славил правду мудрости моей».

2

И вот, как материк, из бездны пенной,
Взмыв Океан, поднялся Зверь зверей —
Чудовищный, огромный, многочленный...
В звериных недрах глаз мой различал
Тяжелых жерновов круговращенье,
Вихрь лопастей, мерцание зерцал,
И беглый огнь и молний излученье.

3

«Он в день седьмой был мною сотворен,—
Сказал Господь,—
Все жизни отправленья
В нем дивно согласованы.
Лишен
Сознанья — он весь пищеваренье.
И человечество издревле включено
В сплетенье жил на древе кровеносном
Его хребта и движет в нем оно
Великий жернов сердца.
Тусклым, косным
Его ты видишь.
Рдяною рекой
Струится, свет мерцающий в огромных
Чувствилищах.
А глубже — в безднах темных
Зияет голод вечною тоской.
Чтоб в этих недрах, медленных и злобных,
Любовь и мысль таинственно воззвать,
Я сотворю существ, ему подобных,
И дам им власть друг друга пожирать».

4

И видел я, как бездна Океана
Извергла в мир голодных спрутов рать:
Вскипела хлябь и сделалась багряна.
Я ж день рожденья начал проклинать.

5

Я говорил:
«Зачем меня сознаньем
Ты в этой тьме кромешной озарил,
И дух живой вдохнув в меня дыханьем,
Дозволил стать рабом бездушных сил,
Быть слизью жил, бродилом соков чревных
В кишках чудовища?»

6

В раскатах гневных
Из бури отвечал Господь:
Кто ты,
Чтоб весить мир весами суеты
И смысл хулить моих предначертаний?
Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
Не станут ли чистейшим из сияний,
Когда любовь растопит мир земной?
Сих косных тел алкание и злоба
Лишь первый шаг к пожарищам любви...
Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
Как я тебя — так ты взыскуешь землю.
Сгорая — жги!
Замкнутый в гроб — живи!
Таким Мой мир приемлешь ты?

7

— «Приемлю...»

Декабрь 1915, 1924

СУД

1

Праху — прах. Я стал давно землей:
Мною
Цвели растенья, мной светило солнце.
Все, что было плотью,
Развеялось, как радужная пыль —
Живая, безымянная.
И океан времен
Катил прибой столетий.

2

Вдруг
Призыв Архангела,
Насквозь сверкающий
Кругами медных звуков,
Потряс вселенную;
И вспомнил себя
Я каждою частицей,
Рассеянною в мире.

3

В трубном вихре плотью
Истлевшие цвели в могилах кости.

В земных утробах
Зашевелилась жизнь.
И травы вяли,
Сохли деревья,
Лучи темнели, холодело солнце.

4

Настало
Великое молчанье.
В шафранном
И тусклом сумраке земля лежала
Разверстым кладбищем.
Как бурные нарывы,
Могильники вздувались, расседались,
Обнажая
Побеги бледной плоти: пясти
Ростками тонких пальцев
Тянулись из земли,
Ладони розовели,
Стебли рук и ног
С усильем прорастали,
Вставали торсы, мускулы вздувались
И быстро подымалась
Живая нива плоти,
Волнуясь и шурша.

5

Когда же темным клубнем
В комках земли и спутанных волос
Раскрылась голова
И мертвые разверзлись очи — небо
Разодралось, как занавес,

Иссякло время,
Пространство сморщилось
И перестало быть.

6

И каждый
Внутри себя увидел солнце
В зверином круге...

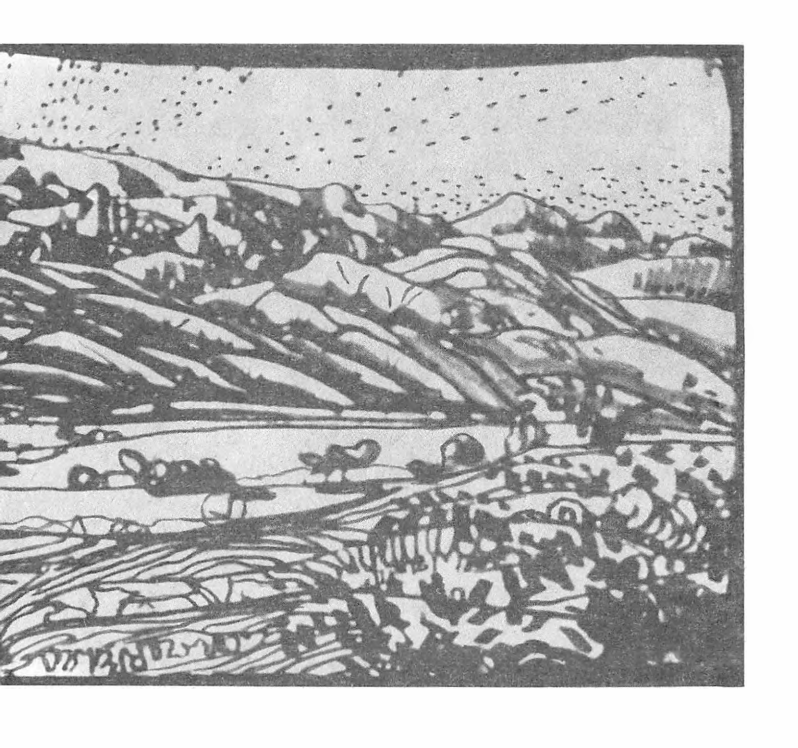
7

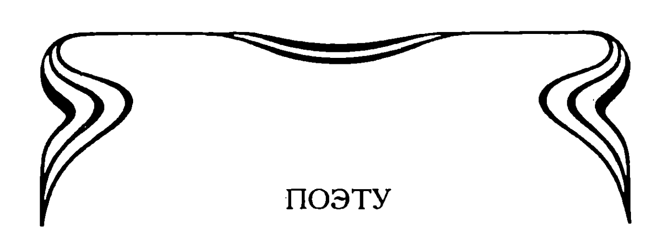
.......И сам себя судил.

Февраль 1915. Париж









ПОЭТУ

1

Горн свой раздуй на горе, в пустынном месте, над морем
Человеческих множеств, чтоб голос стихии широко
Душу крылил и качал, междометья людей заглушая.

2

Остерегайся друзей, ученичества, шума и славы.
Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.
Только противник в борьбе может быть истинным другом.

3

Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мертвых,— живым они намогильный камень.

4

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.
Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.
Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств!

5

Если тебя невзначай современники встретят успехом,
Знай, что из них никто твоей не осмыслил правды:
Правду оплатят тебе клеветой, ругательством, камнем.

6

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,
В дни, когда спазмы любви выворачивают народы,
В дни, когда пулемет вещает о сущности братства —

7

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.
В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

1925

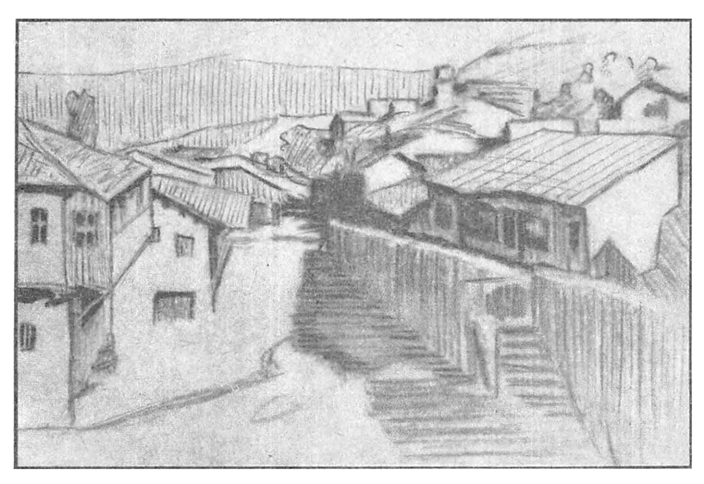




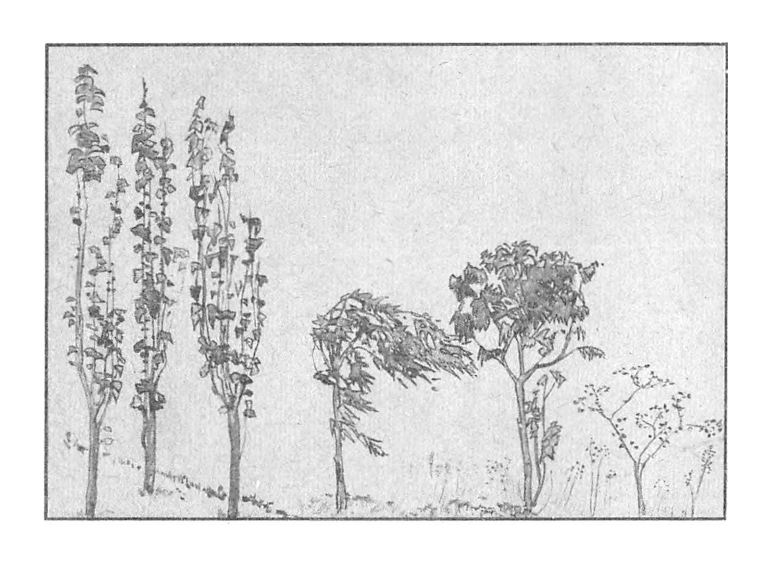
ДОМ ПОЭТА

Дверь отперта. Переступи порог.
Мой дом раскрыт навстречу всех дорог.
В прохладных кельях, беленных известкой,
Вздыхает ветр, живет глухой раскат
Волны, взмывающей на берег плоский,
Полынный дух и жесткий треск цикад.

А за окном расплавленное море
Горит парчой в лазоревом просторе.
Окрестные холмы вызорены
Колючим солнцем. Серебро полыни
На шиферных окалинах пустыни
Торчит вихром косматой седины.
Земля могил, молитв и медитаций —

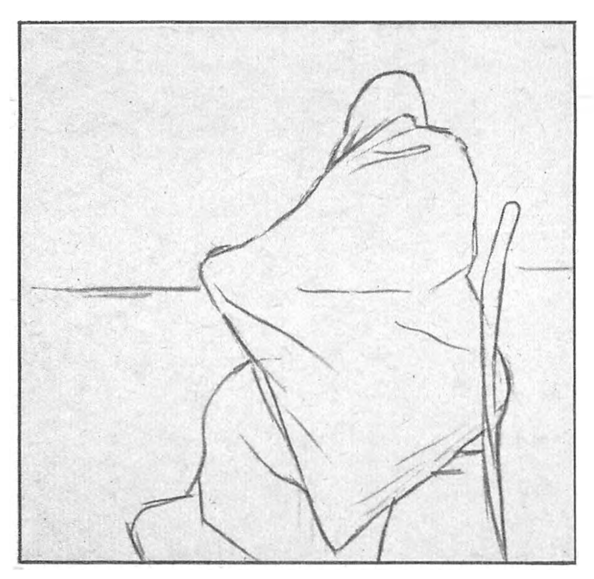


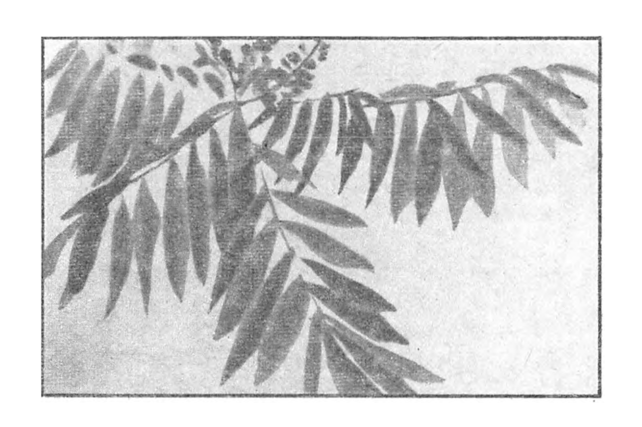
Она у моря вырастила мне
Скупой посев айлантов и акаций
В ограде тамарисков. В глубине
За их листвой, разодранной ветрами,
Скалистых гор зубчатый окоем
Замкнул залив Алкеевым стихом,
Асимметрично-строгими строфами.
Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан,
И побережьям этих скудных стран
Великий пафос лирики завещан
С первоначальных дней, когда вулкан
Метал огонь из недр глубинных трещин
И дымный факел в небе потрясал.
Вон там — за профилем прибрежных скал,
Запечатлевшим некое подобье
(Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье),—
Как рухнувший готический собор,



Торчащий непокорными зубцами,
Как сказочный базальтовый костер,
Широко вздувший каменное пламя,
Из сизой мглы, над морем вдалеке
Встает стена... Но сказ о Карадаге
Не выцветить ни кистью на бумаге,
Не высловить на скудном языке.
Я много видел. Дивам мирозданья
Картинами и словом отдал дань...
Но грудь узка для этого дыханья,
Для этих слов тесна моя гортань.
Заклепаны клокочущие пасти.
В остывших недрах мрак и тишина.
Но спазмами и судорогой страсти
Здесь вся земля от века сведена.

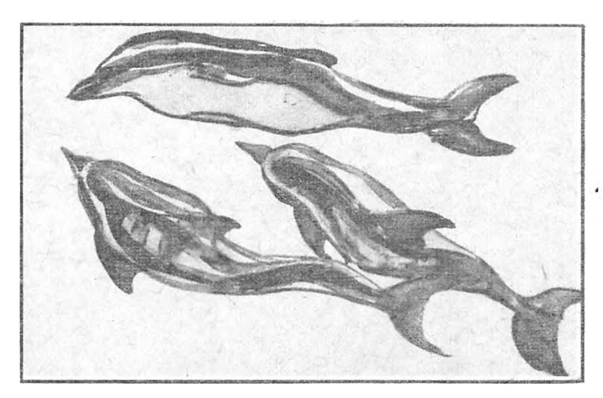
И та же страсть, и тот же мрачный гений
В борьбе племен и смене поколений.
Доселе грезят берега мои
Смоленые ахейские ладьи,
И мертвых кличет голос Одиссея,
И киммерийская глухая мгла
На всех путях и долах залегла,
Провалами беспамятства чернея.
Наносы рек на сажень глубины
Насыщены камнями, черепками,
Могильниками, пеплом, костяками.
В одно русло дождями сметены





И грубые обжиги неолита,
И скорлупа милетских тонких ваз,
И позвонки каких-то пришлых рас,
Чей облик стерт, а имя позабыто.
Сарматский меч и скифская стрела,
Ольвийский герб, слезница из стекла,
Татарский глет зеленовато-бусый
Соседствуют с венецианской бусой.
А в кладке стен кордонного поста
Среди булыжников оцепенели
Узорная турецкая плита
И угол византийской капители.
Каких последов в этой почве нет
Для археолога и нумизмата —
От римских блях и эллинских монет
До пуговицы русского солдата!..
Здесь, в этих складках моря и земли
Людских культур не просыхала плесень —

Простор столетий был для жизни тесен,
Покамест мы — Россия — не пришли.
За полтораста лет — с Екатерины —
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли,
По скатам выкорчеваны сады.
Народ ушел, источники иссякли.
Нет в море рыб, в фонтанах нет воды.
Но скорбный лик оцепенелой маски
Идет к холмам Гомеровой страны,
И патетически обнажены
Ее хребты, и мускулы, и связки.
Но тени тех, кого здесь звал Улисс,
Опять вином и кровью напились



В недавние трагические годы.
Усобица, и голод, и война,
Крестя мечом и пламенем народы,
Весь древний Ужас подняла со дна.
В те дни мой дом — слепой и запустелый —
Хранил права убежища, как храм,
И растворялся только беглецам,
Скрывавшимся от петли и расстрела.
И красный вождь, и белый офицер —
Фанатики непримиримых вер —
Искали здесь, под кровлею поэта,
Убежища, защиты и совета.
Я ж делал все, чтоб братьям помешать
Себя губить, друг друга истреблять,
И сам читал — в одном столбце с другими —
В кровавых списках собственное имя.
Но в эти дни доносов и тревог
Счастливый жребий дом мой не оставил:
Ни власть не отняла, ни враг не сжег,
Не предал друг, грабитель не ограбил.
Утихла буря. Догорел пожар.
Я принял жизнь и этот дом, как дар
Нечаянный, мне вверенный судьбою,
Как знак, что я усыновлен землею.
Всей грудью к морю, прямо на восток
Обращена, как церковь, мастерская,
И снова человеческий поток
Сквозь дверь ее течет, не иссякая.

Войди, мой гость, стряхни житейский прах
И плесень дум у моего порога...
Со дна веков тебя приветит строго
Огромный лик царицы Таиах.

Мой кров — убог. И времена — суровы.
Но полки книг возносятся стеной.
Тут по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы.
И здесь их голос, властный, как орган,
Глухую речь и самый тихий шепот
Не заглушит ни южный ураган,
Ни грохот волн, ни Понта мрачный ропот.
Мои ж уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имели честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я не изгой, а пасынок России
И в эти дни — немой ее укор.
Я сам избрал пустынный сей затвор
Землею добровольного изгнанья,
Чтоб в годы лжи, падений и разрух
В уединеньи выплавить свой дух
И выстрадать великое познанье.
Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все — Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но небо и земля — извечно те же.
Поэтому живи текущим днем.
Благослови свой синий окоем.
Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля.

Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

19—25 декабря 1926. Коктебель



АДЕЛАИДА ГЕРЦЫК

Лгать не могла... но правды никогда
Из уст ее не приходилось слышать —
Захватанной, публичной, тусклой правды,
Которой одурманен человек.
В ее речах суровая основа
Житейской поскони преображалась
В священную мерцающую ткань —
Покров Изиды. Под ее ногами
Цвели, как луг, побегами мистерий
Паркеты зал и камни мостовых:
Действительность бесследно истлевала
Под пальцами рассеянной руки.
Ей грамота мешала с детства чтенью
И обедняла щедрый смысл письмян.
А физики напрасные законы
Лишали чуда таинства Игры.
Своих стихов прерывистые строки,
Свистящие, как шелест древних трав,
Она шептала с вещим напряженьем,
Как заговор от сглазу и огня.
Слепая — здесь, физически глухая,—
Юродивая, старица, дитя —
Смиренно шла сквозь все обряды жизни:

Хозяйство, брак, детей и нищету.
События житейских повечерий —
(Черед родин, болезней и смертей)
В ее душе отображались снами —
Сигналами иного бытия.
Когда ж вся жизнь ощерилась годами
Расстрелов, голода, усобиц и вражды,
Она, с доверьем протянувши руки,
Пошла за ней на рынок и в тюрьму.
И, нищенствуя долу, литургию
На небе слышала и поняла,
Что хлеб воистину есть Плоть Христова,
Что кровь и скорбь — воистину Вино,
И смерть пришла, но смерти не узнала:
Вдруг растворилась в сумраке долин,
В молчании полынных плоскогорий,
В седых камнях сугдейской старины.

10 февраля 1929



ВЛАДИМИРСКАЯ БОГОМАТЕРЬ

Не на троне — на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею,—
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею —
Нет ни сил, ни слов на языке...
А Она в тревоге и в печали
Через зыбь грядущего глядит
В мировые рдеющие дали,
Где закат пожарами повит.
И такое скорбное волненье
В чистых девичьих чертах, что Лик
В пламени молитвы каждый миг
Как живой меняет выраженье.
Кто разверз озера этих глаз?
Не святой Лука-иконописец,
Как поведал древний летописец,
Не печерский темный богомаз:
В раскаленных горнах Византии,
В злые дни гонения икон
Лик Ее из огненной стихии
Был в земные краски воплощен.
Но из всех высоких откровений
Явленных искусством — он один
Уцелел в костре самосожжений
Посреди обломков и руин.
От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век,—
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междуусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесенный,

В тьме веков указывал нам след
И в темнице — выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканьи литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим лицом.
Не погром ли ведая Батыев,
Степь в огне и разоренье сел —
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великокняжий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и в глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.
А когда Хромец-Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал,
И на Русь дороги заступил?
От лесов, пустынь и побережий
Все к Тебе за Русь молиться шли:
Стража богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь в Успенском — в сердце стен Кремлевых,
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!
Простирались старцы и черницы,
Дымные сияли алтари,
Ниц лежали кроткие царицы,
Преклонялись хмурые цари...
Черной смертью и кровавой битвой
Девичья святилась пелена,
Что осмивековою молитвой
Всей Руси в веках озарена.

Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из своих поруганных святынь.
А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик,—
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик.
Светлый Лик Премудрости-Софии,
Заскорузлый в скаредной Москве,
А в грядущем — Лик самой России —
Вопреки наветам и молве.
Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль, и не цветут цветы:
В мире нет слепительнее чуда
Откровенья вечной Красоты!

Посыл — А. И. Анисимову:
Верный страж и ревностный блюститель
Матушки Владимирской,—тебе —
Два ключа: златой в Ее обитель,
Ржавый — к нашей горестной судьбе.

25 марта 1929. Коктебель



ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения, написанные до 1918 г. включительно, печатаются по текстам, представленным в прижизненных сборниках Максимилиана Волошина: «Стихотворения. 1900—1910» (М.: Гриф, 1910), «Anno mundi ardentis 1915» (М.: Зерна, 1916), «Демоны глухонемые» (Харьков: Камена, 1919). Стихотворения этого периода, не включенные в названные сборники, печатаются по книге Волошина «Иверни (Избранные стихотворения)» (М.: Творчество, 1918). Стихотворения 1918 г., не вошедшие в указанные издания, и стихотворения 1919—1929 гг. печатаются с проверкой по рукописям и авторизованным машинописным спискам, хранящимся в архиве Волошина в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ, ф. 562); из многочисленных авторских вариантов текста предпочтение в большинстве случаев отдавалось тем, которые зафиксированы в авторском машинописном сборнике (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141); по свидетельству М. С. Волошиной, по этому сборнику Волошин обычно читал свои произведения гостям в Коктебеле. При подготовке текста и примечаний использованы посмертные комментированные издания стихотворного наследия Волошина: Стихотворения/Сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Евстигнеевой. Л.: Сов. писатель, 1977; (Б-ка поэта. Малая серия) Стихотворения и поэмы: В 2 т./Общ. ред. Б. А. Филиппова,

Г. П. Струве и Н. А. Струве, при участии А. Н. Тюрина. Paris: YMCA-Press, 1982—1984.

В 1920-е гг. Волошин подготовил собрание своих стихотворений в четырех книгах: кн. 1 — «Годы странствий» (Стихотворения. 1900—1910), кн. 2 — «Selva oscura», кн. 3 — «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции», кн. 4 — «Путями Каина. Трагедия материальной культуры». Поскольку настоящее издание является сборником *избранных* стихотворений и ограничено по объему, сохранить в нем состав и композицию этих разделов не представлялось возможным. Тексты располагаются в хронологической последовательности, сохранены лишь стихотворные циклы, являющие собой целостную и неделимую художественную структуру («Руанский собор», «Киммерийские сумерки» и др.).

Выражаю глубокую признательность В. П. Купченко за сообщение ценных сведений, использованных в примечаниях.

С. 27. **В вагоне.** Стих. было написано, как сообщает Волошин А. М. Петровой 14 сентября 1901 г., «ночью в вагоне между Парижем и Тулузой под такт стуку поезда» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 92), по дороге из Парижа в Испанию. Е. С. Кругликова (одна из спутниц Волошина в этом путешествии) вспоминает: «...наш общий дневник остался в Париже и пропал <...> В нем мы должны были ежедневно по очереди вписывать или врисовывать впечатления дня путешествия. Макс начал его в первую же ночь стихотворением «В вагоне». Мы вместе слушали, как «...стучит это ти-та-та — та-та-та, ти-та-та» (Максимилиан Волошин — художник: Сб. материалов. М., 1976, с. 101). «В вагоне» — первое стихотворение Волошина, принесшее ему известность в русской литературной среде. Ср. воспоминания Андрея Белого о встречах с Волошиным в Москве в феврале 1903 г.: «Его просили читать; он, читая, описывал, как он несется в вагоне — сквозь страны, года и рои воспоминаний и мнений; а стук колес — в уши бьет: «ти-та-та, ти-та-та». Мы удивлялись ритмическому перебою их: то «ти-та»,

то «ти-та-та» <...>» (Белый А. Начало века. М.; Л., 1933, с. 228).

С. 32. **Кастаньеты.** В первой публикации (Новый путь, 1903, № 8) озаглавлено: «Вальдемоза». *Кругликова* Елизавета Сергеевна (1865—1941) — художница, в 1900-е гг. постоянно жившая в Париже, близкая приятельница Волошина и его спутница по путешествию (июнь — июль 1901 г.) в Испанию и на Балеарские острова. *Mallorca* (Майорка) — обширнейший из Балеарских островов (в Средиземном море, к востоку от Валенсии), *Valdemosa* (Вальдемоза) — деревня на Майорке, где Волошин видел танцы испанских крестьян. 8 июля 1901 г. Волошин писал матери об испанских танцах: «Я никогда не предполагал, чтобы в них могло быть столько же увлекательности, чувства и настроения, как в хорошей музыке. Если Вы сможете себе представить, как человек поет всем телом, то Вы себе представите, что такое испанский танец. <...> Только на Мальорке я и видел настоящие народные танцы». 24 июня 1901 г. он же описывал А. М. Петровой танцы в Вальдемозе: «...звенит и рвется гитара, стучат кастаньеты... Этот резкий, сухой стук похож и на это жгучее солнце, и на стук кузнечиков в траве» (цит. по: Куприянов И. Т. Судьба поэта: Личность и поэзия Максимилиана Волошина. Киев, 1978, с. 66).

С. 34. **Париж.** Впервые Волошин побывал в Париже осенью 1899 г., жил там постоянно с апреля 1901 по январь 1903 г., с декабря 1903 до лета 1906 г., с мая 1908 по январь 1909 г., с сентября 1911 по январь 1912 г. и с января 1915 до апреля 1916 г. 29 ноября 1901 г. Волошин писал А. М. Пешковскому: «Я все глубже и глубже привыкаю к Парижу <...> когда я снова из Испании ступил на мостовую Парижа, то меня охватило такое чувство «родины», какого я никогда не испытывал при возвращениях в Россию. Да в конце концов разве же «Париж», именно Париж, а не Франция, разве он не был и не есть для меня, да и для всего родившегося и выросшего

под заревом освободительных социальных и литературных идей европейских 40-х годов, гораздо более близким истинным духовным отцом?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 99).

С. 34. **I. С Монмартра.** *Монмартр* — высокий холм в северной части Парижа, район артистической богемы.

С. 35. **II. Дождь.** В начале марта (н. ст.) 1904 г. Волошин писал М. В. Сабашниковой из Парижа: «Когда я распахнул окно, ворвалась струя влажного грозового воздуха. Над высотами Монмартра текли и клубились серые грозовые тучи. Sacre Coeur была сизой, а потом вдруг потекла и исчезла. Среди опустелого кружева Тюильри мраморные статуи, как белые завязи весенних цветов. Дальше желто-пустынные громады домов. И тут вдруг хлынули, закрутились и понеслись серые, ласковые, влажные феи дождя. Я так люблю парижский дождь. Всегда такой внезапный, такой неожиданный. У меня давно вертятся отдельные строфы, но я их никак не могу закончить». Далее в письме — текст настоящего стихотворения с правкой и зачеркнутой строфой, после чего Волошин добавляет: «Я начал Вам говорить начало и неожиданно нашел конец. Похоже это на дождь?» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106). *Морды чудовищ* — скульптуры на верхней площадке собора Парижской Богоматери (Нотр-Дам, XII—XIII вв.): химеры, олицетворяющие человеческие пороки.

С. 39. **V. «Огненных линий аккорд...»** *Place la Concorde* — Конкорд (площадь Согласия), центральный архитектурный ансамбль Парижа (XVIII в.). *Обелиск* — стоящая в центре площади Конкорд монолитная гранитная колонна (высотой 24 метра), привезенная из Луксорского дворца египетского фараона Рамсеса II (XIII в. до н. э.).

С. 40. **VI. «Закат сиял улыбкой алой...»** *Мэдон* — город в департаменте Сены и Уазы (близ Парижа).

С. 41. **VII. «В серо-сиреневом вечере...»** *Иванова* Анна Николаевна (1877—1939) — двоюродная сестра М. В. Сабашниковой, первой жены Волошина. *«Вечеря»* — фреска Леонардо

да Винчи «Тайная вечеря» (1495—1497) на стене трапезной миланского монастыря Санта Мариа делле Грацие. Волошин осмотрел ее во время пребывания в Милане 1 июля 1900 г., записав тогда же: «Все в ней стройно и соответственно, как в математической выкладке» («записная книжка № 26»). Высылая стих. в начале июля 1905 г. в письме к М. В. Сабашниковой, Волошин сообщил, что одновременно читает книгу А. Л. Волынского «Леонардо да Винчи» (СПб., 1899): «Там есть прекрасные места и страницы» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107). *Булонский лес* — парк в западной части Парижа. Заглавие стих. в рукописи — «В Булонском лесу» («Булонский лес»).

С. 42. **VIII. «На старых каштанах сияют листы...»** *...строй геральдических лилий* — лилии в гербах французских королей.

С. 43. **IX. «В молочных сумерках за сизой пеленой...»** *Трианон* — Большой (1670—1672) и Малый (1762—1764) Трианон, королевские дворцы в Версале.

С. 44. **X. «Парижа я люблю осенний, строгий плен...»** *Большое Колесо* — перекидные качели на гигантском колесе, аттракцион Всемирной выставки в Париже, сооруженный в 1900 г. *Башня-великанша* — Эйфелева башня, построенная на Марсовом поле у Сены в 1887—1889 гг. ко дню Всемирной выставки.

С. 45. **XI. «Перепутал карты я пасьянса...»** *Герцык* (Лубны-Герцык, в замужестве Жуковская) Аделаида Казимировна (1874—1925) — поэтесса, критик. Волошин познакомился с ней зимой 1906/07 г. в Петербурге, начиная с лета 1907 г. часто бывал у нее на даче в Судаке. *Иль-де-Франс* — наследственная область французских королей с Парижем в центре. *Рыцари Грааля* — герои средневековых легенд, братство рыцарей, охраняющих Грааль, священную чашу тайной вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа. *Монсальват* (Мунсальвеш) — замок, где хранится Грааль. Наиболее известная обработка этого сюжета — музы-

кальная драма Р. Вагнера «Парсифаль» (1882), восходящая главным образом к средневековому роману XIII в. «Парцифаль» Вольфрама фон Эшенбаха. *Меганом* — мыс на юго-восточном берегу Крыма, между Судаком и Коктебелем; окрестности его представляют собой голые, пустынные равнины.

С. 46. **Портрет.** На автографе — пояснение Волошина: «К портрету Мар<гариты> Вас<ильевны>», то есть художницы М. В. Сабашниковой (1882—1973), с которой Волошин познакомился в феврале 1903 г. и которая, после трех лет их духовно напряженного общения и интенсивной переписки, стала его женой (12 апреля 1906 г.); однако уже в 1907 г. этот брак разладился. Сабашниковой посвящен раздел «Amori amara sacrum» в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910», объединивший стихи, в большинстве своем к ней обращенные или навеянные ее образом.

С. 47. **«По ночам, когда в тумане...»** Сокращенный вариант 4-го стих. цикла «Когда время останавливается». В книге Волошина «Иверни» выделено как самостоятельное стихотворение. В книге «Стихотворения. 1900—1910» стих. напечатано с посвящением Валерию Брюсову. Автограф стихотворения Волошин выслал Брюсову из Коктебеля 1 ноября 1903 г. с припиской: «Позвольте мне в память наших весенних разговоров посвятить Вам это стихотворение, первые строфы которого я читал Вам еще в Москве» (ГБЛ, ф. 386, картон 80, ед. хр. 33).

С. 48. **«Я ждал страданья столько лет...»** Написано на пути из Москвы (откуда Волошин выехал 27 ноября 1903 г.) в Париж; навеяно образом М. В. Сабашниковой.

С. 49. **«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...»** *Редон* Одилон (1840—1916) — французский художник. Волошин познакомился с ним в начале 1904 г. (письма Редона к Волошину опубликованы П. Р. Заборовым в кн.: Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986, с. 349—351); будучи глубоко увлеченным его творчеством, стал первым в России пропагандистом искусства Редона; см. статью Волоши-

на «Одилон Рэдон» (Волошин М. Лики творчества. Л., 1988, с. 235—237, 653—655). Волошину принадлежал офорт Редона с изображением ангела (ныне хранится в Доме-музее Волошина в Коктебеле).

С. 50. **Письмо.** Отправлено 5 июля (н. ст.) 1904 г. М. В. Сабашниковой как стихотворное послание из Парижа (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106, л. 22—27 об.). Рукописный текст имеет многочисленные варианты; между 7-й и 8-й строфами опубликованного текста — еще одна строфа:

Я буду помнить жизнь вне рамок.
Поездки в лес на целый день.
Фонтенебло. И парк и замок.
Скамью. Фонтан. Каштанов тень.
Потом в лесу три старых пушки.
Ущелья. Вечер у опушки
На диком склоне у сосны.
Леса, как море... Диск луны.
Дорога в белом лунном свете.
Внизу сквозь кружево ветвей
Миганье радужных огней.
Я помню их, прогулки эти —
Я четко помню каждый день:
St. Cloud, Мэдон, Венсенн, Сюреннь.

Следом за стихотворным посланием Волошин писал Сабашниковой: «Я в непрерывном ожидании ответа на мое письмо. Меня беспокоит — а вдруг оно не дошло, вдруг Вы его не получили. Мне хочется продолжать эту поэму, но сейчас рифмы иссякли и ключи потеряны. Мне необходим звук голоса, чтобы я мог продолжать. <...> Мне сейчас не хочется писать Вам, потому что, вкусив сладость писать письма стихами, скучно писать их прозой. <...> У меня столько новых стихов шевелятся и ждут только одного звука голоса, чтобы выйти наружу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 106). В стихотворении отразились воспоминания о встречах с Сабашниковой в Париже в марте — июне 1904 г. Сабашникова на «Письмо» Волошина ответила также стихотворным посланием (8 июля ст. ст. 1904 г.), которое приводим в извлечениях:

Мне вспоминаются игрушки
Японские (люблю Восток!):
В стакан с водой бросают стружки,
И вот из них растет цветок.
Так строки Вашего посланья
Горят огнем воспоминанья,
Коснувшися души моей,
И тайно расцветают в ней.
В нем наши дни живут сохранно,
Как бы в ковчеге золотом,
Но здесь мне кажутся лишь сном.
Необычайны, дики, странны,
Они похожи на сирен,
Из вод глубоких взятых в плен.

Нам было радостно в Париже
О дальной родине мечтать.
Она милей, она там ближе... <...>

Глаза невольно закрываю
И вижу милый Montparnasse.
В музеях мысленно гуляя,
Встречаю очень часто Вас
И вижу средь эстамп японских
Младенческий и ясный взор...
Наш вечный слышу разговор,
Как меж подружек пансионских,
Серьезный, важный и живой.
И для других людей смешной...
Шептали там века нам сказки.
Как дети, им внимали мы.
Нас волновали мира сны,
Светяся в линиях и красках,
И жизни спутанный узор
Во мгле угадывал наш взор. <...>

После стихотворного текста Сабашникова приписала: «Ну вот! Теперь могу разговеться прозой. Прочтите и уничтожьте. А то мне будет очень стыдно. Это очень плохо. Но ведь я «только год поэт». От вашей поэмы я в восторге, особенно хороша готика и примитивы. Я так рада, что она написана, что она

есть у меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1058). Следующее стихотворное послание Волошина — «Второе письмо» — было отправлено Сабашниковой 29 июня 1905 г., вошло в книгу «Стихотворения. 1900—1910». *Как стих «Онегина» прозрачен...* — «Письмо» написано «онегинской» строфой. *Ритурнель* (фр. ritournelle — повтор, припев) — трехстишная строфа в итальянской народной поэзии, с рифмующимися 1-м и 3-м стихами. *Таиах* — см. примеч. к стих. «Таиах». Ср. запись Волошина от 6 июня 1904 г., обращенную к Сабашниковой: «Королева Таиах... Она похожа на Вас. Я подходил близко, и, когда лицо мое приблизилось, мне показалось, что губы ее шевелятся. Я ощутил губами холодный мрамор и глубокое потрясение. Сходство громадно» (цит. по: Купченко В. Муза меняет имя? — Сов. музей, 1985, № 3, с. 42). *Китеж* — см. примеч. к стих. «Китеж». *Тюильри* — сад в центре Парижа, между площадью Конкорд и Лувром. *Halle* (фр.) — рынок (центральный рынок в Париже). *Грез* Жан Батист (1725—1805), *Ватто* Антуан (1684—1721), *Буше* Франсуа (1703—1770), *Шарден* Жан-Батист Симеон (1699—1779), *Коро* Камиль (1796—1875), *Милле* Жан-Франсуа (1814—1875), *Делакруа* Эжен (1798—1863) — крупнейшие французские живописцы, экспонируемые в Лувре. *Saint-Germaine l'Auxerroy* — церковь Сен-Жермен л'Оксерруа (основана в VII в., перестроена в XIII и XV вв.) — памятник искусства поздней (так называемой «пламенеющей») готики. *Vitraux* (фр.) — большие церковные окна, витражи. *Tête Inconnue* (фр.) — голова неизвестной. Имеется в виду работа итальянского мастера Франческо Лаураны (ок. 1430—1502), хранящаяся в Лувре (слепок с нее, сделанный по заказу Волошина, имеется в его Доме-музее в Коктебеле). *Джоконда* — картина Леонардо да Винчи, экспонируемая в Лувре. *Фуке* Жан (1420— ок. 1480) — французский живописец. «Портреты Жана Фуке раскрывают нам историю страстей XV века», — писал Волошин в статье «Константин Богаевский» (Волошин М. Лики

творчества, с. 312). *Рэдон* — см. примеч. к стих. «Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...». *«Но где же цель?» — Здесь цели нет...* — Волошин описывает одну из литографий третьей серии «Искушение святого Антония» (1896) О. Рэдона, иллюстрацию к одноименной драме Г. Флобера (подпись под литографией — цитата из драмы: «Антоний: Где же цель? — Дьявол: Нет цели»); об этой же литографии он говорит в статье «Одилон Рэдон» (1904) (см.: Волошин М. Лики творчества, с. 236). *Роден* Огюст (1840—1917) — великий французский скульптор.

С. 60. **Таиах.** *Таиах* (Тайа, Тэйа) — супруга древнеегипетского фараона Аменхотепа III (XV в. до н. э.). Оригинал древнеегипетской скульптуры, считавшейся в начале века ее изображением, хранится в Гизехском музее в Каире; копию скульптуры Волошин впервые увидел в парижском музее Гимэ летом 1904 г., гипсовый слепок с нее он приобрел в начале февраля 1905 г. в Берлинском королевском музее на пути в Париж. Ныне слепок хранится в Доме-музее Волошина в Коктебеле.

С. 63. **Предвестия.** Отклик на события Кровавого воскресенья (9 января 1905 г.); Волошин утром этого дня приехал из Москвы в Петербург и наблюдал расстрелы манифестаций. Накануне дня создания стихотворения Волошин записал (19 июня 1905 г.), что вел с А. Р. Минцловой «разговоры о мистических предвестиях Великой Революции» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 441, л. 46); ср. отклик Волошина на события революции 1905 г. в письме к М. В. Сабашниковой того же времени: «Мятеж черноморского флота меня захватил. До этого я все говорил себе — это только предвестия того, что будет. Теперь что-то упало в сердце и сказало: началось. Я думаю, что пролог кончен и это начало первого акта» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107). *Немезида* (греч. миф.) — богиня мести. *...сбылись Мартовские Иды...* — Подразумевается убийство Гая Юлия Цезаря 15 марта 44 г. до н. э., в день праздника

мартовских Ид. *Священный занавес в скинии* (походный храм древних евреев) делил внутреннее пространство на две части — «святилище» и «святая святых», доступную лишь священникам. *Бронзовый Гигант* — Петр I, увековеченный в монументе — Медном Всаднике. *Нам солнце гневное явило лик втройне.*— В статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге», опубликованной на французском языке (La semaine sanglante à Saint Pétersbourg.— L'Européen Sourrier, 1905, № 167, 11 févr.), Волошин писал, что 9 января в петербургском небе были видны три солнечных диска. *Пентаграмма* — пятиугольник, магический знак; в древности — символ тайны или совершенства.

С. 64. **«В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»** В письме к М. В. Сабашниковой озаглавлено: «Resignation» — то есть покорность судьбе, безропотность.

С. 66. **Зеркало.** Высылая стих. в июле 1905 г. М. В. Сабашниковой, Волошин писал, что образ зеркала навеян ее словами: «Как странно приходят и возвращаются прежние слова. Для меня так неожиданно, что эти слова, сказанные Вами в St. Cloud, теперь вдруг раскрылись и вплелись в стихотворение, точно они долго ждали этого момента» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107). 29 сентября 1905 г. Волошин писал ей же: «Я сказал себе весной: я зеркало... И я стал зеркалом трепещущим, вечно отражающим и ничего не задерживающим» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 109).

С. 67. **В мастерской.** Послано в виде письма М. В. Сабашниковой 11 октября 1905 г. В стихотворении описывается новая мастерская Волошина (бульвар Эдгар Кинэ, 16), в которой он обосновался в начале октября. *Таиах* — см. примеч. к стих. «Таиах». Ср. письмо Волошина к А. М. Ремизову (Париж, 12 июля 1908 г.): «У меня мастерская светлая, большая. В углу Царевна Таиах стоит, ткани индусские и все мои книги <...>» (ГПБ, ф. 634, ед. хр. 81).

С. 70. **Голова madame de Lamballe.** Мария-Тереза Луиза

де Савой-Кариньян, княгиня де Ламбаль (1749—1792), близкая подруга французской королевы Марии-Антуанетты, 4 сентября 1792 г. стала жертвой стихийного народного восстания, в ходе которого погибли многие арестованные Коммуной представители аристократии и духовенства. Сведения об этом событии Волошин почерпнул из многотомной «Истории Французской революции» (1847—1853) Жюля Мишле. 27 сентября 1905 г. Волошин писал М. В. Сабашниковой: «Я теперь все читаю его <Мишле> «Историю Революции». Я не могу ни на чем другом сосредоточиться... Как это великолепно написано... В первый раз Революция так развертывается передо мной... Вчера я читал, как отрубленную голову маркизы де Ламбалль принесли к куаферу — он завил ее, напудрил и ее после понесли на пике к окну Марии-Антуанетты...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 109). Текст стихотворения Волошин приводит в недатированном письме к Сабашниковой, добавляя: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покою. И мне оно кажется хорошо в своем ужасе» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 111). *Тирс* — жезл, обвитый плющом и виноградом, принадлежность греческого бога Диониса и его спутников. *Тампль* — замок с башней, служивший во время революции тюрьмой для Людовика XVI и его семьи.

С. 72. **Ангел Мщенья.** Стих. завершает статью Волошина «Пророки и мстители. Предвестия Великой Революции», напечатанную впервые в журн. «Перевал» (1906, ноябрь, № 2). Сообщая текст стихотворения в недатированном письме к М. В. Сабашниковой, Волошин писал: «...мне очень хочется, чтобы эти слова прочли многие. Только боюсь, что все увидят в этом не надвигающийся ужас, а призыв к анархии — такое впечатление это произвело на Бальмонта» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 110). *«Знаки Рыб»* — «средневековый символ тайного отмщения» (примеч. Волошина в публикации стих. в «Красном знамени», 1906, № 1).

С. 74. **«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»** *Богдановщина* — подмосковное имение Сабашниковых (ст. Издешково Московско-Брестской ж. д.). Волошин провел там около десяти дней в середине сентября 1906 г.

С. 75. **Солнце.** *Леман* Борис Алексеевич (псевдоним — Б. Дикс; 1880—1945) — поэт, критик, деятель Антропософского общества; автор одной из первых статей о творчестве Волошина (см.: Книга о русских поэтах последнего десятилетия. СПб.; М., [1909], с. 367—370).

С. 76. **Руанский собор.** В цикле отразились впечатления Волошина от Руанского собора — шедевра зрелой французской готики XIII в., который он осматривал 24 июля 1905 г. вместе с А. Р. *Минцловой* (ок. 1860—1910?), переводчицей и теософкой, оказывавшей в это время сильное воздействие на его духовное самоопределение. В журнальной публикации «Руанского собора» (Перевал, 1907, № 8-9, с. 4) между 3-м и 4-м стихотворениями цикла был помещен прозаический фрагмент, озаглавленный «Крестный путь»:

«Семь ступеней крестного пути соответствуют семи ступеням христианского посвящения, символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов.

Мистический крестный путь начинается омовением ног — прикосновением к полу храма, ибо пол храма — это вода. Поэтому в мозаиках, украшающих пол древних соборов, часто изображались сивиллы, сидящие над водой, или олени, пьющие из ключа.

Вторая ступень — бичевание. Это ощущение острой физической боли, сердца Богоматерей, пронзенные семью мечами скорбей.

Третья — алый свет — ощущение текущей крови — терновый венец. Четвертая — стигматы — знаки пригвождения на руках. Пятая ступень — это смерть на кресте. «Мировая душа распята на кресте мирового тела». Распятие — это символ божества, воплощающегося в материи. Символически сам че-

ловек с распростертыми руками являет крест. («Облеченный в крест тела своего»).

Смерть — это экстаз, момент высшего восторга жизни.

Шестая ступень — погребение, причащение земле. Плоть, себя сознавшая, глаголящая и видящая, возвращается к темной и страдающей праматери.

Седьмая ступень — воскресение из мертвых».

С. 76. I. **Ночь.** Ср. письмо Волошина к М. В. Сабашниковой (Руан, утро 25 июля 1905 г.): «Что-то совершилось... Я никогда не испытывал такой радости, силы и уверенности... <...> Ночью... Не было земли — были только уступы, арки, пилястры, тонкие дуги, кружевные стрелки, которые, как музыка, плавным и властным порывом уносились в темное звездное небо. Они были все осыпаны, все сияли звездной пылью. Неподвижно расширяясь, подымаясь без движения. Точно у этих каменных глыб были птичьи крылья...» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108).

С. 78. II. **Лиловые лучи.** Ср. письмо Волошина к М. В. Сабашниковой (вечер 24 июля 1905 г.): «Мы были в одном соборе, где каменные колонны были пронизаны фиолетовым светом. <...> Я слышал, как А. Р. <Минцлова> шептала: «Если долго смотреть в этот фиолетовый свет, то увидишь все, все». И там, где фиолетовый переходил в розово-золотистый,— я видел, я знал, я чувствовал вашу душу. И я помню, что я целовал фиолетовый сияющий камень и когда я наклонялся, то видел тень своей головы золотисто-зеленую, влажную, утопающую в лиловых лучах. И потом я смотрел наверх, где сияла фиолетовая роза среди мрака храма и фиолетовые лучи лились мне прямо в глаза, они одевали всю внутренность кружевного собора фиолетовой сияющей пылью, и я молился фиолетовому лучу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108).

С. 79. III. **Вечерние стекла.** *Кана* Галилейская — место, где совершилось первое чудо Иисуса Христа — претворение

воды в вино на брачном пиршестве (Евангелие от Иоанна, II, 1—11).

С. 80. **IV. Стигматы.** *Стигматы* — раны на теле Христа, следы распятия. *Пилястры* — четырехугольные колонны, одной стороной вдающиеся в стену.

С. 81. **V. Смерть.** Ср. письмо Волошина к М. В. Сабашниковой от 26 июля 1905 г.: «...мы всходили на башню Руанского собора... Мы висели в воздухе — совсем над бездной. Бездна была со всех сторон ничем не закрытая и в ступенях были звездчатые пролеты и сквозь них под ногами на неизмеримой глубине внизу был виден готический городок. Это было во вторник 25 июля около полудня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108). *Лития* — род краткого богослужения.

С. 82. **VI. Погребенье.** *Крипты* — сводчатые помещения под храмами, предназначенные для погребения.

С. 83. **VII. Воскресенье.** *И стоит собор — первопричастница...* — Ср. письмо Волошина к М. В. Сабашниковой от 24 июля 1905 г.: «...снаружи весь собор светлый и пышный был похож на тринадцатилетнюю первопричастницу, которая, осторожно подобрав кисеи, кружева и ленты своего белого облака, ступает кончиками ног по черным плитам запыленного временем города» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 108).

С. 84. **Киммерийские сумерки.** В статье «Константин Богаевский» Волошин пояснял: «*Киммерией* я называю восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от *Тавриды*, западной его части <...>» (Волошин М. Лики творчества, с. 314). Ср. письмо Волошина к А. М. Петровой из Парижа (сентябрь 1908 г.): «...надо «домой», на родную землю. И эта земля для меня не Россия, а лишь «Киммерии печальная область». Чувствую, что лишь там могу «умереть и принести плод» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 94). *Богаевский* Константин Федорович (1872—1943) — художник, живший в Феодосии, друг Волошина. Рисунками Богаевского иллюстри-

рована книга Волошина «Стихотворения. 1900—1910». Статьи Волошина, посвященные творчеству Богаевского, были напечатаны в журналах «Золотое руно» (1907, № 10) и «Аполлон» (1912, № 6), статья «К. Ф. Богаевский — художник Киммерии» — в каталоге «Константин Федорович Богаевский» (Казань, 1927). Волошин писал, что Богаевский «действительно является сознанием древней и скорбной Киммерии» (В о л о ш и н М. Лики творчества, с. 688).

С. 84. **I. Полынь.** В рукописи стих. было озаглавлено «Звезда Полынь» (такое же заглавие Волошин предполагал дать готовившемуся в 1907 г. и не вышедшему в свет сборнику своих стихотворений) — по связи с апокалипсическим образом («Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» — Откр., VIII, 11) и с одноименной картиной Богаевского (1907). Ср. отзыв Богаевского в письме к Волошину от 14 января 1907 г.: «Ваши стихи — «К Солнцу» и «Полынь» — это то, что мне всего роднее в природе, самое прекрасное и значительное, что я подметил в ней» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 267).

С. 85. **II. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...».** О настроениях, отразившихся в этом стихотворении, Волошин писал из Коктебеля 2 апреля 1907 г. жене: «Я начинаю действительно только теперь приобщаться Коктебелю. Коктебель для меня никогда не был радостен. Он всегда был горек и печален. Каждый раз, когда я приезжал сюда, мне бывало тяжело и будущее было непроницаемо. Но каждый раз в этой горечи рождались новые ростки и новая жизнь, все перекипало, оседало, прояснялось в жизнь. Он моя горькая купель. За это я люблю его. Да. Тут человек может только сам в себе рождаться и бороться» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 112). *Орарь* — принадлежность облачения дьякона (длинная лента, перекинутая через плечо).

С. 87. **IV. «Старинным золотом и желчью напитал...»**

В стих. изображен Карадаг (см. примеч. к стих. «Карадаг»).

С. 88. V. **«Здесь был священный лес. Божественный гонец...»** *Божественный гонец* — Гермес (греч. миф.), вестник богов; известны его изображения с крылышками на ногах.

С. 89. VI. **«Равнина вод колышется широко...»** *Стань лилией долины...* — «Лилия долин» — образ из библейской Книги Песни песней Соломона (II, 1).

С. 90. VII. **«Над зыбкой рябью вод встает из глубины...»** *Гекзаметр* — шестистопный дактиль в античном стихосложении.

С. 91. VIII. **Mare Internum.** *Mare Internum* (лат.) — Средиземное море. *Тавриз* (Тебриз) — город в Персии. *Кадикс* (Кадис) — город в Испании на берегу Атлантического океана; согласно легенде Геракл около Кадиса совершил свой десятый подвиг — воздвиг один из Геракловых столпов, создав пролив из Средиземного моря в океан. *Стикс* (греч. миф.) — река в царстве мертвых. *Оникс* — очковый агат, разновидность халцедона с правильными светлыми и темными слоями. *Взводень* — большая разводная волна, морское волнение.

С. 93. IX. **Гроза.** *Эпиграф* — искаженная цитата из «Слова о полку Игореве» (в оригинале: «збися Дивъ, кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню <...>»). *Тутнуть* — стучать, шуметь, гудеть. В «Слове о полку Игореве»: «земля тутнетъ». *Див* в «Слове о полку Игореве» не получил общепризнанного толкования; по всей вероятности, некое враждебное русским мифическое существо. *Ардавда* (Ардабда) — таврское или аланское название Феодосии. *Корсунь* — греческая колония Херсонес в Крыму (близ современного Севастополя). *Поморье* — побережье Азовского и Черного морей. *Посурожье* — область в Крыму вокруг Сурожа (Судака). *...весть Стрибожью...* — Стрибог — один из древнерусских богов, судя по «Слову о полку Игореве» — бог ветров («Се вѣтри, Стрибожи внуци»). *Птиц стоном убуди и вста звериный вой.* —

В «Слове»: «нощь стонущи ему грозою птичь убуди, свистъ звѣринъ въста». *Яр* — крутизна, круча, обрыв. *Яруг* — овраг, буерак; в «Слове»: «влъци грозу въсрожатъ по яругамъ». *Обида* — образ из «Слова»: «Въстала обида <...> вступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону».

С. 95. **XI. Облака.** *Эринии* (греч. миф.) — богини мести. *Ассуры* (а́суры) — в ведийской и индуистской мифологии класс небесных персонажей (боги и высшие демоны), обладающие колдовской силой майя.

С. 96. **XII. Сехмет.** Сонет построен на заданных рифмах. 1 мая 1909 г. Е. И. Дмитриева писала Волошину: «Вяч. Ив<анов> рассказал, что можно написать сонет и другой должен ответить, повторяя рифмы, но по возможности избегая в одной и той же катр<ене> одинаковых слов. <...> Гумилев прислал мне сонет, и я ответила; посылаю на Ваш суд. Пришлите и Вы мне сонет». К письму прилагались рукописи сонетов Н. С. Гумилева («Тебе бродить по солнечным лугам...») и Дмитриевой («Закрыли путь к нескошенным лугам...»). По получении сонета «Сехмет» Дмитриева писала Волошину: «Ваш сонет «о гиэне» лучший из трех» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 318). *Сехмет* — в египетской мифологии богиня войны и палящего солнца; изображалась в виде женщины с головой львицы. *Луда* (арх.) — ослепительный блеск. *Персть* — пыль, прах.

С. 98. **XIV. Одиссей в Киммерии.** Подразумевается эпизод из путешествий Одиссея: «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков» («Одиссея», XI, 13—15; пер. В. А. Жуковского). 18 августа 1907 г. Волошин писал Вяч. Иванову о восточном Крыме (Киммерии) как о «той земле, где подобает жить поэтам, где есть настоящее солнце, настоящая нагая земля и настоящее одиссеево море» (ГБЛ, ф. 109). *Зиновьева-Аннибал* Л. Д. (1866—1907) —

писательница, жена Вяч. Иванова. Стих. датировано днем ее кончины. *Океан* (греч. миф.) — обтекающая земной диск река, за которой находится потусторонний мир. *Персефона* (греч. миф.) — дочь Зевса и Деметры, супруга Аида, богиня царства мертвых.

С. 100. **«Возлюби просторы мгновенья...»** *Бальмонт* Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева; 1867—1950) — переводчица, жена К. Д. Бальмонта, тетка М. В. Сабашниковой; оставила воспоминания о Волошине (ЦГАЛИ, ф. 57, оп. 1, ед. хр. 131, оп. 2, ед. хр. 11).

С. 103. **«К этим гулким морским берегам...»** *Дмитриева* Елизавета Ивановна (в замужестве Васильева; 1887—1928) — поэтесса (псевдоним — Черубина де Габриак); познакомилась с Волошиным в марте 1908 г., в последующие годы состояла с ним в отношениях глубокой духовной близости.

С. 104. **Она.** *Она* — один из женских образов, соотносимых с «подругой вечной» в поэме Вл. Соловьева «Три свидания» (1898). *От Гималайских ступеней...* — С сентября 1900 по февраль 1901 г. Волошин жил в Ташкенте и странствовал по Средней Азии. *Микенская Афродита* — статуя богини любви и красоты Афродиты (греч. миф.), найденная при раскопках древнегреческого города Микены. *Таиах* — см. примеч. к стих. «Таиах». *Мона Лиза* — «Джоконда» Леонардо да Винчи. *Севилья* — испанский город, в котором Волошин побывал в июле 1901 г.

С. 106. **Дэлос.** *Дэлос* — остров в Эгейском море; по преданию, родина олимпийского бога Аполлона (Феба) — стрелометателя, губителя, прорицателя, блюстителя гармонии космической и человеческой, водителя муз и покровителя певцов и музыкантов. Стих. написано, в числе других «аполлонических» стихотворений, для первого номера петербургского журнала «Аполлон», начатого изданием осенью 1909 г., где и было впервые опубликовано. «Все эти стихотворения,— сообщал Волошин летом 1909 г. С. К. Маковскому,— я писал <...>

лишь стараясь постичь подлинный характер эллинского Аполлона» (ГПБ, ф. 124, ед. хр. 975). *Маковский* Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, художественный критик, редактор журнала «Аполлон». *Горгоны* (греч. миф.) — три сестры (Сфено, Эвриала, Медуза), чудовища со змеями вместо волос и со взором, превращающим все живое в камень. *Сирос, Парос, Мирто, Наксос, Микон* — острова в Эгейском море. *Вождь мгновений* — Аполлон. В августе 1909 г. Волошин писал И. Ф. Анненскому: «...мне пришла в голову <...> связь одного из наименее определимых ликов Аполлона — вождя времени с парками, которые тоже так странно повторяют идею прошлого, настоящего и будущего» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 251). Об Аполлоне как боге времени Волошин написал философско-лирическую статью «Horomedon» (Золотое руно, 1909, № 11—12). *Мойры* (греч. миф.) — богини судьбы. *Циклады* (Киклады) — группа островов в Эгейском море. *Цинт* (Кинт, Кинф) — гора на Дэлосе, у подножия которой находится храм Аполлона.

С. 108. **«Ты живешь в молчаньи темных комнат...»** В автографе озаглавлено: «Черубине де Габриак»; обращено к этой вымышленной поэтессе — ревностной католичке, бывшей плодом воображения Волошина и Е. И. Дмитриевой; см. статью Волошина «Гороскоп Черубины де Габриак» (В о л о ш и н М. Лики творчества, с. 515—520, 755—760). *Бензой* — росный ладан, курительная смола, добываемая из коры бензойного дерева. *Нард* — благовонное вещество, добываемое из корневища одноименного растения. *Содома* (Джованни Антонио Бацци; 1477—1549) — итальянский живописец сиенской школы. *Леонардо* — Леонардо да Винчи (1452—1519).

С. 112. **Венеция.** Первоначально печаталось (Новый путь, 1903, № 8; Стихотворения. 1900—1910) в виде последней строфы (в другой редакции). Волошин был в Венеции в сентябре 1899 г. и в июне 1902 г. *Орканья* (Андреа ди Чоне, ум. в 1368 г.) — флорентинский живописец, скульптор, архи-

тектор; Волошин мог видеть его фрески в церквах Санта Кроче и Санта Мариа Новелла во Флоренции летом 1900 г. *Веронез* — Веронезе (Кальяри) Паоло (1528—1588), венецианский живописец; его картина «Брак в Кане» (1563) экспонируется в Лувре. *Тинторетто* (Якопо Робусти; 1518—1594), *Тициан* Вечеллио (1476/77—1576) — венецианские живописцы.

С. 113. **«Отроком строгим бродил я...»** *Орион* (греч. миф.) — великан; потеряв зрение, пришел к месту восхода солнца, подставил глаза его лучам и прозрел. Также Орион — название созвездия.

С. 118. Lunaria. В венке сонетов отразились, помимо мифологических представлений о луне как символе женского начала, также гностические, оккультные и теософские представления о мировой душе, строении космоса и развитии мира. Согласно «тайноведческим» понятиям, Луна — одна из форм развития, через которые прошла Земля, третье воплощение планеты, которому во внутреннем составе человека соответствует астральное тело — сфера индивидуализированной душевной жизни, страстей и желаний (см., напр.: Штейнер Р. Очерк тайноведения. М., 1916, с. 129—132).

II. *Селена* (греч. миф.) — дочь титанов Гипериона и Тейи, олицетворение Луны; к ней обращались со словами заклятий и колдовскими манипуляциями, желая привлечь возлюбленного. *Гиматий* — верхняя одежда древних греков из четырехугольного куска шерстяной ткани.

III. *Эмпуза* (греч. миф.) — чудовище из окружения Гекаты; увлекает жертвы, принимая вид прекрасной девы или страшного призрака. *Кратэр* — чаша, кубок.

IV. *Иони* (санскр.) — женские гениталии, символ женского начала мироздания и божественной производящей силы.

VI. *Афея* — эпитет Селены на острове Эгина. *Диана* — в римской мифологии олицетворение луны. *Геката* (греч. миф.) — богиня мрака, ночных видений и чародейства, а также лунная богиня, близкая Селене.

VIII. *«Станете, как боги»...* — «И сказал змей жене:<...> вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Бытие, III, 4—5).

X. *Гиппарх* (ок. 180-190—125 до н. э.) — древнегреческий ученый, один из основоположников астрономии.

XI. *Море Бурь, Озеро Видений* — названия областей лунной поверхности. *Mare Tenebrarum* (лат.) — море Тьмы.

XII. *Иверень* — щепа, черепск, осколок.

XIV. *Иошуа Бен-Пандир* — Иисус Христос в талмудическом толковании (еврейское личное имя Йешу(а) или Йегошуа — «Бог помощь, спасение», *«Бен-Пандир»* — сын Пандира (Пантэра), римского легионера).

С. 132. **Под знаком Льва.** *Сабашникова М. В.* — см. примеч. к стих. «Портрет». Написано по приезде в Дорнах (Швейцария) по приглашению Сабашниковой; в этом селении велось строительство антропософского «храма» — Гетеанума, в котором принял участие и Волошин. *Вошел последним внутрь ковчега.* — Подразумевается ковчег, в котором Ной и другие праведники спаслись во время всемирного потопа (Бытие, VII—VIII). Волошин пересек границу нейтральной Швейцарии 31 июля (н. ст.) 1914 г., в день начала мировой войны. «Отсюда видишь войну как бы изнутри и с точек зрения разных национальностей,— писал Волошин из Дорнаха К. В. Кандаурову 22 октября 1914 г.— Радуюсь, что я в это время здесь. Но на душе смутно, жутко и беспокойно» (ЦГАЛИ, ф. 769, оп. 1, ед. хр. 41).

С. 134. **В эти дни.** *Эренбург* Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, прозаик, публицист. Волошин тесно общался с ним в Париже в 1915—1916 гг.

С. 135. **Реймская Богоматерь.** Написано как отклик на разрушение Реймского собора — одного из шедевров зрелой французской готики XIII в.— немецкими войсками в сентябре 1914 г. при артиллерийском обстреле Реймса, города в Шампани. *Цетлин* Мария Самойловна (урожд. Тумаркина; 1882—1976) — жена М. О. Цетлина, поэта (псевдоним — Амари),

издателя, друга Волошина. Эпиграф (фр.): «Видимый на три четверти, Реймский собор напоминает фигуру огромной женщины, коленопреклоненной, в молитве. Роден». Скульптор Огюст Роден — автор книги «Кафедральные соборы Франции» (Les cathédrales de France. Paris, 1914). *Овидь* — кругозор, горизонт.

С. 137. **Парижу.** *Кругликова Е. С.*— см. примеч. к стих. «Кастаньеты». Стих. напечатано в книге «Париж накануне войны в монотипиях Е. С. Кругликовой» (Пг., 1916). *Юный Дант...*— Данте Алигьери (1265—1321) был в Париже, согласно утверждению Дж. Боккаччо, не в юности, а в зрелые годы (по-видимому, в 1307 или 1308 г.). *Отрок Бонапарт...*— Наполеон I (1769—1821) учился в Парижской военной школе в 1784—1785 гг.

С. 140. **Весна.** *Гольштейн* Александра Васильевна (1850—1937) — переводчица, критик (псевдоним — А. Баулер); политэмигрантка, постоянно жила в Париже. Оказала значительное воздействие на духовное формирование Волошина, который через ее посредство познакомился со многими деятелями французской культуры.

С. 142. **Россия.** *Наотмашь хозяин хлещет Тебя по кротким глазам.*— Реминисценция из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского (ч. I, гл. V): Раскольников видит во сне, как крестьянин истязает свою лошадь — сечет кнутом «по глазам, по самым глазам».

С. 145. **Подмастерье.** 4 июля 1917 г. Волошин, высылая А. М. Петровой свои новые стихи, отмечал: «Обратите внимание на «Подмастерье» <...> я хотел раньше это написать прозой, но потом вышли естественно стихи. В нем мое поэтическое «Исповедание Веры» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 97); в письме к ней же от 17 июля 1917 г. он пояснял, что «Подмастерье» — «по замыслу стихотворение дидактическое и написано и обработано как таковое <...> я вовсе не «переделывал» мою прозу в стихи: я просто ее продолжал обраба-

тывать и чеканить до тех пор, пока она не стала стихом — вот и все» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 97). *Львова* Юлия Федоровна (1873—1950) — композитор, пианистка, автор романсов на стихи Волошина; жила у Волошина в Коктебеле летом 1916 и 1917 гг. *Терпуг* — подпилок, напильник. *Тацит* Публий Корнелий (ок. 55— ок. 120) — римский историк.

С. 148. **Святая Русь.** *Петрова* Александра Михайловна (1871—1921) — преподавательница Александровского училища в Феодосии. Волошин вспоминает о ней: «...она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепутьях моих духовных исканий. Она прошла и спиритизм, и теософию, и истое православие, и христианскую мистику, и антропософию. Но вернее всего она была православию» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445, л. 7). Ей посвящен раздел «Звезда Полынь» в книге Волошина «Стихотворения. 1900—1910». После смерти Петровой Волошин написал статью «Киммерийская сивилла (памяти А. М. Петровой)», в которой отметил: «В развитии моего поэтического творчества <...> А. М. Петрова сыграла важную и глубокую роль» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 356).

С. 150. **Мир.** Первоначальное заглавие — «Брестский мир». Стих. отражает переживания Волошина, связанные с началом (20 ноября 1917 г.) переговоров в Брест-Литовске с Германией, диктовавшей России тягчайшие условия мира. 9 декабря 1917 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Я не нахожу, чтобы между «Миром» и «Св<ятой> Русью» было противоречие: одно обращено к душе России, к духу расы, а другое к государству, к империи: одно к Руси, другое к России. Оба стих<отворения> получают смысл поставленные рядом. У меня есть вера в Русь, но есть и отношение европейца к Российскому государству, и от него я не хочу и не могу отказываться, как и от первого» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 97).

С. 151. **Термидор.** *Термидор* — подразумевается 9 термидора III года (27 июля 1794 г.), день падения якобинской

диктатуры. *Катрин Тео* (1725—1794) — визионерка; с ее сектой поддерживал связь Максимилиан Робеспьер. Эпизод, передаваемый в 1-й части стихотворения, подробно пересказан Волошиным в статье «Пророки и мстители» (см.: Волошин М. Лики творчества, с. 204—205). *Верховный жрец...*— Робеспьер считал себя основателем новой государственной религии — культа «верховного существа»; 2 прериаля III года (8 июня 1794 г.) в Париже был проведен праздник верховного существа. *Тюрио* де Ла Розьер (1753—1829) — адвокат, депутат Конвента. *Сен-Жюст* Луи Антуан (1767—1794), *Леба* Филипп Франсуа Жозеф (1764—1794), *Кутон* Жорж Огюст (1755—1794) — члены Конвента, якобинцы, ближайшие сподвижники Робеспьера. *Дантон* Жорж Жак (1759—1794) — деятель Французской революции, главный организатор национальной обороны; противник террора, в 1793 г. был отстранен от власти и по настоянию Робеспьера 16 жерминаля III года (5 апреля 1794 г.) гильотинирован. *Убит Леба.*— Леба покончил с собой. *Последний путь свершает Робеспьер.*— Робеспьер и 20 его сподвижников были гильотинированы утром 10 термидора (28 июля 1794 г.), перед казнью их долго возили по улицам под оскорбления толпы.

С. 155. **Трихины.** Эпиграф восходит к эпилогу «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 6. Л., 1973. С. 419). Целиком это пророчество Волошин приводит в статье «Пророки и мстители» (см.: Волошин М. Лики творчества, с. 188—189). *За всех во всем пред всеми виноват.*— Неточная цитата из «Братьев Карамазовых» (ч. II, кн. 6, гл. II): «...воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 14, с. 262).

С. 156. **Dmetrius-Imperator (1591—1613).** *Заглавие* — датировки обозначают: 1591, 15 мая — убийство в Угличе сына

Ивана Грозного царевича Дмитрия; 1613 — казнь в Москве у Серпуховских ворот малолетнего сына Лжедмитрия I и Марины Мнишек. История Смутного времени была известна Волошину по авторитетнейшим исследованиям П. Пирлинга (Дмитрий Самозванец. М., 1912), В. О. Ключевского (Курс русской истории. Ч. III. М., 1916), С. Ф. Платонова (Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1910) и др. 19 января 1918 г. Волошин писал А. М. Петровой: «Пока у меня единый русский демон — «Дмитрий-Император». Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов («имя ему — легион»). Ведь Дмитрий вполне реален — так именно он должен был представляться тем его современникам, которые шли последовательно за всеми самозванцами» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 98). *Оболенская* Юлия Леонидовна (1889—1945) — художница, в 1910-е гг. близкая приятельница Волошина. *Мезга* — толченая древесная кора. *Вышел я...*— Лжедмитрий I, русский царь в 1605—1606 гг. *Пасолнце* — побочное солнце, явление на небе отражения солнца. *Марина* Мнишек — дочь воеводы Сандомирского Юрия Мнишка; ее свадьба с Лжедмитрием I состоялась в Москве 8 мая 1606 г. *Сопель* — дудка, свирель. *...сожгли, Пепл собрали* и т. д.— Тело Лжедмитрия I, убитого в ночь с 16 на 17 мая 1606 г., было сожжено, прахом выстрелили из пушки в сторону Польши и Литвы. *Я пошел из Польши...*— Лжедмитрий II, также польско-литовский ставленник, в 1608 г. обосновался военным лагерем в Тушине под Москвой. *Василий* Иванович Шуйский (1552—1612), царь в 1606—1610 гг., повелел перенести тело царевича Дмитрия из Углича в Москву и похоронить в Архангельском соборе. *А Марина в Тушино бежала...*— Марина Мнишек в 1608 г. тайно обвенчалась с Лжедмитрием II. *Умерщвлен татарами и жмудью...*— Лжедмитрий II был убит 11 декабря 1610 г.

С. 159. **Стенькин суд.** 25 декабря 1917 г. Волошин писал

А. М. Петровой: «Посылаю Вам новое стихотворение о Стеньке Разине. Тема ультра-современная. Мне хотелось Св<ятой> Руси противопоставить Русь грешную и окаянную. Сейчас начинается настоящий Стенькин Суд. Самозванчество, разбойничество... вот основные элементы всякой русской смуты. Не думайте, что слова Стеньки в стихах об равенстве — это натяжка на современность: это точные его слова из «Прелестных писем» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 97). *Кедров* Николай Николаевич (1871—1940) — певец, профессор Петербургской консерватории; жил у Волошина в Коктебеле в 1916 и 1917 гг. *Море Хвалынское* — Каспийское море. *Шихан* — островерхий холм, крутой бугор. *Сарынь* — ватага, толпа, чернь. *Остоженка* — улица в Москве.

С. 162. **Демоны глухонемые.** Заглавие восходит к стих. Ф. И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1865):

Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Это четверостишие Волошин взял эпиграфом к книге «Демоны глухонемые», открывающейся одноименным стихотворением. 30 декабря 1917 г., высылая стих. А. М. Петровой, Волошин писал: «Ведь Демон <...> не непременно бес — это среднее между Богом и человеком: в этом смысле ангелы — демоны и олимпийские боги — тоже демоны. В земной манифестации демон может быть как человеком, так и явлением. И в той и в другой форме глухонемота является неизбежным признаком посланничества, как Вы видите по эпиграфу из Исайи. Они ведь только уста, через которые вещает Св. Дух. Они только знак, который сам себя прочесть не может, хотя иногда сознает, что он знак» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 97).

С. 163. **Из бездны.** *Новинский* Александр Александрович — капитан второго ранга, начальник Феодосийского порта. Познакомился и сблизился с Волошиным летом 1916 г.

С. 165. **Преосуществление.** *Богаевский К. Ф.*— см. примеч. к циклу «Киммерийские сумерки». Эпиграф (лат.): «После разрушения 40 или более дней Рим оставался настолько опустошенным, что из людей никто в нем не задерживался, но только звери. Комментарии Марцеллина». *Марцеллин* (VI в.) — автор хроники на латинском языке о событиях в Византии. *Гот теснил и грабил Грека...*— В войне Византии с остготами (536—552) Рим шесть раз подвергался осаде и переходил из рук в руки. *Монах, писавший «Акты Остготских королей»* — готский историк Иордан (Иорданес, VI в.), в некоторых источниках именуется епископом (см.: Иордан. О происхождении и деянии гетов. Getica. М., 1960). *Соракта* — гора в 40 км от Рима, высшая точка возвышенности на правом берегу Тибра. *Тотила* — остготский король (541—552); при нем была истреблена значительная часть римского населения, а оставшиеся жители выведены из города и размещены по тюрьмам Кампании. *Священный Путь* — улица на Римском форуме, ведущая к Капитолию. *Папа* — Григорий I Великий (ок. 540—604), римский папа (590—604), принявший на себя право высшего надзора за действиями правителей.

С. 167. **Видение Иезекииля.** Стих. восходит к библейской Книге пророка Иезекииля. Явление Бога Иезекиилю сопровождалось различными природными потрясениями (бурный ветер, огонь, сияние, явление фантастических животных и т. д.). В основе «видения» — идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство, и последующего восстановления Иерусалима к новой жизни. Волошин довольно точно воспроизводит фрагменты библейского текста. *Мать родила тебя ночью в полях* и т. д.— Рассказ основан на слове Господнем к блудной дщери Иерусалима (Книга пророка Иезекииля, XVI, 4—63).

В статье «Видение Иезекииля», сопровождавшей публикацию стихотворения, Волошин писал: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и биб-

лейских пророков. И последние были современнее первых <...> в Библии можно найти слова, равносильные пафосу, нами переживаемому. <...> Иезекииль, как и Моисей,— выносил Бога лицом к лицу и оставил нам описание своего видения, столь точное и детальное, какого мы не находим ни у одного из духовидцев древних и новых времен. Его Господь разговаривает со своею избранной страной голосом и словами ревнивого мужа с неверной женой; с теми реалистическими деталями, которые смели только библейские пророки влагать в уста Божьи» (Дело, Одесса, 1919, № 2, 17/30 марта).

С. 171. **Ангел времен.** Авторский вариант заглавия — «Европа». *Рюмина* Варвара Леонидовна — крымская знакомая Волошина. *Блудницею, сидящею на звере, На водах многих с чашею в руке...*— Апокалипсический образ (Ангел говорит: «я покажу тебе суд над великою блудницею, сидящею на водах многих <...> и я увидел жену, сидящую на звере багряном <...> держала чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотами блудодейства ее; и на челе ее написано было: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным») (Откр., XVII, 1, 3—5). *И девушкой, лежащей на быке.*— Подразумевается Европа (греч. миф.) — дочь финикийского царя, похищенная влюбившимся в нее Зевсом на спине быка. *Бычий Ход* — пролив Босфор. *Махмут завоеватель* — Мехмед II Фатих (1430—1481), турецкий султан (1451—1481), завоевавший Константинополь (1453), Македонию, Фракию и другие области Юго-Восточной Европы. *Неистовый Хирург* — Петр I. *Пусть SCLAVUS раб, но Славия есть СЛАВИА...*— Ср. письмо Волошина к А. М. Петровой от 9 декабря 1917 г.: «Знаменательно имя «славяне». Для запада оно звучит, как имя рабов (esclavi). Раб и славянин по-латыни — синонимы <...> Но внутренний смысл Славянства, то, что оно тайно несет в себе,— это Слава, Слово: Право Славии» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 97).

С. 174. **Родина.** *Эпиграф* — неточная цитата из Книги

пророка Исайи (XLVII, 15); в первоисточнике: «Каждый побрел в свою сторону; никто не спасает тебя».

С. 176. **Молитва о городе.** В одноименной статье, сопровождавшей публикацию стихотворения, Волошин писал, что Феодосия весной 1918 г. «была единственным беззащитным и открытым портом на Черном море. Туда спасались со всех его побережий. Каждый день в ее порт врывались транспорты: заржавленные, помятые, заплатанные» (Дело, Одесса, 1919, № 1, 10/23 марта). *Толузаков* Сергей Александрович — офицер. Волошин общался с ним в Феодосии и в Ростове-на-Дону в июле 1919 г. *Понт* — Понт Эвксинский, греческое название Черного моря.

С. 179. **Коктебель.** ...*Изваян профиль мой.*— Южная часть горы Кок-Кая (береговой хребет Карадага), вдающаяся в море, при взгляде из Коктебеля очертаниями напоминает профиль Волошина.

С. 181. **Карадаг.** *Карадаг* — береговой горный массив вулканического происхождения близ Коктебеля. *Самофракийская Победа* — статуя греческой богини победы Нике (IV—II вв. до н. э.), найденная на острове Самофракия в Эгейском море. *Керубу* — херувимы; подразумевается причудливая форма скал Карадага. *Похожие на вход в Аид...*— Аид (греч. миф.) — царство мертвых. Подразумевается Ревущий грот в Карадаге; по легенде, по дну грота можно попасть в огромную подводную пещеру (см.: Купченко В. Кара-Даг. Симферополь, 1976, с. 65).

С. 184. **Неопалимая Купина.** *Неопалимая Купина* (библ.) — горящий и не сгорающий терновый куст, в котором Бог явился Моисею и призвал его вывести израильский народ из Египта в обетованную землю (Исход, III, 2—12). *Карл под Полтавой* — Карл XII (1682—1718), шведский король (1697—1718); в 1709 г. его армия потерпела поражение от русских войск под Полтавой. ...*в Германии русское вече* — Революция в Германии 1918 г. *Святой Серафим* Саровский

(1760—1833) — монах Саровской пустыни, прославился как величайший подвижник, в начале 1900-х гг. был канонизирован православной церковью. Волошин написал поэму о нем — «Святой Серафим» (1919, 1929); см. также книгу М. В. Сабашниковой «Святой Серафим» (М., 1913).

С. 186. **Русская революция.** *Святой Франциск* — см. примеч. к стих. «Святой Франциск».

С. 188. **Плаванье.** В стих. описана переправа Волошина и Т. Д. Цемах на шхуне «Казак» из Одессы в Крым через Кинбурн и Очаков. *Ак-Мечеть* — ныне Черноморское. *Цемах* Татьяна Давыдовна (1890 — ок. 1943; псевдоним — Татида) — приятельница Волошина, сотрудница Карадагской биостанции; в 1920-х гг. — в эмиграции (секретарь берлинского «Дома искусств»); автор сборника стихов «Восьмистишия» (Берлин, 1924).

С. 190. **Красногвардеец.** *Родзянко* Михаил Владимирович (1859—1924) — один из лидеров партии октябристов (после Февральской революции — Либеральной республиканской партии). *Муравьев* Михаил Артемьевич (1880—1918) — левый эсер; в декабре 1917 г. — начальник штаба Южного революционного фронта, в начале 1918 г. командовал войсками Одесской советской республики; инициатор мятежа против Советской власти в Симбирске в июле 1918 г. *Петлюра* Симон Васильевич (1879—1926) — главарь националистического движения на Украине в 1918—1920 гг., командующий войсками (головной атаман) «Украинской народной республики». *Григорьев* Николай Александрович (1878—1919) — главарь националистического мятежа, поднятого в мае 1919 г. на Южной Украине; до этого последовательно служил в войсках Центральной рады, гетмана Скоропадского, петлюровцев и в Красной Армии. *Котов, Таранов* — предводители банд, действовавших в Крыму в 1919 г. *Махно* Нестор Иванович (1889—1934) — анархист, возглавлявший анархо-крестьянское движение на Украине в 1918—1921 гг. («махновщина»), воевал против

белогвардейцев, петлюровцев и Красной Армии; трижды вступал в соглашение с Советской властью и нарушал его. *Расстрелянным за грабеж.*— Подлинный факт, о котором Волошин сообщает Ю. Л. Оболенской в письме от 1 февраля 1918 г.: «На днях узнал, что пятеро из моих «приятелей» красногвардейцев, что приезжали водворять большевистский строй в Коктебеле, расстреляны под Старым Крымом матросами за грабеж и убийства. <...> Очень между ними хорош был «старшой» залихватским юно-петушиным видом <...> очень он хорошо в «народном собрании», прежде чем начать говорить, щелкал, точно бич развертывал, многосложным площадным ругательством».

С. 192. **Бегство.** Стих. посвящено спутникам Волошина по плаванию на шхуне «Казак» (см. примеч. к стих. «Плаванье») Малишевскому, Врублевскому, Борисову — большевикам-чекистам, переправлявшим из Одессы в Крым, через линию французской морской блокады, секретные бумаги Особого отдела. 16 мая 1919 г. Волошин писал И. А. Бунину из Евпатории: «Мы пробыли день на Кинбурнской Косе, день в Очакове, ожидая ветра, были дважды останавливаемы французским миноносцем, болтались ночь без ветра, во время мертвой зыби, были обстреляны пулеметным огнем под Ак-Мечетью, скакали на перекладных целую ночь по степям и гниющим озерам, а теперь застряли в грязнейшей гостинице, ожидая поезда» (цит. по: Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950, с. 196). *Я — буржуа изображал...*— В воспоминаниях о Н. А. Марксе (1932) Волошин пересказал этот эпизод: «...к нам на борт сошел французский офицер и спросил переводчика. Я выступил в качестве такого и рекомендовался «буржуем», бегущим из Одессы от большевиков. Очень быстро мы столковались. Общие знакомые в Париже и т. д. Нас пропустили. «А здорово вы, т-щ Волошин, буржуя представляете»,— сказали мне после обрадованные матросы, которые вовсе не ждали, что все сойдет так быстро и легко» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445).

С. 195. **Заклятье о Русской земле.** Стих. стилизовано под народные заговоры (заклинания) — словесные формулы, связанные с магическими действиями.

С. 198. **На вокзале.** Стих. отразило впечатления Волошина от поездки в конце июня — июле 1919 г. в Керчь, Екатеринодар, Ростов-на-Дону, Новороссийск.

С. 204. **Китеж.** *Китеж* — легендарный древнерусский город, погрузившийся на дно озера Светлояр и тем спасшийся от татарского поругания. По убеждению многих символистов, в легенде о Китеже отразился «великий религиозный опыт» народной души (см.: Дурылин С. Церковь Невидимого Града. Сказание о граде Китеже. М., 1914, с. 6—7). *Сергиев* — Троице-Сергиев монастырь (Московская губ.), основанный ок. 1335 г. Сергием Радонежским. *Оптина пустынь* (Калужская губ.) основана в XIV в., один из центров православного благочестия. *Саровская пустынь* (Тамбовская губ.) основана в XVII в., место подвижничества Серафима (см. примеч. к стих. «Неопалимая Купина»). *Дети Калиты* — великие князья Московские и Владимирские Семен Иванович Гордый (1316—1353) и Иван II Иванович Красный (1326—1359), правившие соответственно в 1340—1353 и 1353—1359 гг. и продолжавшие политику отца, Ивана I Даниловича Калиты, князя Московского в 1325—1340 гг., по усилению Московского княжества и собиранию вокруг него русских земель. *Василий* II *Васильевич Темный* (1415—1462) — великий князь Московский (1425—1462). *Зарезанный младенец* — царевич Дмитрий (см. примеч. к стих. «Dmetrius-Imperator»). *Отродье Кошки и Кобылы* — Михаил Федорович Романов (1595—1645), русский царь (1613—1645), основатель царской династии. Родоначальниками дворянского рода Романовых считаются Андрей Иванович Кобыла (умер до 1350—1351 гг.) и его пятый сын Федор Кошка (умер не ранее 1393 г.). *Пожарский* Дмитрий Михайлович, князь (1578—1642) — один из руководителей народного ополчения 1611—1612 гг. против польских интервентов. *Пяти*

императриц.— Екатерина I Алексеевна (Марта Скавронская, 1684—1727), жена Петра I, императрица (1725—1727); Анна Иоанновна (1693—1740), дочь Ивана V (брата Петра I), императрица (1730—1740); Анна (Елизавета) Леопольдовна (1718—1746), внучка Ивана V, регентша при сыне, малолетнем Иване VI (1740—1741); Елизавета (1709—1761), дочь Петра I, императрица (1741—1761); Екатерина II (принцесса Софья Анхальт-Цербстская, 1729—1796), жена Петра III, императрица (1762—1796). *В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской...*— Петр III (Карл Петр Ульрих), император в 1761—1762 гг., был сыном герцога Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского и Анны, дочери Петра I; сын Петра III Павел I был женат на Марии Федоровне (Софье Вюртембергской) и имел от нее 10 детей, в числе которых — императоры Александр I и Николай I.

С. 208. **Феодосия.** Написано под впечатлением пребывания в Феодосии в марте — первой половине апреля 1918 г. 15 апреля 1918 г. Волошин сообщал А. М. Петровой: «...все Черное море теперь полно транспортами <...>, на которых скитаются и бегут самые неожиданные племена, народы, расы... Всех судьба гонит преимущественно в Феодосию. Армяне — беженцы из Трапезунда, русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Констанцы, остатки сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников...» В статье «Молитва о городе (Феодосия весною 1918 года при большевиках)» Волошин писал: «В течение месяца большевики были крайней правой партией порядка. Местные «буржуи» молили Бога: «Дай Бог, только чтобы *наши* большевики продержались» (Дело, Одесса, 1919, № 1, 10/23 марта). *«Богом дан»* — перевод с греческого названия «Феодосия» (город основан греками-милетцами за 500 лет до н. э.). *Политический банкет.*— Этот эпизод Волошин пересказывает и в цитированном письме к А. М. Петровой, а также в статье «Молитва о городе».

С. 215. **Святой Франциск.** Стихотворение включено Волошиным в поэму «Святой Серафим». *Св. Франциск* Ассизский (1182—1226) — христианский подвижник, основатель монашеского ордена францисканцев. В стихотворении использованы «Гимн брату Солнцу» Франциска (см.: Конради В. Книга о святом Франциске. Спб., 1912, с. 98—99) и некоторые рассказы о святом (проповедь птицам, Франциск и волк), заимствованные из средневекового свода «Цветочки святого Франциска Ассизского» (русский перевод.— М., 1913).

С. 218. **Хвала Богоматери.** Стих. стилизовано под народные духовные стихи; включено в поэму «Святой Серафим».

С. 223. **Дикое Поле.** *Припонтийское Дикое Поле* — степь, прилегающая к северному побережью Черного моря. *Туга* — печаль, скорбь, кручина. *Равенна* — город в Италии, древняя столица Западной Римской империи, была попеременно под властью различных народов и племен (галлов, римлян, остготов и т. д.). *«Изникли, как обры»*.— Племенной союз обров (аваров) распался в VII—VIII вв.; авары были ассимилированы народами Западного Причерноморья и Придунавья. *Аристотель Фиоравенти* (Фьораванти; между 1415 и 1420 — ок. 1486) — итальянский архитектор, строитель Успенского собора в Москве (1475—1479). *Ясак* — подать, платимая инородцами. *Николай Угодник* — Николай Чудотворец, святой, образ которого подвергся сильной фольклорной мифологизации; культ его на Руси был низовым, крестьянским. *Егорий* — Георгий Победоносец, считающийся в народе покровителем земледельцев и скотоводов («скотный бог»). «Егорий — волчий пастырь» — стих. А. Н. Толстого из его книги «За синими реками» (1911). *На оградах Печерских церквей.*— Киево-Печерская лавра, древнейший монастырь на Руси (основан в 1051 г.).

С. 227. **Северовосток.** *Аттила* (ум. в 453 г.) — предводитель гуннов; в 451 г. вторгся в Галлию, в 452 г. опустошил Северную Италию. *Русь Малют, Иванов...*— Малюта Скуратов

(Бельский Григорий Лукьянович, ум. в 1573 г.) — ближайший помощник Ивана IV Грозного, руководитель террора опричнины; Иван — Иван IV. *Машкера* (устар.) — маска. *Аракчеев* Алексей Андреевич (1769—1834) — временщик при Павле I и Александре I. *Гатчина* — город под Петербургом, резиденция Павла I и Александра III. *Астрахань, Яик* (р. Урал) — центры казаческих восстаний Степана Разина и Емельяна Пугачева.

С. 230. **Сибирской 30-й дивизии.** Полки 30-й Иркутской стрелковой дивизии вошли в Феодосию 15 ноября 1920 г. Сергей Александрович *Кулагин* возглавлял ЧК дивизии, Волошин читал ему свои стихи (см.: Купченко В. Великое счастье.— Победа, Феодосия, 1977, № 15, 21 янв.).

С. 232. **Красная Пасха.** Стих. представляет собой отклик на страшный голод в Крыму, опубликовано в симферопольской газете «Красный Крым» 30 апреля 1921 г.; в тот год 1 мая совпадало с днем христианской пасхи.

С. 243. **На дне преисподней.** Александр Александрович *Блок* умер 7 августа, Николай Степанович *Гумилев* расстрелян 24 августа 1921 г. *Лазарь* — человек, воскрешенный Иисусом Христом через четыре дня после погребения (Евангелие от Иоанна, XI, 1—45).

С. 246. **Путями Каина. Трагедия материальной культуры.** Цикл философских поэм, создававшийся в 1922—1929 гг. Сохранился в автографе развернутый план Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 389), темы и идеи которого частично отражены в стихотворном цикле:

«Трагедия материальной культуры
(Путями Каина)

Эволюция как приспособление и эволюция как бунт. Приспособившийся понижается до уровня среды. Мятежник пересоздает себя, делая среду, нужную для жизни, своим внутренним достоянием. Истинная революция есть бунт против законов природы.

Бунт позвоночного: мя<те>жник уносит в себе жизненную среду древнего океана (кров<ь?>).

Бунт человека — употребление огня, которое выставляет человека из звериного стада.

Отношение человека к природе: магическое и научное познание мира. Всякое новое знание и всякая новая сила, не уравновешенные отречением от личных выгод, становятся источником всяческих бедствий и катастроф.

Орудия разрушения и производства как создатели правовых норм.

Каин как зачинатель материальной культуры. Культура и мораль кулачного права.

Культура меча и ее моральная история. Культура Пороха. Культура Пара. Культура взрыва.

Машина и ее социальные и философские последствия. Машина и война. Машина и государство.

Государство как система монополий. Монополии крови, воспитания, воровства, обмана и правды. Смысл буржуазных революций.

Человек сам создал себе ту среду, в которой он больше не может дышать: эта среда — машинная культура.

Социализм как приспособление к это<й> среде.

Пути мятежа: бунт против формул буржуазной свободы, бунт против заработной платы, против справедливости, против собственности, против благодарности.

Очагом будущей социальной семьи станет взрыв, и земля — очагом вселенной.

Эволюция космогоний: Каббала, Вавилон, Греция, Христианство, материализм, теория относительности.

Пути грядущей культуры: мы используем силы разложения мертвой природы, будущее человечество найдет их в созидающих силах роста природы органической».

Касаясь задуманной поэмы «Путями Каина» в письме к В. В. Вересаеву от 14 апреля 1922 г., Волошин отмечал:

«В ней, мне кажется, удастся сконцентрировать все мои культурно-исторические и социальные взгляды, как они у меня сложились за 20 лет жизни на западе и как они выявились в плавильном огне русской Революции» (Дружба народов, 1983, № 9, с. 217). 23 декабря 1923 г. он писал А. М. Пешковскому: «Путями Каина» — это цикл стихов, касающийся материальной культуры человечества. Россия и рус<ская> революция затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую почти все мои социальные идеи, большею частью отрицательные. Общий тон — иронический» (ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 27).

С. 246. **Мятеж.** *...зверь, Сойдя с ума, очнулся человеком...*— Образ, неоднократно встречающийся в статьях Волошина, воспринят им от Вяч. Иванова. В письме к А. М. Петровой (август 1904 г.) Волошин приводит слова Иванова: «Обезьяна, а потом неожиданный подъем: утренняя заря, рай, божественность человека. Совершается единственное в истории: животное, охваченное безумием. Обезьяна сошла с ума и стала человеком. Родилось высшее в жизни — трагедия» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 93).

С. 250. **Огонь.** *Агни* — в ведийской и индуистской мифологии бог огня, домашнего очага, жертвенного костра. *«Ригведа»* («Книга гимнов»; X в. до н. э.) — древнейший памятник индийской литературы, включает 1028 религиозных гимнов. *Праманта* — один из эпитетов Агни, вертящийся кусок дерева, с помощью которого добывали огонь.

С. 253. **Магия.** *Синдбад-Мореход* — герой средневековой книги арабских сказок «Тысяча и одна ночь». *Соломонова печать* — чудесный перстень, с помощью которого Соломон, третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 до н. э.), согласно легенде, укрощал демонов. *Джин* (джинн) — в мусульманской мифологии духи, часто злые. *Ундины* — в низшей мифологии народов Европы духи воды, русалки. *Саламандры* — в средневековых поверьях духи огня.

Кобольты (герм. миф.) — вид эльфов, духи земных недр. *Эльфы* — в низшей мифологии германских народов духи. *Никсы* (герм.-сканд. миф.) — русалки.

С. 257. **Кулак.** *«И тот, кто не оставит Отца и мать...»* — Пересказ слов Христа (Матфея, XIX, 29, Марка, X, 28—31, Луки, XVIII, 28—30). *...убил кочевника...*— Авель был пастырь овец (Бытие, IV, 2). *«Отмстится всемеро тому, кто тронет отныне Каина».*— Неточная цитата (Бытие, IV, 15). *«Свобода, братство, равенство иль смерть»* — лозунг Французской революции, впервые фигурирующий в постановлении парижского политического клуба кордельеров от 30 июня 1793 г.

С. 260. **Меч.** Стих. представляет собой вариацию на тему 1-й части статьи «Демоны Разрушения и Закона» (1908) — «Меч», в свою очередь основанной на эссе М. Метерлинка и П. де Сен-Виктора (см.: В о л о ш и н М. Лики творчества, с. 164—171, 635—637). *«Отклер», «Дюрандаль»* — названия мечей Оливье и Роланда, героев старофранцузского рыцарского эпоса «Песнь о Роланде». *Сидов меч «Тисона».*— В «Демонах Разрушения и Закона» утверждается, что приведённый девиз начертан на мече Сида Кампеадора «Коллада». *...отсекли Девяносто девять.*— Подразумевается: девяносто девять голов. Об этом обряде Волошин сообщает в «Демонах Разрушения и Закона». *Хирург и филантроп* — Жозеф Игнас Гильотен (1738—1814), врач, по предложению которого во Франции была введена в употребление гильотина (первая казнь — в апреле 1792 г.). *«Горе побежденным!»* (лат. «vae victis») — крылатое выражение, приводимое Титом Ливием («История», V, 48, 8—9): в 387 (или 390) г. до н. э. галлы, захватив Рим, оценили римский народ в тысячу фунтов золота; при выплате дани «галлы принесли неверные гири, и когда трибун стал возражать, наглый галл добавил к гирям свой меч, и римляне услышали невыносимые для них слова: горе побежденным». *«Не мир, а меч»* — Матфея, X, 34. *«Отмщенье Мне и Аз*

воздам за зло» — Второзаконие, XXXII, 35; Послание к римлянам св. апостола Павла, XII, 19.

С. 264. **Порох.** Стих. представляет собой вариацию на тему 2-й части статьи «Демоны Разрушения и Закона» — «Порох» (см.: Волошин М. Лики творчества, с. 171—178). В первоначальной авторской редакции 7-й части стих. были заключительные строки:

Им кончился не только век меча,
Но все расцветы огненной культуры:
На месте Агни воцарился взрыв,
И вихрь над устьем динамитной бомбы
Стал символом разверзшихся времен.

Орланд — герой поэмы итальянского поэта Лодовико Ариосто «Неистовый Роланд» (1516). В «Демонах Разрушения и Закона» Волошин приводит эти цитаты из Ариосто и из «Дон Кихота» Сервантеса в более пространном виде (см.: Волошин М. Лики творчества, с. 171).

С. 267. **Пар.** *Минотавр* (греч. миф.) — чудовище-человекобык, в жертву которому ежегодно приносили семь юношей и девушек. *...пересоздал По своему подобью человека.*— Эту мысль Волошин подробно развивает в статье «Сизеран об эстетике современности» (1904) (см.: Волошин М. Лики творчества, с. 185—186).

С. 281. **Война.** В первоначальной редакции публиковалось под заглавием «Аполлион». Стих. отражает позицию Волошина по отношению к первой мировой войне. Ср. его письмо к матери от 13 августа 1915 г.: «Я совсем не верю ни в освободительный, ни в очистительный смысл войны. <...> Это все выдумано, чтобы сделать ее популярной. Просто несколько осминогов (промышленности) силятся пожрать друг друга. Ради этого и идет все. А заманивают благородной ложью. Идут на войну и святые и мученики. Но все для того чтобы стать желудочным соком в пищеварении осминога» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 63). *Лиддит* — взрывчатое вещество, распространяющее при

взрыве удушливые газы. *Мелинит* — взрывчатое вещество, состоящее из пикриновой кислоты и пироксилина.

С. 286. **Космос.** В письме к В. В. Вересаеву от 15 июня 1923 г. Волошин характеризовал эту часть цикла: «Это смена космогоний, начиная с каббалистического представления (по Зогару) и кончая теорией относительности. Тема портретирования культур — близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать «Космос» до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя» (Дружба народов, 1983, № 9, с. 223; упоминается «Закат Европы» немецкого философа Освальда Шпенглера, вышедший в 1923 г. в русском переводе). *Гексаграмма* — шестиугольник (каббалистический знак). *Зодиак* — пояс на небесной сфере, по которому движутся Солнце, Луна и планеты, разделяется на 12 знаков по числу зодиакальных созвездий. *Халдейский звездочет...*— Халдеи — древние кочевые племена, обитавшие близ устьев Тигра и Евфрата во II тысячелетии до н. э.; считаются основоположниками астрономии. *Палестра* — общественная гимнастическая школа в Древней Греции. *Метоп* — часть фриза на колоннах с рельефными изображениями. *Эпод* — в античной трагедии заключительная часть песни, исполнявшейся хором после ряда строф и антистроф. *Эсхил* (ок. 525—456 до н. э.) — древнегреческий драматург, «отец трагедии». *Фидий* (V в. до н. э.) — древнегреческий архитектор и скульптор. *Эмпирей* — в средневековой христианской космологии огневое небо, объемлющее прочие небесные сферы и руководящее их движением, абсолютный верх космоса. *Интердикты* — распространенные в средние века в римско-католической церкви запрещения общественного богослужения; форма наказания отдельных лиц, а также целых городов и территорий. *Пытливый дух апостола Фомы...*— Евангельский эпизод с Фомой, одним из двенадцати апостолов, сказавшим о явлении воскресшего Христа: «если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Иоанна, XX, 25). *Лаплас*

Пьер Симон (1749—1827) — французский астроном. *Аэролит* — метеорит. *Льяло* — форма для отливки, изложница.

С. 295. **Таноб.** *Таноб* — темница, место подвижничества христианских аскетов. *Иоанн Лествичник* (ок. 525 — ок. 600) — синайский монах, автор «Лествицы», памятника аскетической назидательной литературы, содержащего 30 бесед о различных ступенях духовного восхождения к совершенству. Волошин пересказывает 5-ю степень (3—14) «Лествицы» («О попечительном и действительном покаянии, в коем описуется житие святых осужденников, и о темнице»). *Отравленный хитон Геракла.*— Хитон, пропитанный кровью кентавра Несса, превратившейся в яд; когда Геракл надел хитон, он сразу прирос к телу, причиняя невыносимые страдания. *Доминиканцы* — члены монашеского ордена, основанного св. Домиником в 1215 г.; одним из назначений ордена была охрана церкви от ересей. С 1232 г. в руки доминиканцев была передана инквизиция. Николай *Коперник* (1473—1543), избранный каноником в 24 года, в 1512 г. поселился в городе Фромборк в одной из башен крепостной стены, служившей ему обсерваторией. *Кеплер* Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном, открывший законы движения планет. *Риман* Георг Фридрих Бернхард (1826—1866) — немецкий математик.

С. 303. **Государство.** *Тягчайшее же — воспитанье.*— Эту мысль Волошин зафиксировал в дневнике еще 28 сентября 1904 г.: «Из всех насилий, производимых над человеческою личностью,— убийство наименьшее насилие, а воспитание — наибольшее» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 441, л. 25). *Компрачикосы* — сообщество бродяг (XVII в.), которые скупали и перепродавали детей, фабрикуя из них уродов и калек; подробно описаны в романе Виктора Гюго «Человек, который смеется» (1869). *Гаротта* — применявшееся в Испании орудие казни посредством удавления.

С. 308. **Левиафан.** *Эпиграф* — цитата из книги английского философа Томаса Гоббса (1588—1679) «Левиафан, или Мате-

рия, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651). *Левиафан* (библ. миф.) — фантастическое морское чудовище, упоминаемое как пример непостижимости божественного творения. Наиболее развернутое его описание — в Книге Иова (XL—XLI), на которую опирается Волошин.

С. 311. **Суд.** *Призыв Архангела...*— Апокалипсический призыв, возвещающий начало Страшного Суда. *Звериный круг* — круг Зодиака.

С. 318. **Дом Поэта.** 9 ноября 1926 г. Волошин писал А. П. Остроумовой-Лебедевой: «Сейчас заканчиваю большое стихотворение о Коктебеле же — «Дом Поэта», которое посвящается всем гостям и друзьям Коктебеля» (ГПБ, ф. 1015, ед. хр. 517). Дом Волошина в Коктебеле был построен в 1903 г., в 1910—1920-е гг. стал местом отдыха многих деятелей культуры, с 1923 г. взят под охрану Советской властью (см.: Купченко В. Остров Коктебель. М., 1981). *Айлант* — китайский ясень. *Алкеев стих* — алкеева строфа (состоит из 4 стихов-логаэдов), введенная древнегреческим поэтом Алкеем (VII—VI в. до н. э.). *Вулкан* — Карадаг, являющийся остатком потухшего вулкана. *...некое подобье* — см. примеч. к стих. «Коктебель». *Ольвийский герб...*— Ольвия, греческая колония в северо-западном Причерноморье. *Слезница* — у древних сосуд, который ставили в могилу; полагали, что в нем скоплялись слезы оплакивающих покойника. *Глет* — глазурованный сосуд или черепок его. *Бусый* — буро-дымчатый, темно-голубо-серый. *Каких последов в этой почве нет...*— ср. статью Волошина «Культура, искусство, памятники Крыма»: «Крым — не музей. Сюда от избытка переливались отдельные струи человеческих потоков, замирали в тихой и безвыходной заводи, осаждали свой ил на мелкое дно, ложились друг на друга слоями, а потом органически смешивались» (Крым: Путеводитель. М.; Л., 1925, с. 127). *...с Екатерины...*— При Екатерине II в 1787 г. Крым был официально присоединен к России. *Таиах* — см. примеч. к стих. «Таиах». *«Мир посетить в минуты роковые».*— Подра-

зумеваются строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1830): «Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые!»

С. 327. **Аделаида Герцык.** *Герцык* А. К.— см. примеч. к стих. «Перепутал карты я пасьянса...». Стихотворение написано в ответ на просьбу сестры поэтессы, Е. К. Герцык, написать о ней воспоминания. 17 февраля 1929 г. Волошин писал Е. К. Герцык: «...хотел исполнить просимое Вами, и исполнил. Но это вышла не страница мемуаров, а стихотворение, посвященное памяти Аделаиды Казимировны» (Г е р ц ы к Е. Воспоминания. Paris, 1973, с. 94). *Посконь* — вид конопли, дающей крепкое полотно. *Изида* (египет. миф.) — богиня плодородия, воды и ветра; ей приписывалось изобретение магических формул и знание сокровенных тайн. *...Сугдейской старины.*— Сугдейя (Сугдайя), название Судака в период греческого и генуэзского владычества. В Судаке находилась дача семьи Герцык.

С. 329. **Владимирская Богоматерь.** В автографе стихотворения Волошиным зачеркнуты строки после ст. 5 («Нет ни сил, ни слов на языке...»):

Собранный в зверином напряженьи
Львенок-Сфинкс к плечу Ее прирос,
К Ней прильнул и замер без движенья,
Весь — порыв, и воля, и вопрос.

Зачеркнуты также строки после ст. «Всей Руси в веках озарена»:

И Владимирская Богоматерь
Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
На порогах киевским ладьям
Указуя правильный фарватер.

Изъять эти строки предложил С. Н. Дурылин в письме к Волошину от 20 мая/2 июня 1929 г. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 525).

Владимирская Богоматерь — византийская икона XI в., привезенная в Киев в начале второй четверти XII в., с древних времен воспринималась как национальная святыня; ныне хранится в Третьяковской галерее. Стих. обращено к крупнейшему исследователю русской иконописи Александру Ивановичу

Анисимову (1877—1932), автору статьи «История Владимирской иконы в свете реставрации» (Труды Секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН, II, М., 1928) и книги «Владимирская икона Божией Матери» (Прага, 1928) — работ, использованных Волошиным при написании стихотворения (перепечатаны в кн.: Анисимов А. И. О древнерусском искусстве. М., 1983). См. о нем: Вздорнов Г. И. Александр Иванович Анисимов.— Сов. искусствознание, 82, вып. 2 (17), М., 1984, с. 298—320. *...ушла с Андреем в Боголюбов...*— В 1155 г. икона была перевезена из Киевской Руси в Суздальскую Андреем Боголюбским (ок. 1111—1174), князем владимиро-суздальским с 1157 г.; была помещена не позднее 1161 г. во владимирском Успенском соборе. *Боголюбово* — замок под Владимиром, резиденция Андрея Боголюбского. *Хромец-Железный* — Тимур (Тамерлан; 1336—1405) — среднеазиатский полководец; разбив в 1395 г. золотоордынского хана Тохтамыша, преследовал его до русских пределов, разрушил Елец. *Кто в Москву ему прохода не дал...*— Под угрозой нашествия Тамерлана великий князь Василий Дмитриевич велел перенести священную икону из Владимира в Москву — в Успенский собор, где она была торжественно принята 26 августа 1395 г.; в тот же день Тамерлан оставил пределы России (Анисимов А. И. О древнерусском искусстве, с. 215—216). *Ушла Предстательница-Дева Из своих поруганных святынь.*— Во время нашествия Наполеона в 1812 г. икона была увезена на несколько месяцев во Владимир и Муром, весной 1813 г. возвращена в московский Успенский собор. *Ты явила подлинный свой Лик.*— В 1919 г. Всероссийская комиссия по раскрытию памятников древнерусской живописи приступила к реставрации иконы, которая была освобождена от ризы, оклада и позднейших прописей.



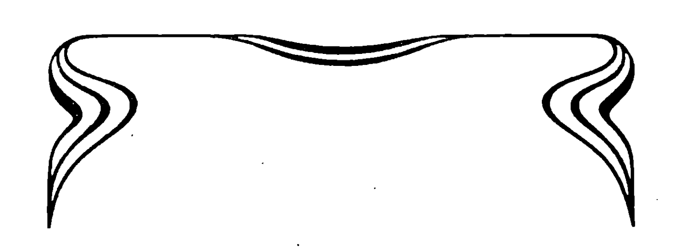
К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

До сих пор Волошин-художник был известен почти исключительно как мастер акварели. В настоящем издании впервые собраны рисунки Волошина, которые создавались на протяжении всей его творческой деятельности. Подавляющее большинство их сосредоточено в записных книжках и альбомах, хранящихся в архиве Волошина (ИРЛИ, ф. 562, оп. 2, ед. хр. 1—165). Общее количество рисунков огромно — множество сотен; самый большой из альбомов, с наклеенными рисунками, содержит почти 500 изображений. Рисунки выполнены по большей части карандашом и чернилами (или тушью), некоторые раскрашены акварелью. Тематический спектр их чрезвычайно разнообразен: пейзажи (в том числе коктебельские зарисовки), портреты, жанровые сценки и городские виды, натюрморты, декоративные наброски и т. д.

Некоторые рисунки, воспроизводимые в настоящем издании, атрибутируются как портреты родственников и знакомых Волошина. Это карандашные наброски портретов Константина Дмитриевича Бальмонта (1867—1942) и Валерия Яковлевича Брюсова (1873—1924) (с. 122), портреты матери поэта, Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной (1850—1923) (с. 207), и его двоюродного брата Якова Александровича Глотова (1877—1938?) (с. 164). Среди зарисованных Волошиным лиц — Максим Максимович Ковалевский (1851—1916), юрист, историк

и общественный деятель (с. 39); художница Е. С. Кругликова (с. 137); Павел Павлович фон Теш (1842—1908), врач, близкий друг матери Волошина, приобретший для нее землю в Коктебеле весной 1893 г. (с. 154); художник Петр Николаевич Троянский (?—1923) (с. 231); Екатерина Федоровна Юнге (урожд. Толстая, 1843—1913), художница и мемуаристка (с. 214); Поликсена Сергеевна Соловьева (1867—1924), поэтесса (псевдоним — Allegro), жившая в Коктебеле на собственной даче (с. 194). Представлены также несколько автопортретов Волошина (фронтиспис, с. 67, 99, 247).





СОДЕРЖАНИЕ

МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



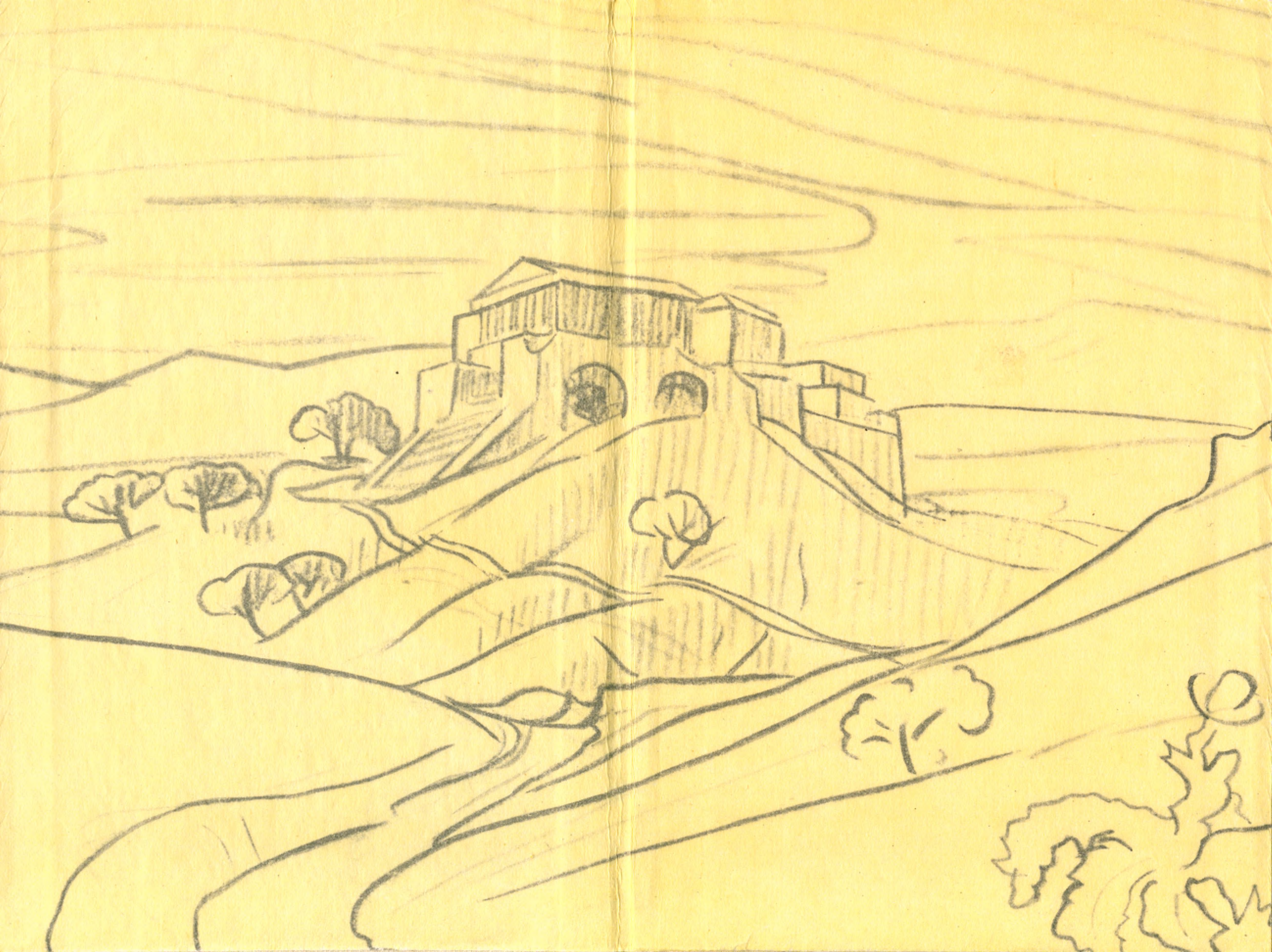
Редактор *В. М. Курганова*
Художественный редактор *Н. Д. Викторова*
Технические редакторы *И. И. Павлова, Г. О. Нефедова*
Корректор *А. З. Лазуткина*

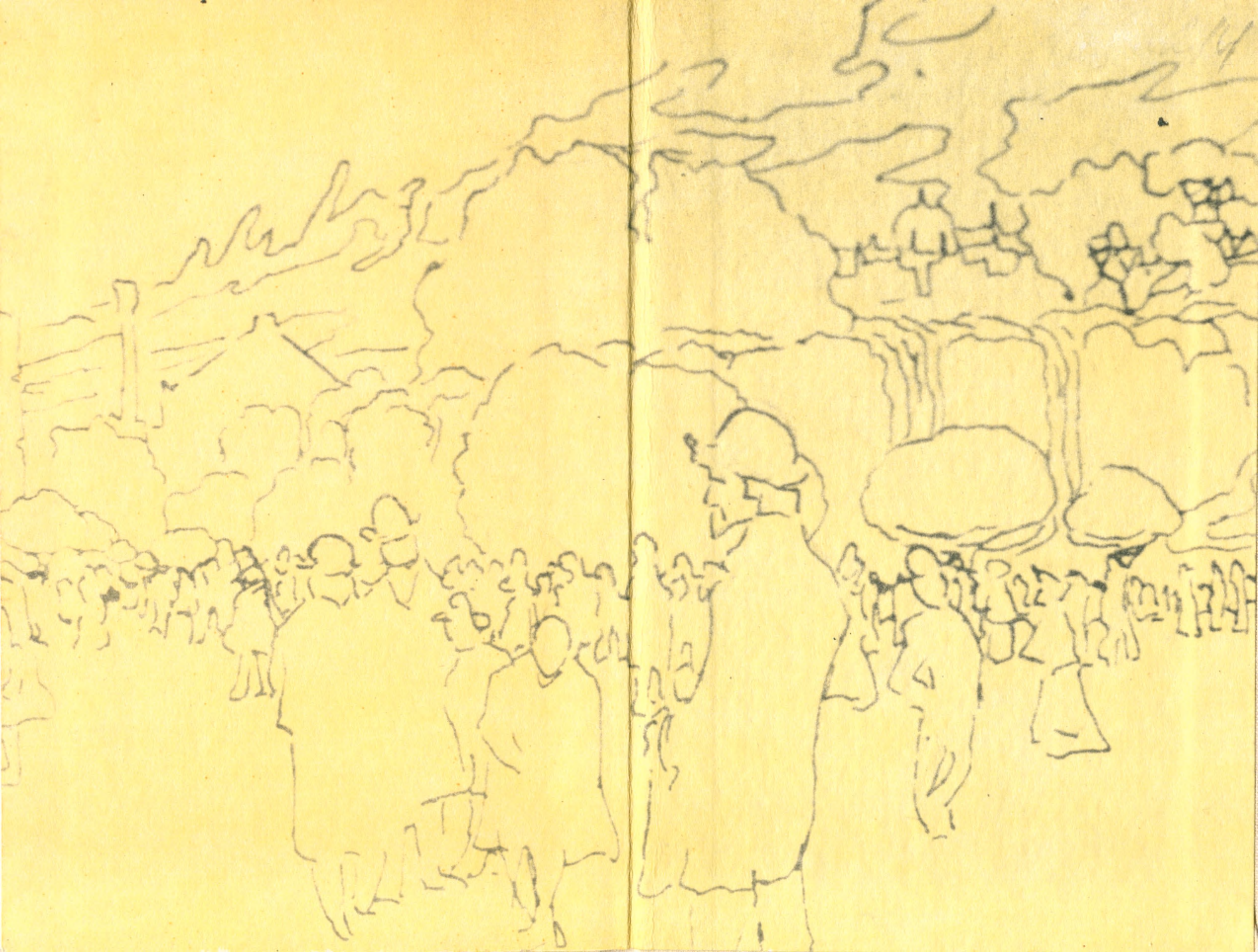
ИБ № 4503

Сдано в набор 20.04.88. Подп. в печать 08.08.88. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. п. л. 15,60. Усл. кр.-отт. 31,53. Уч.-изд. л. 13,63. Тираж 225.000 экз. Заказ № 1129. Цена 1 р. 30 к. Изд. инд. ЛХП-108.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.





«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»